

И. М. ЛИНДЕР
ШАХМАТЫ
НА
Руси

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СЕРИЯ «ИЗ ИСТОРИИ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ»

И. М. ЛИНДЕР

ШАХМАТЫ НА РУСИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА · 1964

Ответственный редактор
академик С. Г. СТРУМИЛИН

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время излишне доказывать, что шахматы — не просто игра, а область культуры народа. И все же шахматная культура остается пока одной из малоизученных страниц древней истории нашей страны. Может быть, поэтому шахматному искусству не было уделено внимания ни в книге Б. Д. Грекова «Культура Киевской Руси» (1944), ни в двухтомной «Истории культуры древней Руси» (1948—1951), ни, наконец, в многотомной «Истории русского искусства» (1953—1959). А между тем включение в историю культуры древней Руси специального раздела, посвященного шахматам, сделало бы эти труды более полнокровными, раскрыло бы еще одну исключительно интересную сторону жизни народа. Уже одно то, что шахматы получили распространение на Руси более тысячи лет назад, что с тех пор и на протяжении многих поколений они занимают ум и воображение людей самых различных слоев общества, заслуживает пристального рассмотрения и исследования.

Эта увлеченность шахматами нашла отражение во многих областях жизни и культуры народа: в изделиях древнерусского ремесла, в произведениях фольклора, в русском языке, до сих пор сохранившем в названиях шахматных фигур древнюю терминологию, в отдельных памятниках литературы. Иными словами, история шахмат многими нитями соединена с самыми различными областями современной науки — археологией, этнографией, историей литературы, ремесла и прикладного ис-

кусства, книгопечатания и просвещения и т. д. Специалисты в каждой из этих областей знания, сталкиваясь с новыми фактами, связанными с шахматной культурой, вынуждены обратить на них внимание и высказать свое отношение к ним, а порой выполнить то или иное частное исследование. Однако недостаточное знакомство, а подчас отсутствие четких представлений о древней истории шахмат приводят к неверным выводам и даже к грубым ошибкам. Так, в вышедшем недавно «Кратком этимологическом словаре русского языка» (М., 1961) при объяснении слова «шахматы» говорится, что оно «было заимствовано из немецкого языка (ср. нем. *schachmatten* — „сделать мат“)». Между тем исследователями шахматной терминологии уже более ста лет назад доказано восточное происхождение слова «шахматы». Не говоря уже о том, что в переводе это слово имеет совершенно иной смысл.

Или другой пример. В очередном выпуске «Археологии» (Украинская Академия наук, 1950, т. 3) под одним из рисунков находок, сделанных во время раскопок древнего Вышгорода, читаем: «Кістяний виріб невідомого призначення, можливо, п'ята від веретена». В действительности же это не «пята веретена», как думал автор статьи, а древняя шахматная ладья, найденная в слоях XI—XII вв. Правда, ладья сильно отличается от современной фигуры, как и другие средневековые символические шахматы. Недостаточное знакомство с историей шахмат до сих пор мешает археологам в исследовании некоторых найденных предметов. Эти примеры свидетельствуют о назревшей необходимости научного изучения истории шахмат древней Руси с привлечением новых материалов и последних работ общепристорического характера.

Второе столетие изучается древнерусская шахматная культура. Особенное внимание историков привлекли проблемы происхождения шахмат в России. Откуда пришла игра к восточным славянам? Когда и какими путями проникла она на Русь? Насколько широко были распространены шахматы в ту или иную эпоху?

Эти и многие другие вопросы составили целый комплекс проблем, вокруг которых разгорелись горячие споры и дискуссии, высказывались самые различные пред-

положения и гипотезы. Установление путей и времени проникновения зависело притом не столько от источников, находившихся в распоряжении исследователей, сколько от самого подхода к решению проблем. Ибо письменных свидетельств о ранней поре русских шахмат не сохранилось (первое упоминание об игре относится лишь ко второй половине XIII в.), и почти все историки пользовались одним источником — шахматной терминологией.

Древность русских названий фигур и игры, их резкое отличие от западных и сходство с восточными терминами отмечал еще И. Г. Бутримов, автор первого в России шахматного учебника (1821). «Как игра сия,— писал он,— есть произведение восточных народов, обитателей Инда, то и корень названия шашек (фигур.— И. Л.) и вообще всех встречающихся в ней технических для нас слов и выражений должно искать на их языках». Рассматривая, например, фигуру ферзя и объясняя смысл термина, Бутримов указывал, что «сие древнее имя она сохранила только у нас; на всех же других европейских наречиях названа королевою». Однако из этих наблюдений он не сделал еще каких-либо определенных выводов.

Впервые связал проблемы шахматной терминологии с происхождением игры в России два десятилетия спустя известный петербургский мастер и теоретик шахмат К. А. Яниш в статье «Русская шахматная терминология», напечатанной в 1842 г. во французском журнале «Паламед». Высказав интересные мысли о возникновении ряда шахматных названий — «ферзь», «слон», «ладья», «пешка», Яниш сделал принципиальный вывод: русский народ «получил игру не от испанцев и итальянцев, заимствовавших ее в свою очередь от арабов, но прямо от индо-персидского востока». С этим выводом — игра пришла в Россию с востока — согласились в дальнейшем, за редким исключением, все историки шахмат.

Гораздо более сложной задачей оказалось установление конкретных путей и времени проникновения шахматной культуры на Русь. Исследователи не только не пришли к единому мнению, но высказали совершенно различные взгляды и гипотезы, иногда настолько различные, что определяемые ими даты заимствования

оказывались отделены друг от друга многими столетиями.

Яниш в упомянутой работе, основываясь на общеисторических соображениях, высказал предположение, что шахматы были принесены татаро-монгольскими завоевателями, сыгравшими в данном случае роль посредников между Русью и индо-персидским востоком. Однако мало кто среди русских историков объявил себя сторонником теории, которая устанавливала столь позднее время проникновения игры в нашу страну (XIII—XIV вв.). В 70-х годах XIX в. мнение Яниша поддержали историки А. Н. Грачевский и М. К. Гоняев, а в советское время — лишь историк шахмат М. С. Коган.

На несостоятельность этой теории указал еще в начале нынешнего века сибирский шахматист И. Т. Савенков, автор оригинальной работы «К вопросу об эволюции шахматной игры». Он же рассмотрел и отверг гипотезу о принесении на Русь шахматной игры византийскими христианами, высказанную в прошлом столетии И. Е. Забелиным и С. А. Сорокиным. Савенков изучил следы древних влияний в русской шахматной терминологии, а также открытия ученых в области торговых и культурных связей славян с арабами, персами и хазарами в конце первого тысячелетия нашей эры и сделал вывод о том, что на Русь шахматы пришли в VIII—IX вв. При этом он подчеркнул значение Волжско-Каспийского торгового пути и роль хазар как посредников в передаче игры с арабо-персидского востока. Кстати, еще ранее указал на возможность такой гипотезы М. К. Гоняев в письме к Д. И. Саргину, опубликованном в «Шахматном обозрении» (1892, № 10).

С выводами Савенкова согласился известный английский историк шахмат Г. Меррей, а полвека спустя — советские исследователи Э. Ходжаев и Ф. Дюммель в работе, посвященной рукописи средневекового таджикского шахматиста Абульфатха. Однако, подчеркивая роль народов Средней Азии в передаче шахмат славянам, они отодвигали на век раньше саму дату проникновения.

Еще более ранние сроки были названы в книге «Древность игр в шашки и шахматы» (1915) Д. И. Саргина, предположившего, что шахматы появились у рус-

ских до завоевания Ирана арабами, т. е. в VI в. Филологические экскурсы Саргина, которые должны были доказать это положение (например, выведение слова «шеренга» от санскритского «чатуранга»), были, однако, сомнительны. Саргин слишком увлекся к тому же выяснением влияния шашек на эволюцию шахматной игры и в результате приписал им решающую роль в происхождении современных шахмат. Все это снижало научную ценность книги, насыщенной богатым фактическим материалом и рядом интересных соображений по отдельным вопросам развития шахмат.

В какой-то мере влиянием Саргина отмечена работа советского исследователя И. Л. Майзелиса, пришедшего к заключению, что шахматы проникли на Русь непосредственно из Индии уже в V—VII вв. При этом главной мотивировкой служил термин «ладья», не имевший хождения среди народов Ближнего и Среднего Востока и оставшийся у славян, по мнению автора гипотезы, после какого-то «первого этапа» заимствования. Однако это положение не было подтверждено сколько-нибудь убедительными фактами, которые доказывали бы наличие в истории древней Руси разновременных волн проникновения шахматной культуры из стран Востока.

За исключением труда И. Т. Савенкова, широко использовавшего для изучения проблемы «живую старину шахмат» — этнографические материалы, названные работы опирались в своих доказательствах главным образом на этимологические изыскания. Это сужало горизонты обозрения древней истории шахмат, делало выводы не всегда достаточно обоснованными и вескими. К тому же авторы не привлекали для исследования такие важные источники, как былинный эпос и археологические находки. Хотя отдельные историки (Сорокин, Коган) и обратили внимание на упоминания шахмат в устном народном творчестве и даже привели в своих работах отрывки из былин, они, однако, меньше всего были склонны видеть в них своеобразный исторический источник для характеристики раннего периода древнерусской шахматной культуры. В этой связи представляет интерес недавно опубликованная работа академика С. Г. Струмилина «Шах да и мат да и под доску» («Наука и жизнь», 1962, № 1; «Шахматы в СССР», 1962,

№ 5). В ней впервые сделана попытка исторического осмысления ряда шахматных эпизодов русского былинного эпоса.

Долгое время историками шахмат недооценивались также археологические материалы. А между тем уже находки шахматных фигур в конце прошлого века при раскопках в Киеве, а в 30-х годах XX в. в Вышгороде и других городах могли навести исследователей на размышления о более глубокой древности отечественной шахматной культуры, чем это определялось, например, авторами татаро-монгольской теории.

Первой в нашей стране историко-археологической работой, посвященной шахматам, была книга «Шатранг» (1936) академика И. А. Орбели и К. В. Тревер (ныне член-корреспондент АН СССР). Авторы исследовали две древние шахматные фигуры, обнаруженные на территории Средней Азии — в Самарканде (Афрасиабе) и Фергане. В своей работе они широко использовали произведение классика персидской и таджикской поэзии Фирдоуси «Шах-намэ» («Книга царей», X в.) и «Книгу игр» кастильского короля Альфонса Мудрого (XIII в.). Впервые «нешахматные» специалисты вторглись в область истории шахмат и оценили эту игру как отрасль культуры, изучение которой помогает пролить свет на взаимоотношения и культурные влияния народов древности.

И. А. Орбели и К. В. Тревер высказали предположение о возможности проникновения шахмат на Русь с Кавказа, однако каких-либо тому доказательств не привели.

В конце 40-х — начале 50-х годов советские ученые, преимущественно археологи, в связи с новыми находками также провели исследования, имеющие отношение к древней истории шахмат. Ценные мысли об изготовлении в ту пору шахмат высказал в своем фундаментальном труде «Ремесло древней Руси» (1948) академик Б. А. Рыбаков. Глубокое исследование шахмат XVII в., найденных на острове Фаддея, произвел ленинградский археолог С. Н. Замятнин. Интересный анализ находки шахматной ладьи XII в. выполнил профессор Н. Н. Воронин в книге «Древнее Гродно» (1954). При исследовании частных вопросов эти ученые не могли избежать и

работ по истории шахмат и постоянно ссылались на Савенкова, Когана и других историков шахмат.

Сенсационными явились находки на территории древнего Новгорода, где археологической экспедицией Академии наук СССР обнаружено за последнее десятилетие около 60 шахматных фигур XII—XV вв. Исследование этих фигур, проведенное заместителем начальника экспедиции Б. А. Колчиным и автором этой книги, позволило сделать ряд выводов о распространении шахмат на Руси.

Археологических находок шахмат в последние годы становится все больше и больше. В настоящее время их можно насчитать свыше полутора ста. Необычайно расширилась география находок как на территории древней Руси, так и в сопредельных районах и территориях. Теперь уже нет сомнения в том, что ни одного кардинального вопроса в истории древней шахматной культуры не решить без помощи археологии. То, что еще несколько лет назад могло быть высказано лишь в качестве предположения, ныне благодаря вещественным свидетельствам приобретает, наконец, силу математически точного доказательства.

Сейчас все более очевидными становятся необходимость сравнительного изучения этих находок, их анализ и сопоставление с другими историческими источниками и на основе этого новое осмысление уже известного шахматного материала. Настоящая работа является первым опытом такого комплексного исследования древней истории шахмат на Руси.

В своем исследовании автор не ограничивался уже опубликованными или малоизвестными фактами, а стремился привлечь новые материалы. Были изучены архивные фонды Государственного Исторического музея в Москве, Государственного Эрмитажа в Ленинграде, материалы Новгородской и Московской археологических экспедиций Академии наук СССР, Института археологии АН СССР, Музея истории и реконструкции г. Москвы, исторических музеев в Киеве и Смоленске. Автору были предоставлены для первой публикации снимки шахматных фигур, найденных археологическими экспедициями во главе с академиком Б. А. Рыбаковым (Таманское городище), профессором М. И. Артамоновым (Саркел —

Белая Вежа), научными сотрудниками Института археологии Академии наук СССР Л. В. Алексеевым (г. Друцк), Ф. Д. Гуревич (г. Новогрудок), А. Ф. Дубыниным (Московское Зарядье), М. Д. Полубояриновой (г. Туров), Я. В. Станкевич (г. Торопец).

Наряду с данными о новых археологических находках в книге имеются и первые публикации письменных источников. Автор пользовался картотекой древнерусского языка (XIII—XVII вв.) Института русского языка АН СССР, старинными рукописями и книгами, хранящимися в Московской Оружейной палате, Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина в Москве, Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, ознакомился с рядом источников в Центральном Государственном архиве древних актов в Москве.

Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить сотрудников всех названных учреждений, а также товарищей, которые проявили интерес к предмету настоящего исследования и всячески содействовали его осуществлению.

С благодарностью автор примет также и все критические замечания по этой работе.

Откуда пришли шахматы

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ШАХМАТ

Родина шахмат — Индия. Время изобретения неизвестно. Дата эта теряется в первых веках нашей эры и окутана дымкой красивых легенд, повествующих о создании мудрой игры, способной дать неисчерпаемую пищу уму, упоение радостями бескровной битвы, утешение в превратностях человеческой жизни...

Фирдоуси в поэме «Шах-намэ» приводит легенды о возникновении игры, в которой действуют и «победу разумом одерживают» фигуры, изображающие войско.

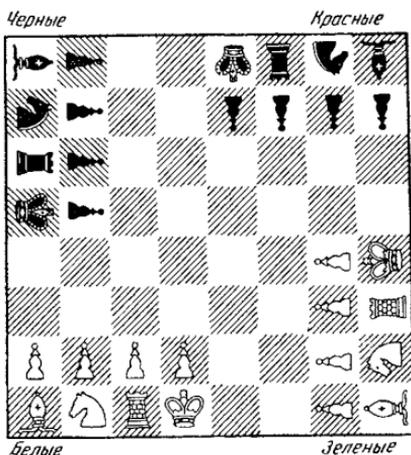
Героями одной из них являются индийские царицы Гав и Талханд. После смерти отца Дхамхура между ними возникла междоусобица, в результате которой войско Талханда было разгромлено, а сам он внезапно скончался на спине слона. Мать, узнав о смерти младшего сына, в скорби и отчаянии обвинила Гава в убийстве брата. Желая утешить мать и показать, что Талханд не был убит в сражении, Гав собрал мудрецов со всех концов страны. Один из них, что слыл «в Индии доблестней всех и мудрей,... поле войны начертал, движение войск и вождей указал». На доске, разбитой на клетки, он изобразил весь ход битвы, гибель одной из армий при сохранении жизни ее полководца. В другой легенде — «Рассказе о шатранге» — говорится о посылке шахмат индийским царем шаху Ирана для разгадки сущности игры.

До нас дошла также легенда, приписывающая создание шахмат брамину, который за свое изобретение потребовал от индийского царя незначительную на первый взгляд награду — столько пшеничных зерен, сколько покажут 64 клетки шахматной доски, если, начиная с одного зерна, число все время удваивать. Их оказалось, однако, так много (18 446 744 073 709 551 615), что в то время едва ли на всей земле собирали столько хлеба.

В этих поэтических рассказах очень мало исторически достоверного. Пожалуй, несомненно в них лишь то, что шахматы в их первоначальной форме были изобретены индусами, которые именовали игру чатурангой. В переводе это означало «четырёхсоставное войско» (пехотинцы, всадники, слоны и колесницы). Все эти боевые единицы, а также полководец были представлены и в игре. В каждом углу 64-клеточной доски устанавливались четыре пехотинца (пешки), один всадник (конь), слон, колесница (ладья) и полководец (король). Следовательно, играли четыре человека. Цель игры заключалась в уничтожении всех сил противника. Элемент случайности еще был большим, так как движение фигур определялось метанием кости.

Чатуранга возникла в Индии более полутора тысяч лет назад (возможно, в II—IV вв.) и распространилась в соседних странах Средней Азии, в Китае и других. Позднее в игре произошли важные изменения. Вместо че-

тырех лагерей по восемь фигур в каждом на доске образовалось два лагеря, две противоположные стороны по шестнадцать фигур. Один из полководцев стал шахом (королем), которого по правилам игры уже нельзя было уничтожать, а другой — его советником (ферзем). Такой порядок и расположение фигур сохранились в шахматах до настоящего времени.

Чатуранга

Новая игра получила название «шатранг». Когда и где впервые появился шатранг? Раньше полагали, что он также был изобретен в Индии, но новые исследования дают основание предполагать, что эта игра возникла в IV—V вв. на Среднем Востоке, а оттуда вновь вернулась в Индию. Позднее она получила распространение в странах арабского Востока, где стала называться шатранджем.

Проблемы эволюции чатуранги и создания шатранга изучены пока не достаточно всесторонне, поэтому еще нельзя прийти к каким-либо окончательным выводам об их первоначальных формах, о месте и времени создания. Однако уже сейчас можно сказать о большом вкладе народов Средней Азии и Ирана в развитие средневековых шахмат. Ибо среди крупнейших мастеров шатранга было немало таджиков, хорезмийцев, туркмен и персов. А великолепный трактат таджикского шахматиста Абульфатха (XI—XII вв.) представляет собой настоящую энциклопедию шатранга.

Результаты археологических раскопок последних лет открывают новые возможности для исследования этого вопроса. Еще до недавнего времени древние фигурки шахмат, найденные в Средней Азии, исчислялись единицами, сейчас же их насчитывается уже несколько десятков. Особенный интерес представляют археологические раскопки городища Хульбук в Таджикистане, где обна-

ружено 20 целых и 8 плохо сохранившихся шахматных фигур из слоновой кости, относящихся, возможно, к VI—VIII вв. Неполный набор глиняных (без обжига) фигур примерно VIII—IX вв. был обнаружен в Узбекистане при раскопках Мунчак-тепе («Холм бус») у входа в Ферганскую долину. В Куль-Кургане, близ Термеза, найден комплект шахмат из обожженной глины. Фигурки датируются XV—XVI вв. (на той же глубине оказались вблизи два клада монет; один из них относится к 1487—1511 гг.), однако по форме они напоминают более древние, широко употреблявшиеся в средние века на Востоке и в Европе.

Фигуры, которыми играли в шатранг, значительно отличались от современных шахмат. На Среднем Востоке первоначально им придавалась форма, соответствовавшая названию фигур — слонов, всадников и т. д. В VII—VIII вв. они потеряли яркость и изобразительность, и изготовление шахмат упростилось. Произошло это под влиянием арабов. Завоевав огромные территории, огнем и мечом проложив дорогу мусульманской религии, арабы вместе с тем восприняли многие достижения более высокой и древней культуры народов Ирана, Средней Азии и Индии. В числе этих культурных богатств были и шахматы. По-видимому, арабы еще не знали игры ко времени составления Корана, и потому она не подверглась запрету. Однако по законам ислама нельзя было изображать живые существа. Вот почему от птицы Рух, заменившей собой на Среднем Востоке индийскую колесницу, остались одни лишь обрубки крыльев в виде своеобразных верхних выступов и прямоугольника в основании. Столь же неузнаваемо изменились и очертания других древних фигур — слона и коня с всадником. От бивней слона сохранились два символических выступа у цилиндрического или конусовидного туловища, а всадник с конем превратились в символическую фигуру с одним верхним выступом. Эти геометризованные формы слона и коня, изображения которых имеются у Бируни (XI в.), а затем в рукописи испанского короля Альфонса Мудрого, встречаются и среди шахматных находок ряда стран Европы.

Правила шатранга еще сильно ограничивали комбинационные возможности шахматной борьбы. Одна из

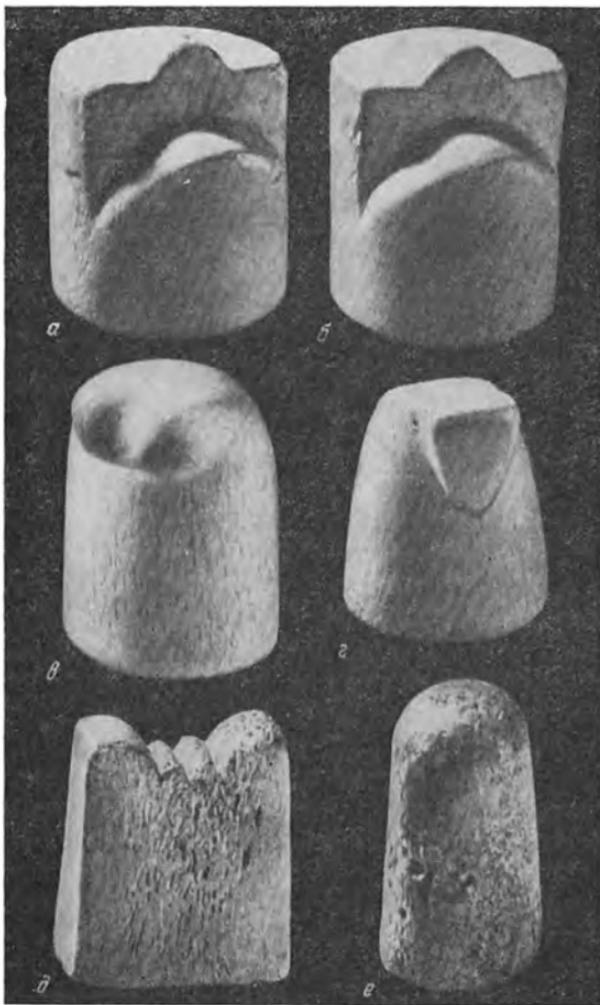

Шахматные фигуры. Слоновая кость. VI—VIII вв.

Всадник и пешка — Афраснаб, рух — Фергана

главных ныне фигур — ферзь — была тогда слабейшей и ходила лишь по диагонали на одно поле; слон тоже передвигался по диагонали, но лишь через поле, при этом он, подобно коню, мог прыгать через фигуру; рокировки не было; пешка не имела первого двойного хода. Лишь конь и ладья двигались так же, как и теперь. Неудивительно поэтому, что борьба развертывалась крайне медленно и даже пат или уничтожение всех сил противника (кроме короля) оценивались как победа. Чтобы ускорить игру, обычно начинали партию с заранее разработанных, иногда симметричных положений. Известно около двух десятков подобных дебютных построений, называвшихся табиями.

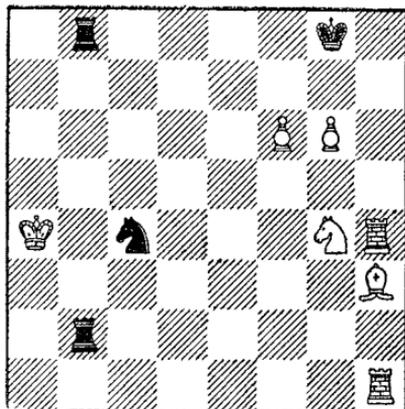
Все эти ограничения не помешали лучшим мастерам того времени создавать изящные шахматные задачи (мансубы), исследовать многие позиции эндшпиля и построить своеобразную теорию игры. Обращает на себя внимание художественная сторона мансуб, созданных среднеазиатскими, персидскими и арабскими мастерами. В блестящих жертвах и эффектных заключительных позициях этих задач авторы выражали свои эстетические вкусы, свой идеал красоты. Большую известность

Арабские шахматные фигуры. Кость. VIII—IX вв.

а — король (шах); б — ферзь (фарзин); в — слон (фила); г — конь (фарас);
д — ладья (рух); е — пешка (байдак)

получила, например, арабская мансуба X в., носящая поэтическое название «мат Диларам». Согласно легенде, Диларам была женой арабского визиря, страстного любителя шахматной игры. Однажды, проиграв все, что у него было, он сделал ставку на Диларам. Партия сложилась для него неблагоприятно.

«Мат Диларам»

1. Лh8 + Кp : h8	4 Лh8 + Кp · h8
2 Cf5 + Лh2	5. g7 + Кpg8
3. Л : h2 + Кpg8	6 Кh6x

И вот уже в безнадежном положении, когда белым грозил, казалось, неизбежный мат, наблюдавшая за борьбой Диларам крикнула визирю: «Пожертвуй оба рука (ладьи) и спаси меня!» И действительно, в позиции мансубы белые осуществляют красивую выигрывающую комбинацию.

В те времена шахматная игра была признана одним из необходимых элементов воспитания феодалов. Нередко игре покровительствовали халифы, при дворе которых собирались лучшие мастера: ал-Адли, ас-Сули, Зайраб, Абу-Наим, Абу-Гафиз и многие другие. М. К. Гоянев, много лет посвятивший изучению шатранджа, отмечал изящный и тонкий стиль мансуб, дальновидность расчетов мастеров восточного средневековья.

Западная Европа познакомилась с шахматами в X—XI вв. Произошло это после завоевания арабами Испании и Сицилии. Отсюда игра постепенно распространилась в Италии, Франции, Англии, Скандинавских и других странах. Придя в Европу, игра претерпела вскоре заметные изменения; особенно это коснулось терминологии и правил. Единственно, что было воспринято у арабов без каких-либо существенных исправлений,— это шахматные фигуры. Символические очертания восточного типа шахмат долгое время были в обиходе европейских народов. Яркое тому свидетельство — недавняя находка

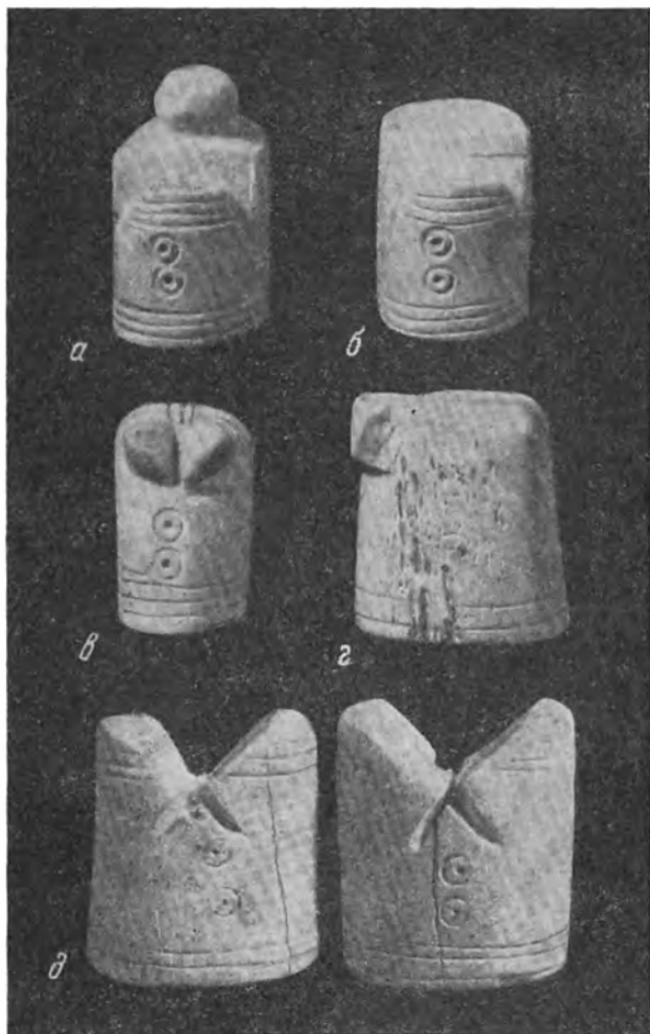
археологической экспедиции Польской Академии наук в Сандомире (1962). В обыкновенной жилой избе (полуземлянке) в слое начала XII в. найден почти полный (без трех пешек) комплект костяных шахматных фигур, имевших такую же символическую форму, какая была в то время в ходу в странах Востока и Запада. Орнамент на фигурах характерен для костяных изделий славян.

Изменение некоторых правил игры было вызвано вполне естественным стремлением шахматистов сделать игру более живой. Слон получает право движения по всей диагонали, а ферзь становится сильнейшей фигурой, сочетая одновременно ходы ладьи и слона. Пешке разрешается при первом ходе ступить на два поля вперед и уничтожить пешку противника «на проходе». Наконец, появилась потребность в введении рокировки, которая позволяла раз в партии переставить короля из начальной позиции в более безопасное место по той же горизонтали.

Иначе говоря, шахматная игра стала постепенно приобретать современный вид. Однако все эти нововведения утвердились на практике позднее, в XVI—XVII вв.

Прогрессу шахмат в эпоху Возрождения во многом способствовало развитие различных областей культуры и, конечно, изобретение книгопечатания. Выходят в свет первые шахматные трактаты испанца Лусены (1497), португальца Дамиано (1512), в которых можно увидеть зачатки дебютной теории. Устраиваются состязания между сильнейшими шахматистами Испании и Италии. Так, в 1575 г. в Мадриде состоялся турнир с участием Руи Лопеса из Эстремадуры, Альфонса Серона из Гренады и двух итальянцев — Джованни Леонардо и Паоло Бон. О встречах этих шахматистов сохранились интересные описания и легенды. И это неудивительно, ибо шахматные поединки устраивались тогда с большой торжественностью при дворах королей и были овеяны романтикой рыцарских турниров и походов.

Среди шахматных мастеров эпохи Возрождения особенно выделяется Джоакино Греко из Калабрии (1600—1634). Он много путешествовал, успешно играл во Франции, Англии и других странах. Игра его отличалась

Шахматные фигуры. Кость. Сандомир. XII в.
а — король; б — ферзь; в — слон; з — конь; д — ладья

смелостью атак, блеском комбинаций, эффектными жертвами фигур. Свои партии мастер записал и снабдил комментариями. Рукописный сборник был издан после смерти Греко и оказал заметное влияние на шахматную игру того времени.

Утратив традиции восточного шатранджа, европейские шахматисты сохранили довольно смутные представления и о происхождении игры. А в эпоху Возрождения, когда величайшие ценности древнегреческой цивилизации стали предметом поклонения и пристального изучения, распространилось мнение, что шахматная игра возникла за много сотен лет до нашей эры и была уже в то время известна не только в Индии, но и в древнем Египте и античной Греции. При этом смешивали древнегреческую игру с костями (петейю) с шахматами и приписывали изобретение их мифологическому герою Паламеду, считавшемуся создателем древнегреческого алфавита, цифр, монеты и других приобретений человечества. Подобные взгляды еще долго удерживались в Западной Европе.

Достаточно сказать, что первый в мире шахматный журнал, основанный в Париже в 1836 г., был назван в честь этого героя «Le Palamède».

Подлинно научное представление о происхождении шахмат, путях и времени их распространения в различных странах было установлено исследованиями главным образом английских востоковедов. Еще в конце XVII в. Т. Гайд приступил к изучению арабской шахматной литературы, а в следующем столетии санскритолог У. Джонс сообщил в своей работе первые научные данные о чатуранге. Но лишь во второй половине XIX в. эти работы были обобщены и развиты профессором Д. Форбсом. Свой вклад в изучение древнего периода шахмат внесли в прошлом столетии также немецкие историки А. Линде и особенно Г. Лаза. В этих трудах еще многие утверждения оставались спорными, тем не менее уже ясно были намечены основные линии развития шахматной культуры, начиная от индийской чатуранги, через восточный шатранг к современным шахматам. Конкретные же пути распространения шахмат из стран Востока более или менее точно были прослежены лишь в направлении Западной Европы.

Загадочным сфинксом оставалась для историков шахмат Россия. Откуда пришла сюда игра — с запада или с востока? Когда она стала известна русским — еще в период древней Руси или благодаря влиянию европейской культуры в XVI—XVII вв.? Арабы и персы оставили после себя шахматные трактаты, в западноевропейских странах были известны средневековые письменные свидетельства и шахматные книги со времен эпохи Возрождения, в России же не сохранилось почти никаких древних письменных документов о шахматах. Оставался один надежный путь — изучение русской шахматной терминологии. На этот путь и указал Яниш. Исследование терминов доказало, что шахматы попали на Русь иным путем, чем в другие европейские страны. Выводы эти были приняты русскими и западноевропейскими историками и почти до конца прошлого столетия фигурировали как главные доказательства в освещении древнейшей истории русских шахмат. И даже позднее, когда появились новые теории и гипотезы о времени и путях проникновения шахмат в древнюю Русь, взоры исследователей обращались прежде всего к терминологии.

Почему русская шахматная терминология вызывает к себе столь большой интерес историков? О чем конкретном может она рассказать нам сегодня, когда в распоряжении ученых появились новые, гораздо более точные источники? Чтобы ответить на эти вопросы, проанализируем важнейшие шахматные термины.

ТЕРМИНЫ И ВЕКА

Проходили века. Шахматы становились достоянием многих народов, стран и даже целых континентов. Их распространению способствовали или препятствовали крупнейшие исторические события, характерные черты культуры разных стран, бытовые и национальные особенности народов. Следы этих событий, влияния быта и культуры можно еще сегодня увидеть в названиях фигур и самой игры, которые у многих народов сохранились с давних пор без каких-либо существенных изменений и потому служат своеобразной живой историей шахмат.

Особенно велико значение терминологии для изучения ранней поры шахмат на Руси. И прежде всего потому, что прекрасно сохранились и находятся до сих пор в употреблении первоначальные названия игры и фигур: «шахматы», «ферзь», «ладья», «слон», «конь», «пешка». И только один термин «царь» был сто с лишним лет назад заменен «королем».

Какими источниками мы располагаем для изучения этих терминов? Впервые слово «шахматы» встречается в памятнике русской литературы 1262 г. — в переведенном с греческого списке сербской кормчей книги, а термины «ферзь», «царь», «конь» — в рукописных источниках конца XVII в. В русской печатной литературе все древние шахматные термины встречаются в книге А. К. Леонтьева «Описание китайской шахматной игры» (1775) и затем частично в словаре Петербургской Академии наук (конец XVIII в.), а в полном соответствии с сегодняшними названиями лишь в шахматном учебнике А. Д. Петрова (1824).

Известно два источника, где приводилось несколько терминов для обозначения одной и той же фигуры. В этом случае наряду с древними упоминаются новые термины, которые появились в России в XVII—XVIII вв. в связи с различными шахматными веяниями (польскими, немецкими, французскими), объясняемыми новыми историческими условиями и культурными связями. Это уже упоминавшиеся книги — сочинение английского историка Т. Гайда конца XVII в. (король — царь, королева — краля — царица, слон, конь, ладья, пешка) и шахматный учебник И. Бутримова 1821 г. (царь — король, ферзь — королева, ладья — башня, слон, конь, пешка).

Однако бытование шахматных терминов в народе относится к значительно более раннему периоду, чем первые упоминания в письменных источниках и литературе. Об этом свидетельствуют многочисленные находки шахматных фигур XII—XV вв. Обращает на себя внимание и то, что из семи терминов лишь два («шахматы» и «ферзь») представляют собой заимствование из чужеземных языков. Все же остальные образованы на основе общенародного языка. Эти слова (конь, ладья и др.) с давних времен встречаются в бытовом обиходе славян,

в былинном эпосе, а затем в замечательном памятнике права XI в. «Русской Правде», древнейших летописных сводах и т. д. Следовательно, для выяснения происхождения этих названий как специфических шахматных терминов необходимо учитывать не только факты распространения игры среди народов, которые в разное время были соседями Руси и имели с ней оживленные культурные связи, но и некоторые особенности шахматной терминологии этих народов.

Сравнительное изучение терминологии может повести о многом — о происхождении того или иного термина, о закономерностях его развития и, наконец, о продвижении шахматной игры из одной страны в другую. Однако даже при самом тщательном анализе терминов останутся нерешенные вопросы. Ответы на них могут быть получены лишь в процессе комплексного исследования, с привлечением новых материалов в области археологии, этнографии, общей истории и эволюции самой шахматной игры. Иначе говоря, наши знания о шахматных терминах не являются неизменными, они постоянно обогащаются новыми фактами и благодаря прогрессу современной исторической науки становятся все более глубокими и разносторонними.

Вот как выглядит в кратком изложении примерная схема происхождения основных шахматных терминов (см. также таблицы, стр. 24—25).

Конь— один из немногих терминов, который не претерпел заметных изменений у всех народов. Такое совпадение не случайно. Оно объясняется особенностями исторического развития шахмат, тем, что игра своим происхождением обязана попытке изобразить на доске военное сражение. Конница же всюду — в Индии, на Среднем и Ближнем Востоке, в Восточной и Западной Европе — была в средние века одним из важнейших родов войска. Поэтому во всех странах, с тех пор как там появились шахматы, в комплект игры входила фигура, именовавшаяся конем или всадником.

В шатранге первоначально сохранились индийские всадники, о чем свидетельствуют находки изобразительных шахмат в Средней Азии (Афрасиаб и Хульбук), представлявшие собой фигурки массивных коней с восседавшими на них в полном боевом облачении воинами.

Сравнительные таблицы

Русский язык	Средняя Азия		
	Таджикский	Узбекский	Туркменский
Шахматы	Шахмат (шатранч)	Шахмат (шатранж)	Кушт
Король (царь, цесарь)	Шох	Шох	Ша
Ферзь	Фарзин	Фарзин	Перзи
Ладья (лодья)	Рух, туп	Рух	Рух
Слон	Фил (пил)	Фил	Пил
Конь	Асп	От	Ат
Пешка (пешьци)	Пиёда	Пиёда	Пыяда

Русский язык	Польский	Чешский	Болгарский	Сербский
Шахматы	Szachy	Šach	Шахматът (шах)	Šah
Король (царь, цесарь)	Król	Král	Цар	Kralj
Ферзь	Hetman (Królowa)	Dáma (Kralovna)	Дама (царица)	Dama (Kraljica)
Ладья (лодья)	Wieża	Věž	Топ	Тор
Слон	Goniec	Střelec	Офицер	Lovac
Конь	Skoczek	Jezdec	Кон	Skakac ^v Konj
Пешка (пешьци)	Pion	Pěšec	Пешка	Pešak

* В скобках указаны более древние термины.

шахматной терминологии *

Азербайджанский	Персидский	Арабский	Индия	
			Хинди, урду	Бенгальский
Ша(х)мат (шетренг) Ша(х)	Шатрандж (шатранг) Шах	Шатрандж Шах	Шатранж (чагур-анг) Бад-шах Шах	Даба кхела шоторончо Раджа
Вэзир(ферз, кралича)	Фарзин	Фирзан фирз фарзин	Фарзи фаразин	Монтри рани
Топ	Рух	Рух	Рух кашти (ратха)	Ноука
Фил	Фил (пил)	Фил	Пил фил	Гоч
Ат	Фарас (асп)	Фарас	Гхора асп	Гхора
Пияда	Пиядах	Байдак	Паэдал пийада пййдал	Педатам

Немецкий	Французский	Английский	Итальянский	Испанский
Schach	Echecs	Chess	Scacchi	Ajedrez
König	Roi	King	Re	Rey
Dame (Königin)	Reine	Queen	Regina	Reina
Turm	Tour (Roc)	Rook	Torre (Rocco)	Torre (Roque)
Läufer	Fou	Bishop	Alfiere	Alfil
Springer	Cavalier	Knight	Cavallo	Caballero
Bauer	Pion	Pawn	Pedone	Peon

Однако в переводном термине осталось лишь символическое указание на этот род войск в виде названия «асп» (таджико-персидский), «от», «ат» (узбекский, туркменский) и «Фарас» (арабский), что означает «конь». Этот термин упрочился и сохранился до сегодняшнего дня.

Когда же арабы познакомили с игрой Западную Европу, здесь снова появились всадники — и не только в изобразительных комплексах фигур, но и в терминологии. Таковы названия *caballero* (испанский), *cavallo* (итальянский), *cavalier* (французский), *knight* (английский), *jezdec* (чешский), что означало «всадник», «конный рыцарь». И лишь в некоторых странах термин претерпел изменения в соответствии с необычными ходами фигуры, имевшей право перескакивать через другие фигуры. Отсюда и названия: *springer* (немецкий), *skoczek* (польский), *skakač* (сербский) — в переводе — «прыгун», «скакун».

Русский термин «конь», следовательно, свидетельствует не о западном заимствовании. То был прямой перевод с восточных языков. С какого именно? Об этом ничего определенного нельзя сказать, так как на всех языках Среднего и Ближнего Востока название фигуры переводится словом «конь».

Однако можно указать на другое: само слово «конь» — древнее, общеславянское. Оно часто встречается в былинном эпосе, в ранних письменных источниках, в том числе в «Русской Правде».

Пешка. По правилам шахматной игры пешки ходят и бьют на своем пути только вперед, не имея права сделать ни шагу назад. По этому поводу еще Бутримов заметил: «Пешки можно уподобить храброй пехоте, никогда не отступающей».

Именно такими рядовыми воинами-пехотинцами с древнейших пор представлялись играющим маленькие фигурки, первыми вступающие в битву на шахматной доске. И восточные термины «пиеда» (таджикский), «пиядах» (персидский), «пияда» (азербайджанский), «байдак» (арабский), и заимствованные у арабов европейские термины — *reop* (испанский), *pedone* (итальянский), *piop* (французский), *pawn* (английский), *pěšec* (чешский) — все означали пешего солдата. Совершенно

Фигуры коня. Кость. XI—XIII вв.

а — Новгород, XIII в ; б — Южная Италия, конц XI в.

очевидно, что русский термин также должен был отразить самый распространенный род войска. И он нашел свое отражение в слове «пешка».

Уже первое знакомство с источниками показывает, что характерной чертой в военном деле и быту древних славян является противопоставление пешего и конного. Такие выражения можно встретить, например, в древнерусских летописях: «Хто хоцет пешь, а хто хоцет на конех» — Суздальская летопись, 6724 (1216) г.; «Володимирко же роставлял бяше дружину свою на бродех, инде пеши, а инде конники» — Лаврентьевская летопись, 6660 (1152) г. А несколько древних выражений вошли даже в пословицы: «Пеший конному не товарищ», «Бесконный и в Царьграде пешь», «Конного до коня, а пешего до ворот провожают».

В приведенных летописных отрывках легко заметить, что древнее слово «пеший» встречается в двух смыслах: и просто как пешеход, пешком идущий, и как пеший воин, пехотинец. В летописях слова «пешь», «пешьць», «пешьци» употреблены нередко в смысле пехота, пешее войско. И. И. Срезневский в своих «Материалах для словаря древнерусского языка» приводит в подтверждение такие отрывки: «Видашем пешьце вышедше из града» — Переяславская летопись, 6657 (1149) г.; «Свергли ѿ бяхуть с коня и хотеша ѿ убити свои пешци, не знаючи его» — Лаврентьевская летопись, 6659 (1151) г.

Отсюда можно заключить, что термину «пешка» предшествовал тот же по смыслу, но более ранний по форме — «пешьци». Становится также понятным, почему в былинах иногда встречается такое выражение: «Играть во пешецки, во шахматы». Правда, это позволяет высказать гипотезу о другой первоначальной форме термина. Шахматные пехотинцы оказались на доске столь маленькими фигурками (по размеру они были даже меньше пешек современных шахмат), что игравшие еще в древности стали называть их с прибавлением ласкательно-уменьшительного суффикса — «пешецки».

Трудно сказать, какой из этих вариантов ближе к истине; может, возникнет и другое решение проблемы. Но нет сомнения в том, что само происхождение слова

«пешка» связано с переводом восточного термина «пеший воин». Между прочим, о таком восприятии термина свидетельствует и недавняя археологическая находка шахматной пешки из изобразительного набора в Волковыске, относящегося к XII в.

И все же в историко-шахматной литературе мы встречаемся с другой интерпретацией термина. Так как слово «пешка» употребляется в русском языке лишь как шахматный термин, исследователи нередко вели поиски совсем не по тому пути, который подсказывает первоначальная логика шахматной игры, шахматная терминология разных народов и, что не менее важно, история военного искусства древней Руси.

Еще В. И. Даль пробовал объяснить слово «пешка», опираясь лишь на филологические догадки — от «пихать, пехом, пешня». Но, как показывают современные исследования, от корня «пѣхъ» произошли слова и «пешня», и «пихать — пехать» (пѣхать), и «пѣхота», и общеславянское слово «пеший», а слово «пѣхъ» — от индоевропейского *ped* — «нога».

Д. И. Саргин, ссылаясь на Даля, утверждал, что «пешка» — это даже не шахматный, а шашечный термин, перенесенный в шахматы. В качестве доказательства он приводил название шашек в древнегреческой игре пetteйе — «песка», сибирское наименование шахматной доски (по Далу) — «пешельница» и «пешечница» и, наконец, относительно позднее возникновение термина «шашка», который, по его мнению, появился не раньше конца XVII в. Однако здесь налицо чрезмерное увлечение поисками точек соприкосновения двух различных по содержанию игр — шашек и шахмат. На практике теория Саргина выглядит иногда курьезом. Так, совсем недавно в Историческом музее в Москве под археологическими находками древних шашек (кстати, ничего общего не имеющих с современными шашками) в черниговском кургане Черная Могила можно было прочесть: «Пешки для игры в шашки». До сих пор некоторые исследователи древней истории шахмат продолжают утверждать, что шахматные пешки использовались одновременно для шашечной игры.

Если бы шахматы возникли впервые на Руси, то тогда, может быть, и имело бы смысл искать их корни

(в том числе в терминологии) в какой-либо шашечной игре как исторической предшественнице. Но едва ли оправданы подобные филологические и исторические экскурсы, когда хорошо известно и место первоначального изобретения, и характер первых терминов шахматных фигур, соответствовавших определенным родам древнего войска. Следовательно, речь может идти в данном случае лишь о своеобразии перевода термина, его изменениях и превращениях в той или другой стране, наконец, о времени заимствования.

Слон. Для специалистов, изучающих этимологию русского языка, одним из наиболее интересных шахматных терминов является «слон». До сих пор филологи не могут окончательно сказать, от какого корня произошло это слово. В словарях Даля и Преображенского, согласно народно-этимологическим толкованиям, «слон» производится по созвучию из слов «прислонять», «заслонять», «слоняться». «Слоном, или даже слоною,— пишет Даль,— называли встарь вообще тяжелое, неуклюжее или большее животное, которое слоном слоняется по лесам». Преображенский утверждал, что «слон», по всей вероятности, искусственное книжное образование от «слонити». Однако в последнее время исследователи приходят к более или менее единодушному мнению, что слово «слон» — это видоизмененное тюркское *arslan* — «лев», перешедшее в «аслан», а позднее в «слон». Такого рода этимологические превращения нередко бывают со словами, взятыми из других языков.

Слово «слон» представляет собой общеславянское заимствование. По-видимому, приход его на Русь относится ко времени раннего соприкосновения с тюркскими народами — ко второй половине первого тысячелетия. Если живой слон и был в то время редкостью для восточных славян, то со скульптурами этого индийского животного они не раз, вероятно, встречались в предметах быта и украшениях, которые поступали в обмен на другие товары. Небольшая фигурка слона из серебра была, например, найдена в 1890 г. при археологических раскопках села Карасево Глазовского уезда Вятской губернии среди предметов китайско-тюркского и среднеазиатского происхождения VII—VIII вв. С изображением слона мы встречаемся в соборах Владимиро-Суздальской Руси

ХII—ХIII столетий. Отчетливо сохранилось резное изображение слона над левой полуколонной Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, в древнейшей части храма, воздвигнутого в 1230—1234 гг. князем Святославом Всеволодовичем. По мнению Н. Н. Воронина, аналогичная сцена со слонем была изображена еще киевскими резчиками ХI в. на большой шиферной плите¹.

О том, что на Руси слоны представлялись символом счастья и богатства, могут свидетельствовать и древние поверья о семи слонах, и отдельные выражения и поговорки. Особенно интересна одна из них: «Слон добро к слову, а лодья к перевозу».

Примером древнего бытования в народе слова «слон» может служить и русский шахматный термин.

История развития этого термина в шахматной игре у разных народов своеобразна и поучительна. Названия, обозначающие шахматную фигуру слона, у восточных народов примерно одинаковы. Это «пил» (таджико-персидский) и «фил» (в арабском произношении). «Пил» — прямой перевод с санскритского. Для западноевропейских народов этот термин оказался малоосознанным приобретением. В отличие от некоторых других восточных терминов («фарас», «пайдак», «шах»), переведенных на национальные языки, «алфил» («ал» — арабский артикль) оказался слишком экзотичным для такого же восприятия. Тем более, что в арабских шахматных фигурках, в которых конус с двумя выступами символизировал слона, европеец меньше всего мог увидеть могучего представителя индийской фауны или древнеиндийского войска.

Можно ли после этого удивляться, что и испанцами, и итальянцами он был принят таким, каким его принесли арабы: *alfil* в Испании и *alfiere* в Италии. В других же странах, получивших термин из вторых рук, с ним происходили удивительные превращения, в результате чего он даже отдаленно не напоминал первоисточник. У французов термин по звуковой ассоциации превратился в *fol*, *fo*, что означает «шут», «безумец», «дурак». Шуты, вероятно, уже в то время были необходимым ат-

¹ Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси ХII—ХV вв., т. II. М., 1962, стр. 98.

рибутом при дворах французских королей, и их легко было поместить на шахматную доску рядом с главными фигурами. Столь же далекими от оригинала оказались названия этой фигуры у англичан — *bishop* («епископ»), немцев — *läufer* («бегун»), поляков — *goniec* («гонец»), чехов — *strélec* («стрелок»), сербов и хорватов — *lovac* («охотник»), болгар — «офицер».

И только на Руси с самого начала проникновения игры этот термин был точно переведен с восточных языков. Можно думать, что именно благодаря фигуре слона шахматы в дальнейшем часто воспринимались русскими как игра индийского происхождения.

У всех народов Среднего и Ближнего Востока этот термин был одинаков по значению, поэтому сравнительный анализ русского шахматного названия не может подсказать нам ни времени, ни пути его продвижения на Русь. Попытки же связать шахматного «слона» с иранским, арабским или даже непосредственно с индийским влиянием не были и не могли быть подкреплены скольким-нибудь вескими аргументами. Ясно лишь одно: он появился у славян до татаро-монгольского нашествия. Об этом свидетельствует, в частности, недавняя археологическая находка изобразительной фигурки слона в Белой Веже, датируемой началом XI в.

Король — единственный из основных терминов, не связанный со временем проникновения шахмат в древнюю Русь. Он утвердился в практике игры в начале прошлого века. До того в ходу был иной термин — «царь», встречающийся в рукописях и печатных изданиях с XVII в. Это послужило основанием для утверждения исследователей (Савенков, Саргин, Коган) о сравнительно недавнем привнесении термина в игру — в XVI—XVII столетиях, с возникновением централизованного Московского государства. Одновременно высказывались предположения, что до «царя» бытовали термины «шах» и, возможно, «князь». Однако ни в рукописях, ни в печатных источниках нет ни одного указания или даже намек на то, что такие названия шахматной фигуры когда-либо применялись.

На наш взгляд, первоначально главная шахматная фигура называлась «царь». От этого общеславянского слова, применявшегося для обозначения высшего лица в

государстве, в дальнейшем в результате фонетических изменений произошло слово «царь». И главный город Византии называли тогда Цѣсарьградом (позднее Царьградом). Крупнейший знаток древнерусского языка А. А. Шахматов, реконструируя наиболее ранние (Киевский и Новгородский) летописные своды, приводит название этого города в таком именно произношении: «Иде Олег на Грѣкы и приде к Цѣсарюграду», «И поидоша к Цѣсарюграду» и т. д.²

В последнее время установлено, что не только византийские императоры, но и первые русские князья назывались на Руси царями. Так, в древнейших русских источниках жена Владимира Святославовича Анна названа царицей, а сам Владимир на дошедших до нашего времени монетах изображен в царских одеждах³.

Поэтому русским совершенно незачем было оставлять за главной фигурой в игре наименование «шах», когда оно легко переводилось словом «цѣсарь» («царь»). В период же политической раздробленности Руси на историческую сцену вышли многочисленные удельные князья, и слово «царь» потеряло политическое значение, но оно тем не менее осталось в шахматах как термин, обозначавший основную в игре фигуру.

Только в XVI столетии в связи с ростом могущества Московского княжества и принятием его князем титула «царя всеа Руси» шахматная фигура снова встретилась со своим живым двойником. Правда, на этот раз, в условиях самодержавной власти, во время игры могли возникать неприятные казусы для шахматистов. Вспомним курьезный случай — «государево дело» 1686 г. о служилом человеке Марчко Хомякове, который, играя в шахматы с Андрюшкою Волянщиком, сняв с доски фигуру, воскликнул: «То-де я чаял ферзь, ано-де царь!» и отпустил в адрес царя несколько крепких слов. А так как игра велась при свидетелях, то о том стало известно енисейскому воеводе. «Виновника» пытали, и он должен был доказывать, что не было в его словах злого умысла.

² А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 542, 584, 602 и т. д.

³ М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 367—369.

Правда, из Москвы пришел государев указ об освобождении Марчко, но факт сам по себе красноречив.

По-видимому, этим в какой-то мере можно объяснить, почему в XVII—XVIII вв. получил распространение чужеземный шахматный термин «король». Арабский термин «шах» был в Западной Европе сразу же переведен на местные языки, и в соответствии с названием главы государства в той или иной стране центральная шахматная фигура была названа в Испании — *rey*, в Италии — *re*, в Англии — *king*, во Франции — *roi*, в Германии — *könig*, в Чехии — *král*, в Польше — *król*, в Сербии и Хорватии — *kral*, *kralj*, в Болгарии — цар. Польский термин в русифицированной форме — «король» и получил хождение, по-видимому, в XVII столетии. Однако среди шахматистов, да и в литературе этот термин привился не сразу. А. Леонтьев (1775) продолжает держаться старого термина. И. Бутримов (1821) приводит и тот, и другой. И только А. Петров (между прочим, сам служивший в «канцелярии его императорского величества» и потому прекрасно знавший все трудности обращения со словом «царь») ввел единый термин «король». В своем учебнике он даже не упомянул о прежнем термине, как будто его и не существовало.

Но так или иначе авторитетом первого мастера России в шахматах для обозначения главной фигуры был закреплен новый термин, который быстро получил признание.

Ферзь. Только там, где происходило непосредственное соприкосновение с восточными народами, сохранилась близкая к ним шахматная терминология. Это легко заметить по названиям фигур у испанцев и итальянцев. Из шести терминов четыре были переводными, один взят без изменения и лишь один претерпел радикальную перемену. Те же количественные соотношения наблюдаются в русской шахматной терминологии, с той разницей, что непереуведенным оказалось не название слона, а термин «фарзин». Подобно тому как для европейцев было чуждым, непонятным присутствие в шахматном войске слонов, славянам Киевской Руси трудно было осмыслить существование рядом с «цъсарем» («царем») почти равной по силе фигуры (вспомним, что в шатранге она еще не имела права движения по всей доске). Русский князь

все дела — и мирные, и военные — вершил сам, у него не было могущественных советников или главнокомандующих, подобных, например, персидским, а позднее арабским визириям. Поэтому-то восточный термин и остался в данном случае без перевода, он без изменений был перенесен на русскую почву.

У таджиков и персов фигура называлась «фарзин», у арабов — «фирзан», «фирз», у азербайджанцев — «ферз», «вэзир», «красица». По всей вероятности, русский термин берет начало от слова «фарзин», что означает «умный, ученый человек, советник». Однако окончательно решить вопрос только при сравнении с восточными терминами едва ли возможно, так как оба звука — «а» и «и» могли перейти в «е» в русском слове «ферзь» (как это случилось с латинским шахматным термином *fercia* — от «фирзан»).

В первых русских источниках слово «ферзь» почему-то оказалось женского рода, хотя в восточных языках, откуда он был взят, термин употреблялся в мужском роде. Так, в изобразительных костяных фигурах холмогорской работы XVII в. и в русских фарфоровых шахматах середины XVIII в. ферзь изображался женщиной. В Академическом словаре конца XVIII столетия, в учебниках Бутримова и Петрова употребляется название фигуры в женском роде. И только в 1839 г. Н. Крупский, переводя с французского учебник Лябурдоне, придал слову мужской род. А точнее, восстановил тот род, который был у этого термина на славянской почве в древности. Ибо не приходится сомневаться, что если бы в древней Руси вдруг восприняли «фарзин» как супругу «царя», то фигура получила бы всем понятное название «царицы».

Как же и когда произошло редкое в истории языка изменение рода? Могло это произойти в XVII в. под влиянием западной терминологии. Арабский термин «фирзан», малопонятный и западноевропейским народам, был заменен новым названием, больше соответствовавшим строю их жизни, хотя и далеким по смыслу от фигуры восточной игры. То была новоявленная «королева» шахматной доски, звучавшая на испанском языке — *reina*, итальянском — *regina*, французском — *reine*, английском — *queen*, немецком — *königin*, болгарском — *царица*,

чешском — kralovna, польском — królowa (ныне hetman), сербском и хорватском — kraljica. В настоящее время на многих языках — немецком, болгарском, чешском и других — эту фигуру называют «дамой».

Можно ли после этого удивляться, что и русские в XVII—XVIII вв., когда им пришлось столкнуться с западноевропейскими шахматами, стали подразумевать под иностранным и малопонятным словом женщину. К тому времени относится также бытование в русском языке параллельно с ферзем терминов «королева», «кряля», «царица», что отмечали Гайд и Бутримов.

Но, может, к появлению «ферзи» в России имеет отношение и совсем другое. Дело в том, что с давних времен «под ногами» у шахматиста путалось иное по смыслу, но фонетически близкое к нему древнерусское слово женского рода «ферязь», «ферезь», означавшее особого покроя мужскую верхнюю домашнюю одежду. В данном случае имело место, по-видимому, случайное звуковое совпадение разных по значению и происхождению терминов. Но играющие могли волей-неволей поддаться влиянию созвучий и назвать фигуру ферзя в женском роде. Может быть, этим объясняется, почему в Словаре Академии Российской (1794, ч. VI, стр. 286) мы читаем «шах ферези!», а не «шах ферзи!» (как у Бутримова и Петрова).

Термин «ферзь», не употреблявшийся ни в одной европейской стране, кроме России, явился для историков одним из наиболее убедительных доказательств не только восточного происхождения русских шахмат, но и их раннего распространения на Руси.

Ладья. Анализ этого термина вызвал к жизни, пожалуй, наибольшее количество разнотолков, предположений и гипотез.

Действительно, индийской колеснице — ратхе в шахматах не повезло. У народов, живших западнее Индии, эта боевая повозка не употреблялась, по крайней мере ко времени прихода к ним чатуранги. В фигурке-колеснице они увидели крылья птицы. Этому, по-видимому, способствовала и звуковая ассоциация. В результате «ратха» превратилась в «рух». Так называлась гигантская птица, обладавшая необычайной силой и, подобно русской чародейке жар-птице, помогавшая героям сказок в борьбе

с врагами при самых трудных обстоятельствах. О том, как выглядела эта птица в древнейших изобразительных шахматных наборах народов Средней Азии, дает представление археологическая находка в Фергане, хранящаяся в настоящее время в Эрмитаже. Позднее, когда под влиянием арабов от прежних красивых и ярких изображений живых фигур остались лишь символы, рух была обезглавлена. Такая своеобразная по внешнему виду шахматная фигура получила широкое распространение как на Востоке, так и на Западе.

Но сам термин «рух», непонятный и чуждый народам Европы, претерпел здесь новые и не менее интересные превращения, объясняемые частично законами звуковой ассоциации. У испанцев фигура стала называться гоце, у итальянцев — госо, у французов — гос, что означало «утес». От «утеса» осталось сделать один шаг к военному осмыслению термина в соответствии с другими названиями шахматной игры и военной техникой средневековой Европы. Вот почему в дальнейшем всеми европейскими народами легко и быстро было воспринято новое изображение фигуры — в виде башни-крепости, которому соответствовал уже новый шахматный термин: в Испании и Италии — *torre*, во Франции — *tour*, в Англии — *гос* (ныне — *rook*), в Германии — *turm*, в Чехии — *věž*, в Польше — *wieża*, а в Болгарии, Сербии, Хорватии — *top* («лушка»).

Совсем в другом духе был осмыслен термин «рух» в древней Руси. Здесь шахматные фигуры, устанавливаемые для сражения на крайних вертикалях доски, названы были ладьями.

Чем объяснить такое странное на первый взгляд восприятие термина «рух»? Ведь в данном случае не было ни звуковой ассоциации, ни прямого перевода. Тут-то и открылся широкий простор для самых различных догадок и предположений. Одни исследователи полагали, что термин возник в результате недоразумения: «Древние русские,— писал Яниш,— приняли за корабли изображения военных колесниц, которые делались в форме кораблей». Другие мотивировали появление ладьи особыми географическими условиями — наличием речных путей. И объявляли замену колесницы ладьей поздним нововведением. Причем замена, по мнению Меррея, про-

изошла в разных странах самостоятельно. Это подтверждали, в частности, тем фактом, что шахматная ладья употребляется сейчас в ряде районов Востока: в Бенгалии, на островах Ява и Цейлон, в Таиланде и Камбодже. Савенков, ссылаясь на роль ладьи в быту и военной жизни древних славян, отмечал возможность и большой давности заимствования. Саргин же считал термин «ладья» более древним, чем «колесница». Развивая эту точку зрения, Майзелис пришел к заключению, что ладья предшествовала в индийской чатуранге ратхе, а в шатранге — руху и что примерно в V—VII вв., т. е. до завоевания арабами Ирана и Средней Азии, Русь получила первоначально какую-то форму шахмат, в которой была и ладья. При этом, однако, не было указано ни одного другого признака этой промежуточной ступени в русской шахматной терминологии, кроме термина «ладья».

Почему же в таком случае один термин оказался значительно более ранним (на несколько столетий!), чем другие шахматные термины? На этот вопрос гипотеза Саргина и Майзелиса не дает достаточно мотивированного ответа, кроме заявления о каком-то предшествующем этапе заимствования. Не правильнее ли будет поэтому искать причины появления ладьи одновременно с другими шахматными терминами? В связи с этим представляется необходимым обратить внимание на внешнее сходство русской ладьи с символической шахматной фигурой рух (а не с изображением индийской колесницы, как утверждал Яниш). Достаточно присмотреться к фигуре рух более пристально, как легко заметить, что по внешним очертаниям она удивительно напоминает лодку, ладью, ту самую, на которой славянские купцы под охраной дружин плавали по Днепру, Дону и Волге, по Черному и Каспийскому морям. Перенимая шатранг, славяне, мыслившие конкретно и реалистично, быстро заменили чуждого им руха близкой и понятной всем ладьей.

Таким образом, можно предполагать, что форма шахматной фигурки шатранга подсказала славянам новый термин игры. В этом случае становится более ясным и время появления термина на Руси — он возник после VII—VIII вв., когда под влиянием мусульман шахмат-

ные фигуры получили новую символическую форму. Надо полагать, что этот термин распространился на Руси не позже X—XI вв., так как уже в слоях начала XII в. в двух городах найдены прекрасно сохранившиеся изобразительные шахматные фигуры ладей.

Слово «ладья» — древнеславянское. Часто встречается оно в русских летописях. Летописцы сообщают, что еще в 907 г. Олег приказал воинам приделать колеса к ладьям для облегчения похода на Константинополь. «Поиде на Греки в лодьях и на коних», — читаем мы в «Повести временных лет» о походе киевских дружин на византийскую столицу в 6452 (944) г.

Со временем, когда и русские суда стали иными, и устройство войска изменилось, слово «ладья» вышло из употребления и сохранилось лишь как шахматный термин. Уже художники XVII в., изображая ладью, нередко воспринимали ее как атрибут шахмат и разрисовывали в шахматную клетку. Именно с такими рисунками сталкиваемся мы в рукописной книге «Лекарство душевное» (1670) — сборнике нравоучительных рассказов для домашнего чтения с большим количеством миниатюр художника Никифора Кузьмина «с товарищи».

Как шахматный термин «ладья» впервые упоминается у Гайда (Iodya), затем у Леонтьева («лодка»). В Словаре Академии Российской подчеркивается, что в шахматной игре пишется «ладія», а в разговорном языке — «лодья, лодьи». Бутримов указывает, что наряду с термином «ладья», представляющим «флот, по ветру носящийся», употребляется также иногда термин «башня», перешедший в Россию с Запада. Петров приводит только один древнерусский термин — «ладья».

Шахматы. Русское название игры своеобразно. Оно состоит из двух восточных слов: «шах» и «мат». Долгое время полагали, что первое слово персидского происхождения («властитель»), и для доказательства ссылались на древние русские рукописи, где Иран именовался «шаховой землей», а второе — арабское (от глагола «мата» — умирать). Но еще Савенков, а за ним и Меррей считали более вероятным происхождение второго термина от персидского прилагательного «мат», означающего «беспомощный», «разбитый», «пораженный». Как показали последние изыскания, у таджиков

тот же смысл имели оба слова и потому их с одинаковым основанием можно считать таджико-хорезмийскими. Следовательно, «шахматы» означают в переводе «властитель поражен». И все же точный перевод слова еще не объясняет причины появления его у славян, тем более в столь сложной форме, не претерпевшей изменений в русском произношении. По всей вероятности, истоки термина для обозначения названия игры как на Руси, так и на Западе были одни и те же. Словом «шах» издревле и на Востоке и затем в странах Запада играющий предупреждал противника об опасности. И уже тогда, когда у короля не оказывалось защиты, ему объявляли «шах — мат». Отсюда, может быть, и произошел сам термин «шахматы».

Интересно, что почти во всех европейских странах игра была названа по первому возгласу — «шах!» (кроме Испании, где «шатрандж» перешло в *ajedrez*). Отсюда итальянское название шахмат — *scacchi*, французское — *echecs*, английское — *chess*, немецкое — *schach*, чешское — *šach*, сербское — *šah* и польское — *szachy*. Лишь у болгар сейчас наряду с названием «шах» употребляется «шахматът». Но последнее слово, вероятно, более позднего происхождения: играть в шахматы будет по-болгарски «играя на шах», а не «играя на шахматът»!

Русские, таким образом, в названии игры отошли от других европейских шахматистов, прибавив к «шаху» слово «мат». Когда образовался термин «шахматы» и был ли он в употреблении также у других народов древности? Тот и другой вопросы еще мало изучены. Весьма возможно, что это слово бытовало где-нибудь «по дороге» на Русь из Средней Азии или вдоль побережья Каспия, например у хазар. На эту мысль наталкивает факт появления термина «шахматы» в поэме испанского раввина бен-Эзры (середина XII в.)⁴.

⁴ Н. Мулгей. *A history of chess*. Oxford, 1913, p. 385—386.

Символическая фигура и ладья с миниатюры

А как показывают новые документы, евреи хазарского каганага и средневековой Испании поддерживали между собой связь; купцы, направляясь из Европы в Индию или Среднюю Азию, нередко посещали хазарскую столицу Игиль.

Но, может быть, рассматриваемый термин возник самостоятельно у ряда народов древности, соприкасавшихся с народами Среднего и Ближнего Востока? Меррей, например, считал совпадение русского термина и названия игры у бен-Эзры случайным, основанным на том, что оба термина восходили к заключительным возгласам «шах — мат!».

В русских письменных источниках впервые слово «шахматы» встречается в середине XIII в. Но более вероятно, что оно появилось на Руси раньше. Об этом свидетельствуют, в частности, былины, а косвенно археологические находки шахмат, относящиеся к периоду Киевской Руси (XI—XII вв.).

Изучение названий фигуры и игры позволяет, таким образом, с полной уверенностью сделать вывод о восточном происхождении русских шахмат. При сравнении с западноевропейской вырисовывается значительно бóльшая близость русской терминологии к исходной, восточной. Вместе с тем исследование шахматной терминологии еще раз подтверждает, сколь тесными и ак-

Фрагмент из средневекового арабского шахматного комплекта Радзивилловской летописи, изображающей поход Олега в 907 г.

тивными были культурные и другие связи древней Руси со странами Востока.

Можно предполагать с полным основанием, что все названия в своей первоначальной форме — «шахматы», «царь» («цъсарь»), «ферзь», «ладья», «слон», «конь», «пешка» («пешьци») — возникли на Руси одновременно. Нет никаких фактов, доказывающих, что эти термины образовались у славян в разные периоды. В частности, малообоснованными являются, на наш взгляд, гипотезы о возникновении термина «ладья» на несколько веков раньше, а термина «царь» — на несколько веков позже других русских терминов.

С помощью сравнительного анализа шахматной терминологии не представляется, однако, возможным более или менее точно установить время появления шахмат на Руси. Можно лишь предполагать, что это произошло не раньше VIII и не позже IX—X вв.

Еще сложнее, а по существу невозможно выяснить посредством этимологических исследований конкретные пути проникновения шахмат на Русь. Объясняется это тем, что шахматные термины в средние века в Средней Азии, Иране и на арабском Востоке сравнительно мало отличались друг от друга по форме и совершенно не различались по смыслу. Поэтому не всегда убедительно выглядели выдвинутые ранее гипотезы о тех или иных путях проникновения, обоснованные лишь анализом (нередко ошибочным) шахматных терминов и общенсторическими соображениями. Отсутствие древнерусских письменных источников, посвященных шахматам, заставляет перенести центр тяжести в изучении проблем времени и путей проникновения игры на археологические находки. Вместе с тем они оказываются полезными для исследования самой шахматной терминологии.

О ПУТЯХ И ВРЕМЕНИ ПРОНИКНОВЕНИЯ

Большой круг вопросов возникает перед исследователем, приступающим к изучению проблемы путей и времени проникновения шахмат на Русь. Откуда пришла игра — из одной или многих стран, по одному или

Миниатюра с изображением ладьи в рукописной книге «Лекарство душевное», 1670 г.

нескольким каналам? Когда появились шахматы на Руси — до или после завоевания арабами Средней Азии и Ирана, до или после татаро-монгольского нашествия?

Рискованно было бы сделать окончательные выводы только на основании предложенной выше теории происхождения русских названий шахматных фигур и игры. В настоящее время имеется, однако, другой, более точный метод решения проблемы. Это — комплексное исследование исторических фактов и свидетельств, опирающееся на археологические находки. Ибо археологические изыскания с каждым годом дают все новые и новые материалы и тем самым более глубоко и широко раскрывают перед нами картину распространения и бытования шахмат на Руси.

При раскопках древнерусских городов шахматы более или менее часто попадались в слоях XI—XII вв. Так как к этому времени у восточных славян были в ходу уже не только символические, но и изобразительные фигуры, соответствовавшие русским шахматным названиям, можно сделать предположение, что образование шахматной терминологии и проникновение игры относятся к предшествующим векам. Так мы опять подходим примерно к IX—X вв.

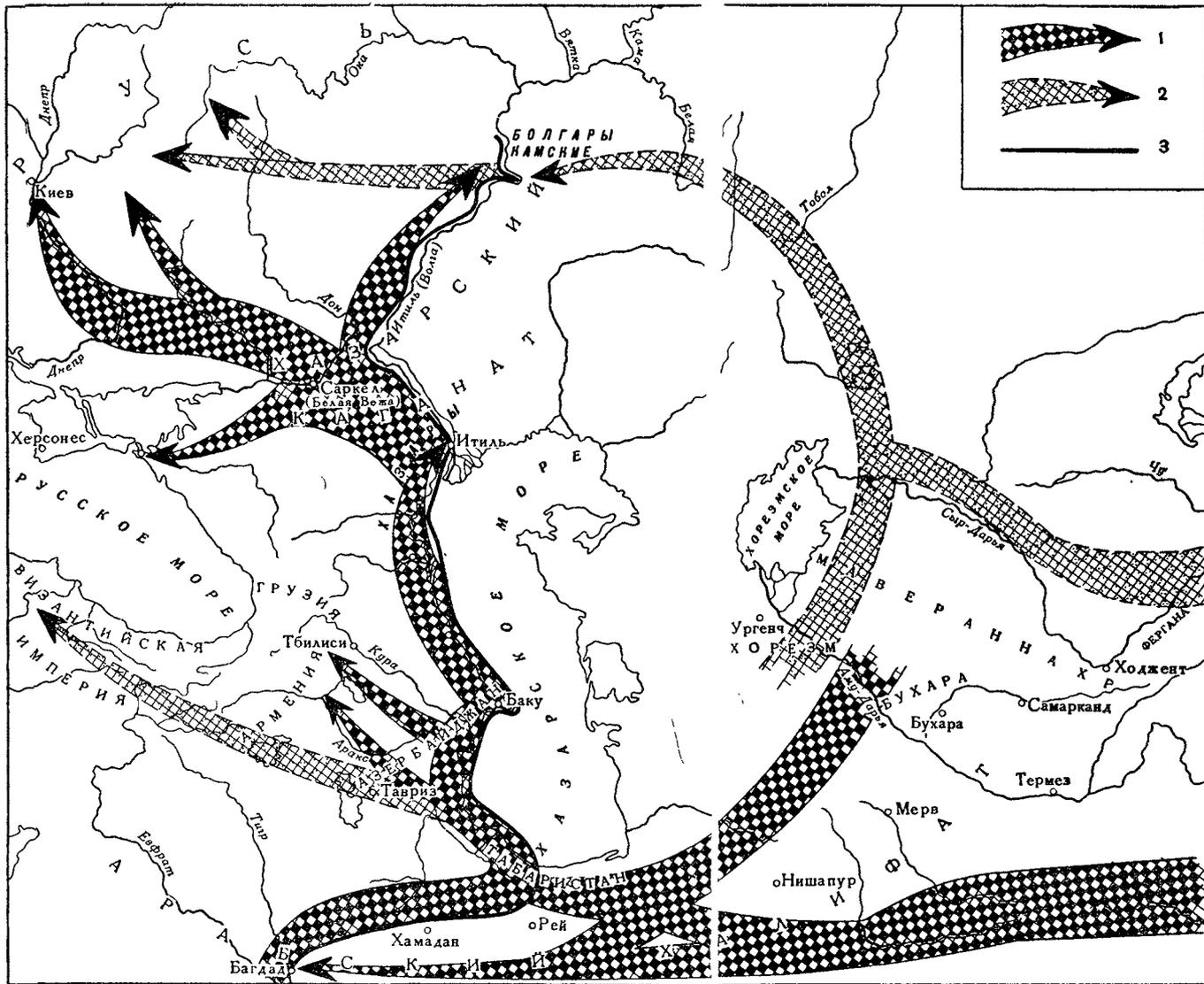
В истории Руси этот период характеризуется объединением восточнославянских племен и созданием Киевского государства, развитием торговых и культурных связей с народами Востока, Византии и Западной Европы. Материалы раскопок, а также описания средневековых путешественников и купцов свидетельствуют, в частности, о широком общении восточных славян с государствами арабского Востока, Средней Азии, Нижнего и Среднего Поволжья. Проникновение шахмат с востока в этот период может рассматриваться, таким образом, как закономерное следствие культурного и экономического развития Киевской Руси.

Торговые и культурные связи Руси с Востоком были в конце первого тысячелетия весьма разносторонними. В «орбиту» связей входили Иран, Средняя Азия, арабские страны, Закавказье, Хазарский каганат и Волжские Булгары. Высказывалась мысль, что шахматы проникли на Русь из Закавказья — Грузии и Армении. Гипотеза представляется маловероятной не только пото-

му, что страны эти находились тогда под властью арабского халифата и их оживленные связи со славянами относятся к более позднему периоду. Дело в том, что средневековая шахматная терминология народов Закавказья сильно отличается от русской. Таковы, например, грузинские названия слона — «ку», «рку» («черепаша»), коня — «мхедари» («всадник»), ладьи — «этли» («повозка») и самой игры — «чадраки». Следовательно, говорить о каких-то следах заимствования едва ли возможно.

Гораздо больше оснований говорить о пути шахмат на Русь из Ирана и Средней Азии. Именно отсюда шахматы в VII—VIII вв. пришли в арабские страны. Отсюда же игра могла двинуться на север и северо-запад, в сторону Хазарского каганата, Волжских Болгар и Киевской Руси. Ибо уже в этот период установились торговые и культурные контакты Хорезма с Хазарским царством и Приуральем, куда можно было добираться не только по Волге, но и через Оренбургские степи. В IX в. торговый путь из Багдада и Ирана в Болгарское царство, а оттуда на Русь шел преимущественно через Кавказ и Хазарский каганат, а уже в начале X в. в связи с ухудшением отношений между арабами и хазарами караваны к болгарам направлялись через Хорезм. О широкой торговле Руси со странами Востока в VIII—X вв. свидетельствуют многочисленные находки монет. На территории Владимиро-Суздальской земли обнаружено более пятидесяти кладов восточных монет этого периода, более тридцати кладов восточных монет того же времени найдено в Новгородской и прилегающих землях. Колонии русских купцов находились, по-видимому, и в Хазарии, и у Волжских Болгар. Раскопки в районах Волжской Болгарии, к сожалению, не дали пока шахматных находок. Можно лишь предполагать, что один из путей проникновения шахмат на Русь в VIII—X вв. шел из Средней Азии через Среднее Поволжье и Урал.

Более интенсивная торговля Руси с восточными странами в рассматриваемый период проходила по Каспию, Нижней Волге и Дону, т. е. через Хазарский каганат — крупное государственное образование, возникшее на территории Юго-Восточной Европы в середине VII в.

1 — частично подтвержденные археологическими находками; 2 — не подтвержденные археологическими находками; 3 — арабский торговый путь в Восточную Европу в VIII—IX вв.

Предполагаемые пути распространения шахмат из Средней Азии и Ирана в VIII—X вв.

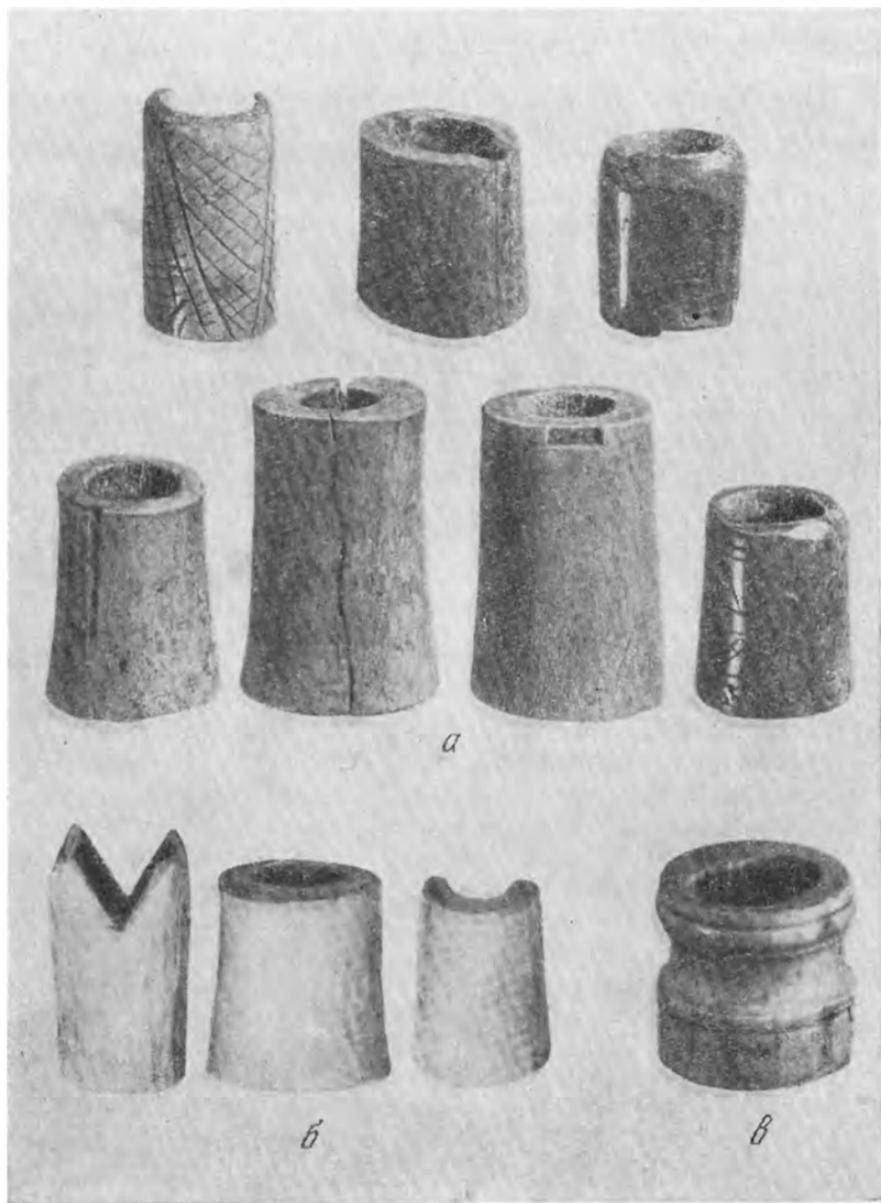
В столицу Хазарии Итиль (в низовьях Волги) стекались купцы из разных земель. Сюда на ладьях устремлялись по Волге русы и болгары, по Каспию приходили суда из Ирана и Закавказья, прибывали караваны купцов из Средней Азии и Западной Европы. В VIII столетии хазары переходят к оседлости и земледелию, государство достигает наивысшего расцвета и успешно отражает натиск двух враждовавших между собой государств — Византийской империи и Арабского халифата. Крупнейший знаток истории хазар профессор М. И. Артамонов в недавно выпущенном труде пишет, что Хазария была «первым государством, с которым пришлось столкнуться Руси при ее выходе на историческую арену... Три века существования Хазарского государства не могли пройти бесследно»⁵.

В Итиле русы нередко встречались с купцами из мусульманских стран, главным образом из Средней Азии. Эти купцы вместе с товарами и религией «несли с собой ирано-мусульманскую культуру, влияние которой отчетливо сказывается на материальной культуре и на искусстве Восточной Европы VIII—X вв.»⁶.

Несомненно, что основу шахматной культуры Хазарии составляли среднеазиатский шатранг и арабский шатрандж. Однако могли быть и свои особенности, вызываемые спецификой быта и религии, не запрещавшей, кстати, изображение людей, животных. Если шахматисты мусульманских стран перестали ощущать красоту реалистического воспроизведения шахматного войска, то в Хазарии на доску снова были поставлены «настоящие» слоны и кони. Поэтому русские могли получить представление не только о восточных символических, но и об изобразительных шахматах. Может быть, именно этим в какой-то мере объясняется тот факт, что уже среди первых археологических находок шахмат в Киевской Руси наряду с символическими нередко встречаются и изобразительные фигуры, причем самая ранняя датируется началом XI в. и найдена в Белой Веже, возникшей на месте хазарской крепости Саркел.

⁵ М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 38.

⁶ Там же, стр. 226.

Фрагменты шахматных фигур. Кость.

а — Саркел — Белая Вежа, X—XI вв.; б — Таманское городище, X в.;
в — Киев, XI—XII вв.

Производившиеся в 1949—1951 гг. в больших масштабах археологические раскопки городища Саркел — Белая Вежа на левой стороне Дона, в зоне затопления Цимлянского водохранилища, привели к открытию ценнейших памятников материальной культуры народов нашей страны.

Саркел возник в начале IX в., а в 60-х годах там с помощью византийцев была построена оборонительная крепость, которая после разгрома хазар Русью в 965 г. попала в руки славян и стала известна под именем Белой Вежи. Среди многочисленных памятников быта и культуры хазар и славян обнаружены 18 фигурок неясного назначения. Случай этот сравнительно редкий в практике современных археологов, хорошо знакомых с бытом восточных народов и славян IX—X вв.

Это небольшие цилиндры и конусы из слоновой кости или рога; размеры соблюдаются довольно точно — от 2 до 3,5 см. Некоторые из них орнаментированы. Десять фигурок обнаружено в хазарском слое (до 965 г.), восемь — в русском (965—1112 гг.). Интересно, что три сходные фигурки найдены в слое X в. Таманского городища при раскопках в 1952—1955 гг.

По форме и размерам эти фигурки из слоновой кости напоминают цилиндры и конусы восточных шахмат, но внутри полые. Возможно, они служили своеобразным основанием для каких-то дополнительных вставок, вместе с которыми и составлялись те или иные шахматные фигуры. В этой связи особенно интересна недавняя находка головы шахматного коня в Афрасиабе. В нижней части фигурки — небольшая ножка, служившая, по-видимому, штырем для вставки в какое-то устойчивое основание. Быть может, для таких именно фигурок применялись полые подставки, которые найдены на Дону и в Тамани. Поэтому можно предположить, что саркелские и таманские находки были деталями шахматных фигур.

Между прочим, такого же типа шахматные фрагменты были найдены археологами в 1855—1856 гг. при раскопках разрушенного землетрясением города Бамбра-ка-тул в Северной Индии. В начале XI в., к которому относятся эти шахматы, здесь был мусульманский город Мансура, и поэтому археологи предполагают, что найден-

Слон. Слоновая кость. Белая Вежа, начало XI в.

ные фигурки скорее мусульманские, чем исконно индийские. Во всяком случае все 37 деталей черного и белого цвета из слоновой кости не могут быть названы какой-либо определенной фигурой и, по мнению Меррея, вырезались секциями и складывались вместе.

Наконец, к той же категории находок допустимо отнести шахматную костяную фигурку, обнаруженную при раскопках в Киеве в 1936 г. и относящуюся к древнейшему периоду, может быть к XI—XII вв. По форме и размерам фигура напоминает пешку, но она, подобно саркелским и таманским находкам, полая.

С уверенностью говорить о том, что это части шахмат, можно будет лишь в том случае, если удастся обнаружить одновременно с ними дополнительные атрибуты фигур, характерные для средневековых шахмат. При этом следует иметь в виду, что на Востоке наряду с резьбой, простой лепкой или формовкой глины и стекла нередко употреблялись склепка, свинчивание и другие виды скрепления различных материалов.

Все эти технические приемы изготовления шахматных фигур, несомненно, передавались соседним народам и странам.

Исключительный интерес для выяснения путей проникновения шахмат на Русь представляет находка шахматной фигурки слона с погонщиком в русском слое Саркела⁷. Как отмечалось, после взятия крепости Святославом здесь образовалось русское поселение городского типа. В раскопках преобладают предметы, характерные для славянского быта, ремесленной деятельности, для русской культуры начала XI в. Встречаются и вещи восточного происхождения, но они скорее относятся к предшествующему периоду, так как уже в это время путь из Белой Вежи на Волгу, в Среднюю Азию и Иран почти не прослеживается.

Остается выяснить, был ли слон из комплекта привозных шахмат или местного производства. Материал, из которого изготовлена фигура (слоновая кость), и манера исполнения явно не местные: в ремесленном производстве беловежцев применялись преимущественно рога оленя и сайги. Найденный же гребень из слоновой кости — византийского происхождения. Вообще слоновая кость шла с востока, а в то время, как уже указывалось, широких связей Белой Вежи ни с Ираном, ни со Средней Азией не было. К тому же фигурка, несмотря на несколько грубоватые формы, свидетельствует о знакомстве ремесленника с индийским животным — в ней прекрасно выдержаны пропорции. По всей вероятности, она была изготовлена восточным ремесленником.

Фигурка имеет овальную подставку. Размеры слона невелики — $3 \times 2,5 \times 4$ см. По манере изготовления эта фигурка напоминает шахматного слона средневековой восточной работы, хранящегося в Национальном музее Флоренции. По-видимому, то была одна из традиционных форм средневековой восточной резной работы, распространённое изображение животных, людей. Манера эта, вероятно, была характерна и для резчиков Итиля — крупного центра промысла и международной

⁷ М. И. Артамонов. Саркел — Белая Вежа. — «Труды Волго-Донской археологической экспедиции», т. 1. М.—Л., 1958, стр. 75.

торговли в VIII—X вв. Однако в рассматриваемое время в Средней Азии, Северной Индии, Иране мусульмане строго придерживались предписаний Корана и фигур в виде животных и людей не изготовляли. Зато большим спросом пользовались «живые шахматы» у русов. Восточнославянские купцы и сопровождавшие их дружинники проявляли особенный интерес к изобразительным фигуркам, соответствовавшим русским шахматным названиям. Таким образом, фигура из слоновой кости восточной работы могла появиться и в шахматном комплекте беловежцев, участвовавших в походе Святослава на Итиль.

Находка слона в Белой Веже и некоторые другие документальные материалы позволяют наметить вехи первоначальной истории шахматной культуры на Руси.

По-видимому, первое знакомство русских с шахматами, выработка понятной народу шахматной терминологии относятся к периоду между VIII и X вв. Представления о шахматах славяне могли получить в Средней Азии, Иране, на арабском Востоке. Но больше всего с иноземными шахматистами они встречались в Итиле и Болгаре на Волге. Здесь, по всей вероятности, шахматы стали известны в том виде, в каком они затем получили распространение на Руси.

Русь шахматная

ИСТОРИЯ, РАССКАЗАННАЯ ФИГУРАМИ

Археологических находок фигур — оживших свидетелей древних шахматных сражений — становится в нашей стране с каждым годом все больше. Уже сегодня они дают представление о распространении игры на обширной территории древней Руси. Белая Вежа, Таманское городище, Вышгород, Киев, Гродно, Волковыск, Туров, Торопец, Новгород, поселение в верховьях Оки, именуемое ныне Николо-Ленивец, — во всех этих древнерусских городах и поселениях уже обнаружены шахматы, датируемые XI—XIII вв. А если прибавить к ним аналогичные находки XIV—XV столетий в

Друцке, Смоленске, Москве и других древнерусских городах, то границы «шахматной Руси» еще более раздвинутся и мы вправе будем утверждать, что шахматы в нашей стране знали и любили издавна и повсеместно.

Летописи приводят сведения о существовании уже в IX—X вв. не менее 23 русских городов. Количество городских поселений непрерывно росло. Ко времени монгольского нашествия их насчитывалось до трехсот.

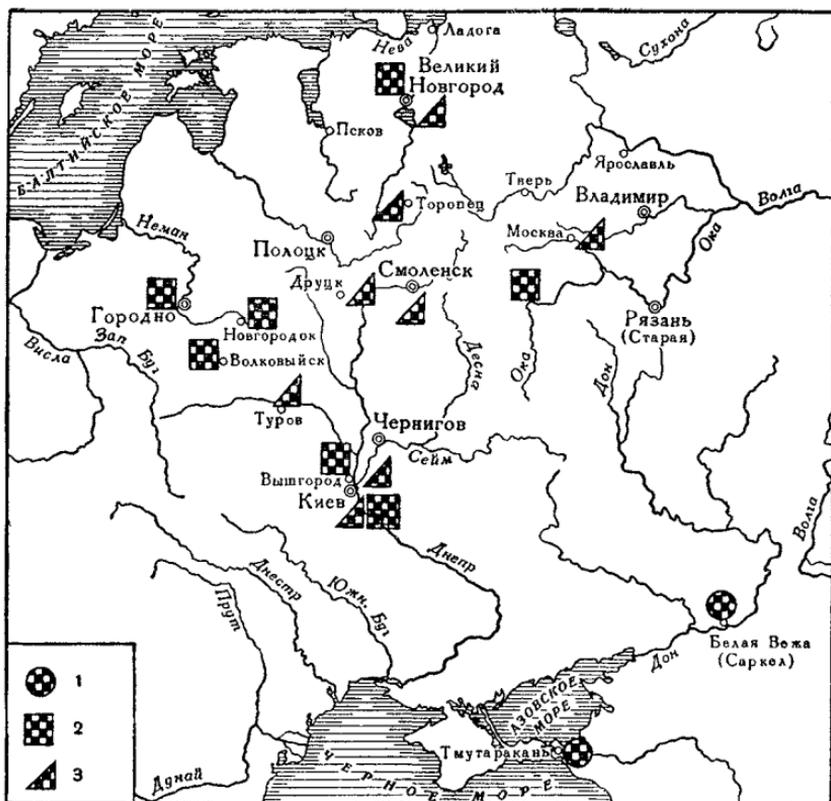
Древнейшие города Руси — это крепости («гора, «детинец»), вокруг которых позднее складывались предместья («посады») и торги («торжища»). Здесь на городском рынке был представлен широкий ассортимент изделий местного ремесла, в том числе шахматы. Изготавливались они преимущественно мастерами-косторезами. Наряду с ручной резьбой уже в X—XII вв. для изготовления фигур применялся токарный станок.

О древнейшей истории городов рассказывают находки из дружинных погребений — курганов. Крупнейшие из них — Гнездовский (у Смоленска), Черниговский, Киевский, Михайловский (у Ярославля). В могильниках обнаружены одежда, мечи, стрелы, посуда, украшения и даже какие-то фигурки для игр. Найденные в Черной Могиле у Чернигова во время раскопок (1872—1873) фигурки исследователи сначала приняли за шахматные пешки. Позднее Б. А. Рыбаков, изучая материалы раскопок, подверг эту гипотезу сомнению: «Учитывая стандартность всех костяных фишек, их трудно признать шахматными фигурками, так как должны были бы сохраниться не только одни пешки»¹. Не обратив внимания на это замечание, некоторые историки объявили черниговские находки шахматами.

На самом деле, как показала археолог Г. Ф. Корзухина (Ленинград), много лет занимавшаяся исследованием и реконструкцией этой игры, она ничего общего ни с шахматами, ни с современными шашками не имеет². В ней применялось множество — до нескольких десятков — однотипных полусферических фигур, плоские

¹ Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова, т. I.— «Материалы и исследования по археологии древнерусских городов», № 11, М.— Л., 1949, стр. 42.

² Г. Ф. Корзухина. Из истории игр на Руси.— «Советская археология», 1963, № 4, стр. 85—102.

Археологические находки шахмат в городах древней Руси. X—XV вв.

1 — в слоях X—XI вв.; 2 — в слоях XI—XII вв.; 3 — в слоях XIII—XV вв.

игральные кости и совершенно не похожая на современную доска. Подобная игра встречалась еще в римскую эпоху — вплоть до V в. н. э. После падения Римской империи большое распространение эта игра получила у славян и прибалтийских народов. Фигурки изготовлялись из глины, стекла, камня и кости. В нашей стране они найдены преимущественно в курганных погребениях не позже X — начала XI в.

Развенчание легенды о «шахматных пешках» из курганных погребений X в. не означает, конечно, что шахматные фигуры, относящиеся к этому периоду, вообще не могут быть найдены. Скорее всего в то время шахма-

ты еще не стали достоянием воинов, могильники которых вскрывались, и первыми любителями шахмат на Руси, по всей вероятности, были купцы, ремесленники и другие жители городских посадов. Только в XI—XII вв. шахматы получили распространение среди русских воинов, о чем, кстати, свидетельствует и былинный эпос.

Теперь рассмотрим первые археологические шахматные находки. В свое время И. Т. Савенков высказал мысль, что изображения первых фигур должны соответствовать их названиям, а не быть символическими, как у арабов. Однако это не совсем так. При изучении и сопоставлении шахмат древнерусских городов XI—XIII вв. обращает на себя внимание бытование у славян как символических, так и изобразительных фигур. Мы уже упоминали об одной из первых шахматных находок древней Руси — беловежской фигуре слона (первая половина XI в.). Вскоре русские ремесленники начали и сами изготавливать высокохудожественные комплекты, в которых каждая фигурка соответствовала своему названию. В частности, три такие фигурки — две ладьи и одна пешка — найдены при раскопках Гродно и Волковыска.

Оба города находились на территории современной Белоруссии. Гродно — крупный ремесленный и торговый центр — упоминается в Ипатьевской летописи еще в 1132 г. Древняя часть города располагалась на возвышенной части при впадении реки Городничанки в Неман. Здесь, на Замковой горе, в 1932 г. польскими археологами были начаты раскопки, завершенные в 1949 г. под руководством советского ученого Н. Н. Воронина.

Среди многочисленных предметов хозяйственной деятельности, ремесла и быта, отражавших своеобразную культуру русских городов Принеманья, была найдена миниатюрная ладья, искусно сделанная из светлого камня. Ее размеры 5,5×1,5 см. Ладья укреплена на ножке с прямоугольной подставкой. На бортах — круглые отверстия для весел. В ладье четыре воина — два у бортов и два у носа и кормы. Из них хорошо сохранились лишь последние две фигуры. С каждой стороны на бортах висят по три щита. Н. Н. Воронин, первый изучивший эту находку и установивший ее принадлежность

Ладьи, XII в.

а — Гродно, камень; б — Волковыск, кость

к шахматам, подчеркнул, что «шахматная фигура превосходно отразила тип реального судна середины XII века»³.

По своей форме шахматная миниатюра соответствует описанию в русских источниках XII—XIII вв. нового в то время типа ладьи («насады»), в которой гребцы закрыты от вражеских стрел палубой, а на самой палубе находились лишь четыре воина в железных доспехах. Впервые насады упомянуты в Лаврентьевской летописи под 6659 (1151) г. в связи с борьбой киевского князя Изяслава с владимиристо-суздальским князем Юрием: «Бе бо исхитрил Изяслав лодье дивно: беша бо в них гребцы гребут невидимо, токмо весла видети, а человек бяше не видети, бяхут бо лодье покрыты досками, бяхут бо борци стояще горе во бронях и стреляюще, а кормника два беста, един на корме, а другый на носе...»

Замечательная гродненская находка не осталась одинокой. В 1954 г. такая же шахматная ладья, но костяная, была найдена в слоях XI—XII вв. при раскопках Замковой горы Волковыска (Гродненская область)⁴. Шахматная фигурка почти во всех деталях повторяет каменную ладью из Гродно. Но в ней лучше сохранились воины, помещенные у щитов по бортам, и даже отчетливо видны черты лица и волосы, ниспадающие из-под плоских шапок. Эта ладья была одной из костяных фигур искусно вырезанного шахматного набора. Вблизи нашли фигурку барабанщика — единственную дошедшую до нас изобразительную пешку древнерусских шахмат. Барабанщик, подающий сигнал о начале сражения, одет в рубаху; на голове — шапка, через плечо висят «бубны» (барабан), в правой руке — «вощага» для ударов по ним. Барабанщик похож на воинов, вырезанных на ладье.

Гродненская и волковысские шахматные находки говорят о том, что шахматный термин «ладья» прочно утвердился уже в XI—XII вв., что под термином «пешка» подразумевались вовсе не шашки, как предполагали некоторые исследователи, а пешие воины княже-

³ Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. М., 1954, стр. 76.

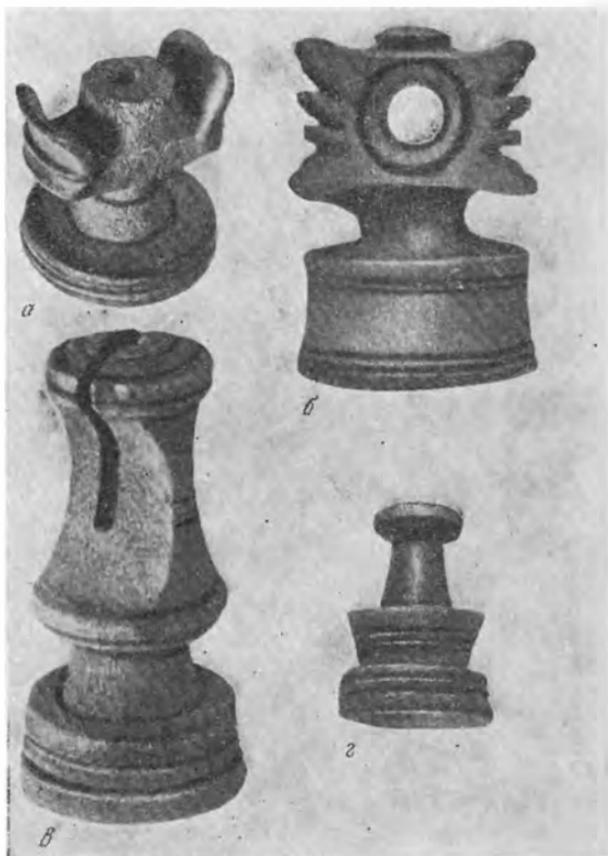
⁴ Материалы по археологии БССР, т. 1. Минск, Изд-во АН БССР, 1957, стр. 277—278.

ских дружин. Над изготовлением шахмат с любовью трудились талантливые резчики, чьи произведения — высокохудожественные образцы древнерусского прикладного ремесла. Выполненные в реалистической манере древние шахматные фигурки представляют большой интерес для исследования быта и культуры Киевской Руси.

Но изготовление изобразительных шахмат было делом сложным и трудоемким. Во много раз проще делать условные фигуры, особенно на токарном станке. На торжищах древнерусских городов рядом с дорогами и прекрасно выполненными шахматными наборами предлагались и маленькие костяные фигурки символических шахмат. Их покупали люди менее состоятельные — воины, жители городских посадов. В условных стилизованных шахматных фигурах русские ремесленники большей частью следовали восточным образцам, однако далеко не во всем слепо копировали их. Многое зависело от художественного вкуса мастера, от того, где делалась копируемая фигурка. Вот почему символические

Пешка (вид с трех сторон):
Кость. Волковыск, XII в.

Шахматные фигуры. Кость. XII—XIII вв.

а — ладья (Вышгород); б — ладья (Киев), XII в.; в — ферзь (?) (Никола-Ленивец); г — пешка (Торопец), XIII в.

фигурки оказываются столь различными по манере исполнения. Древнейшая символическая ладья, изготовленная на Руси, обнаружена при раскопках Вышгорода в 1936 г. в одном из полуземляночных жилищ XII в. Вышгород — древний город Киевской земли на правом берегу Днепра, в 20 километрах от Киева. С 946 по 1214 г. он многократно упоминается в летописях.

Каждому, кто хоть немного знаком с шахматными фигурами средневековья, нетрудно различить в симво-

лической скульптуре шахматную ладью. О том, что это шахматная фигура, говорит характерное нижнее основание и ее размеры (2,5×2 см), а о том, что перед нами ладья, свидетельствует верхняя часть фигуры со своеобразными «крыльями» руха. Ремесленник изобразил нечто среднее между восточной фигурой и натуральной русской ладьей. Остается только непонятным, зачем в центре этой условной фигурки понадобился цилиндрический выступ с небольшим углублением в середине. Фигура поражает безукоризненно выдержанными пропорциями, прекрасным выточенным основанием, орнаментированным линейным украшением. Это образец тонкого косторезного мастерства. Долгое время археологи полагали, что негатив фотографии найденной фигурки, как и сам оригинал, пропал во время войны. Но недавно ее обнаружила в фондах Киевского исторического музея археолог А. М. Шовкопляс.

Своеобразно решена безвестным ремесленником также символическая ладья, найденная в начале нынешнего века при раскопках Киева, древнейшего города Руси. Еще в IX—X вв. вокруг Киева начали объединяться восточнославянские племена, а в XI—XII вв. город стал столицей древнерусского государства.

При раскопках на горе Киселевка в начале века были найдены две шахматные фигурки предположительно X—XII вв. Но лишь одна из фигурок может быть отнесена к этому времени — плохо сохранившаяся ладья. Имея образцы других символических ладей, нетрудно представить себе очертания этой фигуры. Загадочно лишь выдолбленное в центре отверстие. Каково его назначение? Возможно, оно сделано у всех изделий комплекта шахмат, чтобы после игры их легко было насадить на одну нитку и таким образом не растерять драгоценные фигуры.

Но могла быть и другая, пока не известная нам причина. Ибо одна из шахматных находок на Скандинавском полуострове, относящаяся к концу XII — началу XIII в., похожа на эту фигурку, но имеет в центре четыре отверстия.

Интересная шахматная фигурка была найдена в 1956 г. во время археологических раскопок городища у деревни Николо-Ленивец на левом берегу р. Угры

(ныне Калужская область)⁵. Через этот район в древности проходил восточный торговый путь славян (Днепр — Ока — Волга — Урал). Здесь в бассейне верхней Оки, в древнерусской землянке (XII—XIII вв.) среди разнообразных предметов быта археологами была обнаружена костяная шахматная фигурка, возможно ферзя. Верхний «разрез» фигурки, вероятно, позднейшего происхождения. По строгости формы и линий орнамента, по характеру обработки кости и здесь виден резец токарного станка.

Символическая фигура коня найдена в 1960 г. при раскопках в г. Новогрудке (Гродненская область). Новгородок Литовский — так был назван в Ипатьевской летописи этот старинный русский город на границе Полоцкой земли. Здесь в слое первой половины XII в. вместе с разнообразными бытовыми принадлежностями оказалась и костяная шахматная фигура, замечательная по простоте и форме. Это — цилиндр с небольшим конусовидным выступом. Новогрудская фигурка — классический образец

Фигуры коня. Кость.

а — Новогрудок, XII в.; б — Туров, XIII в., в — Новгород, XV в.

⁵ Т. Н. Никольская. Городище у дер. Николо-Ленивец. — «Советская археология», 1962, № 1, стр. 237, 239.

восточной символики в шахматах. И если бы не славянский знак трезубца, поставленный резцом сбоку, то ее легко можно было бы принять за арабскую шахматную фигуру коня.

Такая же фигурка найдена в 1961 г. при раскопках одного из древнейших городов Киевской земли — Турова. Через этот город шла дорога от Киева к берегам Балтики. Раскопки дали много интересного материала для исследования быта древней Руси. Среди находок в слое XIII в. — костяная шахматная фигурка коня, представляющая собой цилиндр с верхним выступом и тонкой гривкой.

В символических шахматных фигурах все предельно просто — настолько просто, что их называют нередко геометрическими шахматами. Из подобных цилиндров, пирамид, конусов комплектовалось незатейливое войско символических шахмат. Простота изготовления способствовала тому, что геометрические шахматы стали очень популярны на Руси.

В XIII—XV вв. можно, правда, наблюдать некоторое усложнение формы шахматных фигур. Относящиеся к этому времени археологические находки интересны во многих отношениях. И тем, что фигурки обнаружены в ряде древнерусских городов, и тем, что совершенствовалось мастерство ремесленников в изготовлении шахмат, и тем, наконец, что на Руси бытовали разные виды символических шахмат. Часть из них носит самобытный характер, часть сохраняет восточный вид или приобретает форму, близкую к западноевропейским шахматам.

Две шахматные фигурки были найдены в 1958 г. при раскопках малого Торопецкого городища (ныне Калининская область). Этот укрепленный город на острове, омываемый незамерзающей рекой Торопой, был в середине XII в. одним из крупных центров Смоленской земли, а в следующем столетии входил в Смоленское княжество. Здесь в слое XIII в. были найдены костяные шахматные фигурки. Одна из них сохранилась плохо, зато другая, которую можно по размерам (1,7×1,2 см) и форме определить как пешку, представляет большой интерес. Она аккуратно выточена на токарном станке. В отличие от пешек восточных наборов, в этой фигурке налицо усложнение формы и орнамента.

Она состоит из четырех частей: цилиндрического основания, яруса типа чаши, конусовидного остова и небольшого верхнего утолщения с углублением в центре.

Фигурка особенно интересна в связи с другой археологической находкой, сделанной в 1959 г. при раскопках г. Друцка. Этот город возник на пути «из варяг в греки». В летописи он впервые упоминается в 1092 г., но существовал, как можно судить по поучению Владимира Мономаха, еще раньше. С начала XII в., в период феодальной раздробленности, становится княжеским центром, играющим видную роль в Полоцкой земле; в конце того же столетия отошел к Смоленскому княжеству, а в XIII в. к Литве.

Культурные слои раскопок Друцка охватывали период XI—XIV вв. Однако шахматная фигурка найдена в недатированном слое, непосредственно подстилающем пахотный слой. Ниже следовал в основном ненарушенный слой XIII—XIV вв. Каким же веком датировать находку? Тут приходит на помощь торопецкая шахматная пешка. Достаточно одного взгляда, чтобы определить их необычайное сходство в манере изготовления.

Друцкая фигурка костяная, «вольящета», как выразился бы былинный певец, т. е. резная, точеная. По своим размерам она почти вдвое выше пешки из Торопца (3,2 см), но пропорции примерно те же, а основание фигуры полностью повторяет форму основания пешки. Дальше следуют два цилиндрических яруса, также чашевидной формы, и конусообразный остов. Заканчивается фигурка кольцевидным перехватом и верхним «ярусом», в центре которого коническое углубление (куда, возможно, вставлялось что-то на клею).

Если не знать, что перед нами находки из двух городов, то можно было бы отнести обе фигуры к одному комплекту и утверждать, что их делал один мастер, — настолько близки эти две фигурки по стилю отделки, орнаментации, пропорции. Находка в Торопце — шахматная пешка, здесь же, по всей вероятности, шахматный царь, или, как теперь мы его называем, король. Об этом говорят размеры фигуры и два мощных яруса, возвышающихся над основанием. Сходство с торопецкой пешкой позволяет отнести и друцкого «короля» к XIII в.

В том же духе — цилиндрическое основание, два яруса чаш, кольцевой перехват и верхушка с углублением в центре — выполнена шахматная фигурка, найденная при археологических раскопках в 1947 г. в Новгороде Великом⁶. Фигурка обнаружена на Ярославовом дворе, на месте предполагаемой вечевой избы, в слоях XII—XIII вв. В этой костяной миниатюре иная манера выточки всех частей, но зато «трактовка» фигуры, ее размеры не оставляют никаких сомнений в том, что перед нами «король» из набора новгородских шахмат.

Принадлежность к шахматам дружкой и новгородской фигур подтверждается еще одной киевской находкой примерно того же, а может быть, и более позднего периода (XIII—XIV вв.). В этой костяной скульптуре цилиндрической формы принципиально то же решение, что и в предыдущих находках, т. е. налицо основание, два яруса чаш и верхушка. И размеры фигурки совпадают с новгородским и дружким «королями», но манера исполнения совсем другая. Фигурка массивна, ее основание почти в три раза выше оснований только что рассмотренных находок, широкие чаши с прорезями напоминают бойницы в средневековых крепостях. Пропали легкость и изящество, характерные для символических шахматных фигур.

Интересно, что такого же типа фигуры, но с одной чашей — по-видимому, то были ферзи — найдены и в европейских странах.

Были ли описанные выше типы «королей» устойчивыми или изготовление их тоже пошло по линии упрощения форм? Будущие раскопки покажут, но думается, что и здесь в таком именно направлении развивалась эволюция фигур.

Это предположение позволяет, в частности, сделать находка в Смоленске во время археологических раскопок 1955 г. На месте торгово-ремесленной части древнего посада в слоях XIII—XV вв. была обнаружена шахматная фигурка, искусно выточенная на токарном станке. Богато украшенная линейным орнаментом,

⁶ А. В. Арциховский. Новгородская экспедиция.— «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», вып. XXVIII, 1949, стр. 118, рис. 44а.

Фигуры короля. Кость.

***а* — Друцк, XIII—XVI вв.; *б* — Новгород, XIII в.; *в* — Киев, XIII—XIV вв.; *г* — Смоленск, XIII—XV вв.**

фигурка лишь немного крупнее шахматных королей, с которыми мы только что познакомились (высота 3,5 см). Но зато по форме и принципиальному решению основных частей фигура сильно отличается от друцкой и новгородской находок, у них идентично лишь основание. Над основанием возвышается могучий корпус, освободившийся от всех ярусов чаш, опоясанный лишь небольшим кольцевидным утолщением в центре. Зато верхняя часть фигуры увенчана массивной «короной», к сожалению, почти не сохранившейся. Была ли то принципиально новая форма фигуры короля или освободившийся от ярусков ферзь — окончательно решить пока трудно. Для сравнения нужны еще фигуры, изготовленные в той же манере.

Археологические находки шахматных королей, относящиеся к XIII—XV вв., говорят о том, что восточная символика в изображении главной в игре фигуры была на Руси, как и в других европейских странах, сравнительно быстро утрачена. И это вполне естественно, если учесть, что во всех странах фигура получила название высшего лица в иерархии феодального общества. «Царь» шахматного войска должен был резко выделяться среди других фигур как по своим очертаниям, так и по размерам. Находки фигур подтверждают эту тенденцию.

В целом же археологические раскопки XI—XV вв. уже сегодня выявляют районы распространения шахмат на Руси. Они рассказывают также о своеобразной эволюции фигур, происходившей при перекрестном влиянии восточных и западных шахмат и выливавшейся в самобытные формы. Все найденные костяные изделия обработаны, как правило, на токарном станке. Характерная деталь русских шахмат — орнамент в виде нескольких тонких круговых линий.

Но рассмотренные находки не дают еще полного представления о том, как выглядели комплекты изображительных и символических фигур, насколько велико было увлечение игрой в различных землях. В этой связи исключительно важны результаты археологических раскопок последних лет в Новгороде, на основании которых можно заключить, что в XIII—XV вв. это был поистине классический город шахмат.

ШАХМАТЫ ГОСПОДИНА ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

Среди древнерусских городов Новгород занимает особое место. Он возник в X в. на реке Волхове и наряду с Киевом стал важнейшим центром Руси. В XIV—XV вв. это один из крупных европейских городов с 50-тысячным населением. Новгород был, пожалуй, единственным большим городом, который оставался фактически независимым в период тяжелого монголо-татарского ига. В отличие от других русских феодальных центров, здесь установилась аристократическая республика, управляемая боярами и купцами.

Главным занятием новгородцев были ремесла и торговля. Через Новгород проходили основные торговые пути древней Руси. Его не могли миновать купцы, направляющиеся с севера на юг — «из варяг в греки». Отсюда шла прямая дорога на восток — в Среднюю Азию, Индию. Новгород торговал с городами Ганзейского союза, с Швецией, Англией, Францией и другими западноевропейскими государствами. По всему миру разнеслась слава Господина Великого Новгорода.

Раскопки древнего Новгорода начались еще до Отечественной войны. В послевоенные годы работы возобновились. На Ярославском дворце удалось при этом найти две костяные шахматные фигуры, датированные XIII—XIV вв. Об одной из них говорилось выше, другая напоминает современную пешку.

После того как раскопки на Славне и Ярославском дворце были завершены, экспедиция Института археологии Академии наук СССР обратила основное внимание на район улиц Великой, Холопьев и Кузьмодемьянской. Они были частью большого района города, называвшегося Неревским концом. За последнее десятилетие здесь вскрыто десять древних усадеб (дворов), по нескольку домов в каждой. Обиле археологических находок X—XV вв. позволило изучить хозяйство, быт, культуру и технику Великого Новгорода.

Необычайно яркая картина открылась перед археологами и в области шахматной культуры древних новгородцев. На раскопках Неревского конца Новгорода найдено 58 шахматных фигур из 36 комплектов. Дати-

руются они разными временами — от XII до XV в. включительно. Это уникальная и крупнейшая в мире археологическая шахматная коллекция.

Прежде чем рассказать об этих шахматах, несколько слов о самих раскопках, успеху которых сопутствовало своеобразное «археологическое счастье». Оно заключалось в том, что в сырой почве Новгорода хорошо сохранились обычно бесследно исчезающие органические вещества — ткани, плоды, злаки, деревянные изделия, в том числе 44 (из 58) деревянные шахматные фигурки. По-видимому, шахматы изготовлялись новгородцами большей частью из дерева, особенно когда они предназначались для местного употребления. Это выглядит вполне естественным, если учесть, что новгородская земля богата лесом и техника обработки дерева достигла здесь высокого уровня.

Археологические исследования Новгорода отличаются необычайной точностью датировки обнаруженных вещей. Дело в том, что новгородцы застилали улицы деревянными мостовыми, причем новые мостовые накладывались прямо поверх старых. Так, в месте раскопок Великой улицы вскрыли 32 настила мостовых, лежащих один над другим. Определение времени рубки того или иного дерева по годичным кольцам древесины позволяет устанавливать время существования настилов, а известные по письменным источникам календарные хронологические даты смены мостовых помогли восстановить историю застройки данного района древнего Новгорода, определить время бытования огромного количества археологических находок, в частности шахматных фигур.

Находки шахмат исчисляются, как правило, одной, двумя, тремя фигурами. Изредка попадалось по пять-шесть фигур. Самым значительным скоплением явился набор из 11 деревянных фигур (треть шахматного комплекта), найденный в доме XIV в. Это были шахматы символического геометризованного типа, созданного на Востоке и распространившегося в средние века в Европе. Если сравнить новгородские находки с недавно найденным шахматным комплектом XII в. в Сандомире, с отдельными фигурами той же эпохи, которые хранятся в музеях Парижа, Лондона, Берлина и других европейских городов, то легко убедиться, что уже тогда

шахматы по своему внешнему виду имели гораздо больше общего, чем различий. Различия же были обусловлены главным образом материалом, из которого делались шахматы, и, естественно, вкусом мастера.

Самые ранние находки датируются XII в. В слоях этого времени найдены две фигуры — слон и конь. К XIII в. относятся 11 фигур (4 костяные и 7 деревянных) из 10 комплектов. С XIV в. сохранилось наибольшее количество фигур — 29 из 14 комплектов, в том числе 3 костяные и 26 деревянных. От XV в. дошло 16 фигур из 10 комплектов, в их числе 5 костяных, 10 деревянных и 1 каменная.

Число находок шахматных фигур возрастает с каждым новым культурным слоем. Так, в слое 70—80-х годов XIII в. шахматы найдены на территории трех усадеб, столетие же спустя, в 50—70-х годах XIV в., они обнаружены уже в пяти домовладениях, а в начале XV в. — почти в каждой усадьбе.

Широк круг лиц, игравших в шахматы. То были ремесленники, купцы, бояре, холопы и служители культа. Набор в 11 фигур, о котором упоминалось выше, был найден на территории усадьбы крупных землевладельцев — бояр. Во второй половине XIV — начале XV в. здесь жил посадник Юрий Онцифорович. Его отец был новгородским боярином. Но сохранившиеся шахматы — деревянные, простой выделки. Поэтому можно предположить, что в них играл не сам боярин, а его дети или челядь.

В новгородской археологической коллекции представлены все шахматные фигуры: короли, ферзи, ладьи, слоны, кони и пешки. Их легко отличить друг от друга, за исключением, может быть, королей и ферзей, у которых между собой много общего. Всего найдено 14 таких фигур. Их размеры невелики, высота не превышает 3,5 см. Фигура же в 5,1 см выглядит гигантом. По-видимому, этот грубо сделанный король — дело рук не мастера-ремесленника, а любителя.

Фигуры XIII в. имеют цилиндрическую форму и закругленные головки, а фигуры позднейшего времени — вид усеченного конуса с головками наподобие шатра. Резко отличается от них лишь костяная фигура начала XV в., напоминающая современного ферзя.

За исключением этой фигуры и двух более ранних, украшенных усложненным орнаментом, короли и ферзи изготовлены по упрощенной геометризированной схеме, хотя и несколько отличаются от восточной символики.

Ладей сохранилось немного — всего четыре, в том числе три деревянные и одна каменная. В отличие от короля и ферзя, формы которых менялись в средневековье, перед нами утвердившаяся восточная традиция этой фигуры с двумя характерными верхними выступами и прямоугольником в основании. Размер ладей невелик: высота — 2,3—3 см, длина в нижнем основании — 3,5 см, ширина — 1,7 см.

Среди находок больше всего коней и слонов — 24 фигуры, в том числе 13 слонов (4 костяных и 9 деревянных) и 11 коней (3 костяных и 9 деревянных). Высота их в среднем — 2,2—2,5 см, диаметр основания — 1,6—2 см.

У слонов оба выступа имеют округленные или овальные формы и представляют собой как бы прикрепленные к туловищу две небольшие круглые палочки (с утолщением кверху), в то время как в очертании выступа у коня прямые линии. Некоторые различия между слонами можно обнаружить лишь в верхней части фи-

Одиннадцать деревянных фигур шахматного комплекта

гуры, в форме двойных выступов. У отдельных экземпляров они напоминают гривки.

Но сравнение слонов и коней с аналогичными восточными и европейскими фигурами, имеющимися в коллекциях музеев других стран, убеждает в том, что они не претерпели существенных изменений, начиная с IX—X столетий, и потому могут рассматриваться как типичные для средневековья.

Лишь одна фигура коня из всей новгородской археологической коллекции носит изобразительный характер. Костяная скульптура выполнена в реалистической манере. Четко выточены голова, грива, передние ноги, седло. Фигурка укреплена на продолговатой подставке (4,5 × 2,3 см). Высота коня — 3,4 см. Фигурка эта, обнаруженная в слое 80—90-х годов XIII в., — произведение новгородского прикладного ремесла. По своей ценности она может быть поставлена в один ряд с гродненской и волковыскими фигурами. находка служит еще одним ярким подтверждением того, что наряду с основной, символической формой на Руси употреблялись изобразительные шахматы.

Наконец, о новгородских пешках. Их найдено 13 (4 костяных и 9 деревянных). Они напоминают малень-

Новгород. 80—90-е годы XIV в.

кие усеченные конусы. Высота в среднем 1,6—2 см, диаметр нижнего основания — 1,2—1,5 см, верхнего основания — 0,8—0,11 см.

На верхних плоскостях отдельных пешек, а также слонов и коней обращает на себя внимание очень своеобразный орнамент: по краям три маленьких кружка с точкой посередине. Такой рисунок встречается на многих, но далеко не на всех фигурах. Интересно, что по традиции подобный «условный знак» сохранился и в фигурах XVI—XVII вв., найденных на острове Фаддея, и даже в изобразительных фигурах того же периода, обнаруженных при раскопках в московском Зарядье.

Этот орнамент обнаружен и на некоторых фигурах, хранящихся в музеях западных стран. Для чего нужны были такие кружки с точками? Этот вопрос остается до сих пор не выясненным. Некоторые исследователи полагают, что эти кружки символически изображали глаза или пасть животных. В дальнейшем кружки, конечно, потеряли свой смысл. Живучесть же традиции объясняется, возможно, другим: орнамент в виде кружочков с точками мог быть использован для того, чтобы отличить фигуры соперников, так как в то время шахматы еще не окрашивались в два цвета.

Сопоставляя новгородские фигуры с находками того же времени в других древнерусских городах — Киеве, Друцке, Смоленске, Торопце, можно еще раз убедиться в том, что среди символических шахмат в то время не было единого типа.

В Новгороде восточная форма шахмат оказалась необычайно устойчивой на протяжении многих столетий. Лишь отдельные фигуры близки к находкам других городов Руси. Большинство же фигур, хотя и носит печать местного производства, не выходит за рамки давно принятой традиции. Исключение составляли, конечно, изобразительные шахматы, соответствовавшие русским названиям фигур. Этого, между прочим, не учел итальянский шахматный исследователь и мастер Г. Поррека в своей статье, посвященной новгородской археологической коллекции. В целом в ней высоко оценено значение коллекции для изучения истории мировой шахматной культуры. С одним лишь выводом нельзя согласиться:

«Русская терминология для обозначения фигур, например слон и т. п., — писал он, — не оказала никакого (разрядка моя.— И. Л.) влияния на форму фигур»⁷. Это опровергается описанными выше находками изобразительных фигур древнего Новгорода, Белой Вежи, Гродно и Волковыска.

Новгородская коллекция представляет несомненный интерес для истории шахмат в странах Востока и Запада, где собрания средневековых фигур крайне мало численны. Сопоставление их с вновь найденными шахматами может привести к ряду интересных выводов о закономерностях эволюции самих фигур, особенностях развития шахматной культуры у тех или иных народов и т. п. Но прежде всего новгородское собрание находок шахматных фигур необычайно расширяет наше представление о древнерусских шахматах, их распространении в разных слоях населения, их роли в культурной жизни Руси.

ПО КАНОНАМ ВИЗАНТИЙСКОЙ ЦЕРКВИ

Шахматы были широко распространены на Руси уже в XI—XII вв. Это бесспорно доказано археологическими находками. Почему же в таком случае об игре ни слова не говорится ни в летописях, ни в других ранних литературных памятниках? Почему первое упоминание о ней встречается в литературе лишь в XIII столетии, да и оно носит негативный характер? Почему, наконец, с тех пор и до XVII в. шахматная жизнь нашла столь слабое отражение в дошедших до нас письменных источниках?

Объяснить это, по всей вероятности, можно следующим. Летописи составлялись, как правило, монахами. А они-то, живя затворниками в кельях монастырских, может быть, сами и поддавались шахматному «соблазну», но, конечно, не могли ни слова написать о распространении шахмат среди народа, так как против шахмат в то время на Руси рьяно выступала церковь. Шахматы

⁷ G. Porreca. Gli scacchi nell'antica Novgorod.— «L'Italia scacchistica», Milano, 1962, № 4, p. 79

были запрещены ею наравне с игрой в кости и другими «бесовскими наваждениями».

Чем же была вызвана такая немилость к шахматам со стороны церковников? Прежде всего влиянием Византии.

Такой ответ может показаться странным, если учесть, что Византии Киевская Русь многим обязана в развитии культуры. Известно, что после принятия христианства при Владимире Святославовиче (X в.) на Русь хлынул поток византийской литературы. Сюда устремились византийские церковники, а также зодчие, ремесленники, художники, певцы, музыканты. Иначе говоря, крещение Руси не только имело социальные и политические последствия, но и способствовало развитию письменности, образования, зодчества.

Все это справедливо. Но изучение русско-византийских связей привело к тому, что некоторые историки начали преувеличивать влияние греческой культуры на русскую. Это коснулось и вопросов проникновения шахмат на Русь. Еще И. Е. Забелин высказал предположение о том, что шахматы были принесены восточным славянам византийскими христианами. Такой же точки зрения придерживался С. А. Сорокин. Однако уже в начале нынешнего века И. Т. Савенков доказал ошибочность этого взгляда. Византийское духовенство не могло экспортировать то, против чего боролось (и довольно успешно) у себя на родине. Далее, сравнение византийской шахматной терминологии с русской также подтверждает, что не оттуда пришла игра на Русь. Шахматы, проникнув в Византию, напоминали цветок, который попал на неблагоприятную почву и вскоре завял, так и не успев расцвести.

По мнению современного исследователя быта и культуры византийцев профессора Афинского университета Ф. Кокулеса, они узнали игру от народов Востока — персов и арабов. От персидско-арабского шатранга (шатранджа) произошли все бытовавшие в то время у византийцев названия игры: «затрикион», «сантраз» и «затризан». Впервые упоминаются шахматы Ахметом в его «Истолкователе снов» (IX в.), а вскоре в произведении под тем же названием у патриарха Германа. Но в том же столетии было выражено отрицательное отноше-

ние к шахматам в сборнике канонических правил «Номоканоне», составленном патриархом Фотием. Патриарх приравнял шахматы к играм в метательные кости, которые были запрещены еще шестым Вселенским собором в Константинополе под страхом отлучения от церкви.

Постановление этого собора служило потом основным козырем в борьбе с шахматами не только у священнослужителей Византии. На него ссылалась и римская церковь, также проявившая на первых порах нетерпимость к восточной игре. Так, в древнейшем итальянском документе о шахматах — письме кардинала Дамиани (1061) содержатся ссылки на канонические запрещения игры в кости. Этот любопытный документ начинается словами: «Я останавливаю свое перо, ибо краснею от стыда, что должен упоминать о еще более презренных видах баловства, нежели охота и ловля птиц, а именно о страсти к играм в кости и шахматы...» И далее автор письма ссылается на шахматные увлечения почтенного епископа Флоренции. На упреки и доводы Дамиани тот ответил: «Иное шахматы, а иное кости. Власть отвергает кости, о шахматах же умалчивает и тем самым их разрешает». «На это,— пишет кардинал,— я возразил: о шахматах в том послании (каноническом.— *И. Л.*) ничего не сказано, но оба вида игры подразумевает оно под именем костей. Итак, если игра в кости запрещается, а о шахматах не сказано прямо, то не подлежит сомнению, что оба вида игры охватываются одним и тем же словом и оба осуждены одним и тем же постановлением власти».

Такова была софистика средневековой церкви, яростно нападавшей на шахматы как на востоке, так и на западе Европы. Правда, в конце XIV столетия Регенсбургский собор официально снял с католиков запрещение на шахматы. Игра была признана необходимым элементом рыцарского воспитания.

Больше преуспело в своей антишахматной деятельности византийское духовенство. Оно опиралось при этом на комментарии к канонам восточной церкви монаха Зонары (ум. в 1118 г.), который еще в бытность свою начальником стражи императора Алексея Комнена не мог смириться с его увлечением шахматами (кста-

ти, о пристрастии императора к этой игре хорошо известно по «Алексиаде», принадлежащей перу его дочери Анны Комнен). В полном соответствии с аскетическим толкованием Зонары шахматы были запрещены Вселенским собором в Вальсамоне (XII в.).

В конце того же века эти постановления и толкования стали известны на Руси. Они вошли в кормчие книги, как стали называться переведенные на русский язык греческие номоканоны. Ими на протяжении нескольких столетий руководствовалось русское духовенство. Игра была осуждена как для лиц духовного звания, так и для мирян. Вот как выглядело это запрещение в кормчей 1262 г.: «Епископом и клириком всем утешение всех и добродетели быти подобает и первообразное и раздражение благодетанию; понеже и от сих есть неким уклоняться от доброго, или шахмати или зернию играть или упиватися, повелевает правило престати, или отлучатися таковым, или убо епископом и презвитором и диаконом и поддиаконом же и чтецем и певцем; и аще не престанут, изверзатися; не убо и мирским человекам шахмати и пианстве упражняющеса, отлучатися»⁸.

В дальнейшем во всех русских церковных произведениях, как и в византийских источниках, шахматы всюду фигурируют рядом с игрой в кости. Характерен в этом плане также другой документ конца XIII в.— «Святительское поучение новопоставленному священнику», включенное в Новгородскую кормчую и известное впоследствии по многим более поздним спискам. В нем наряду с требованием не читать запрещенных книг, не пользоваться заговорами, чарами, приметам, не смотреть конских скачек предписывается не иметь шахмат и игральные кости:

«Ни почитай возбраненных книг, или доселе чему научился еси, неведомые словеса, чары и лечьбы, коби или игры, дивы творя баснии звягомых, лекы и шахматы имети да ся останеши, ни коньнаго уристания не зри»⁹.

⁸ Г. А. Розенкампф. Обзорение кормчей книги в историческом виде, изд. 2. СПб., 1839, стр. 44.

⁹ Памятники древнерусского канонического права.— РИБ, т. VI, ч. 1. СПб., 1880, стр. 104—105.

За игру в шахматы устанавливалось для священнослужителей даже такое строгое наказание, как лишение сана. В Паисиевском сборнике (конец XIV — начало XV в.) прямо говорилось: «Аще кто от клирик или калугер, или епископ, или прозвитер, или диакон играет шахматы или леки, да извержется сана. Аще дьяк или прстець да примуть епитимью 2 лета 10 хлебе и 10 воде... а поклона на день 200, понеже игра та от беззаконных халдей, жрецъ бо идольский тою игрою пророчествовашет о победе ко царю от идол, да то есть прельщенье сатанино»¹⁰.

Враждебное отношение церкви к играм делает понятным, почему на протяжении XIII—XV вв. так редко в русской литературе упоминается о шахматах. Логическим завершением сопоставления шахмат и костей явилось превращение первых, по крайней мере в представлении церковников, в самую сильную по своему воздействию «игру в кости». Одна из старинных русских рукописей так и озаглавлена: «Еже кто не помышляше грех быти во играх шахмотных и протчих костарных играх».

Однако не следует преувеличивать роли всех этих запрещений, церковных назиданий и увещаний. Кормчие книги оказались не в силах убить в народе интерес и любовь к игре, которая уже много веков культивировалась в стране и успела завоевать столько приверженцев, стать частью русской культуры.

Мало оправданы также утверждения о том, что прогрессивную роль в истории шахмат в нашей стране сыграли татаро-монгольские пришельцы.

... Трудному испытанию подверглась Русь в XIII столетии. Разобщенные в результате феодальной раздробленности русские княжества не смогли противостоять монгольскому нашествию. Пали старая Рязань, Владимир, Киев. В руины превратились многие города и села. Долгие годы иго завоевателей, по выражению К. Маркса, оскорбляло и иссушало самую душу народа.

В борьбе с захватчиками усилилось стремление народа к единству, к созданию объединенного централизованного государства.

¹⁰ С. Смирнов. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М., 1912, № XXI, стр. 136.

ванного государства. Появились новые хозяйственные и культурные центры — Москва и Тверь. Сохранили свое значение старые города Новгород и Псков. В XIV и XV вв. наблюдается новый подъем в развитии градостроительства и ремесел, исторической и художественной литературы, былинного эпоса, пронизанного идеей борьбы с татарщиной. А. С. Пушкин, касаясь вопроса влияния татар на развитие русской культуры, писал, что решительно ничего нового они не принесли на Русь: «Татары не походили на мавров. Они, завоевав Россию, не подарили ей ни алгебры, ни Аристотеля». Напомним, что мавры, т. е. арабы, завоевавшие Испанию, «подарили» Западной Европе и шахматы.

Оказали ли татары какое-либо влияние на шахматную культуру Руси? На протяжении более ста лет в отечественной и западной литературе дискутируется вопрос — принесли ли шахматы на Русь татары или эта область культуры была известна здесь задолго до монгольского нашествия. В начале 40-х годов XIV в. К. А. Яниш высказал предположение, что, «будучи совершенно отрезанными от остальной Европы в течение нескольких столетий, со времени покорения монголами (и даже столетием раньше) до Петра Великого, русские могли научиться шахматам только от своих победителей, которые сами научились игре от персов». Правда, доводов в пользу такой гипотезы у ее автора было немного, ибо его филологические исследования русских терминов подтверждали скорее их индо-персидское происхождение. Поэтому для придания веса своему утверждению Яниш в примечании добавил: «Монголы, как и все восточные народы, усердно занимались шахматами. Известно, что знаменитый Тамерлан был очень искусным в этой игре».

Теми же соображениями руководствовался историк и археолог А. В. Терещенко. Примерно в те же годы он писал о шахматной игре: «...должно думать, что она перешла к нам от татар, кои, без сомнения, переняли ее от восточных жителей... При исследовании мною Сарая я находил шахматные шашки из пальмового дерева»¹¹.

¹¹ А. Терещенко. Быт русского народа, ч. IV. СПб., 1848, стр. 78.

Итак, довод опять тот же — татары играли в шахматы. Этот взгляд удержался в русской и западной шахматно-исторической литературе почти до конца прошлого века. С. А. Сорокин, И. Т. Савенков и Д. И. Саргин резко выступили против «татарской» теории проникновения шахмат в Россию, основываясь на русской терминологии, а также на общеисторических фактах и соображениях. Наконец, уже в 30-х годах советский историк М. С. Коган снова пытался оживить обветшалую татаро-монгольскую гипотезу. Его аргументы сводились к следующему: русские князья, общаясь с Золотой Ордой, могли познакомиться с шахматной игрой; татары в свою очередь имели возможность передать русским позаимствованную ими ирано-арабскую терминологию; наконец, первое письменное свидетельство о шахматах на Руси встречается в историческом памятнике второй половины XIII в. Отсюда им был сделан вывод, что «шахматная игра делается знакомой русским в промежуток времени с конца XII в. до второй половины XIII в., т. е. как раз в тот период времени, когда произошло монголо-татарское нашествие»¹².

Гипотеза о принесении шахмат на Русь татаро-монголами убедительнее всего опровергается сегодня археологическими открытиями. Не дает оснований для таких предположений и изучение истории шахмат у татаро-монголов. Судя по правилам и особенностям терминологии, игра проникла в Монголию на стадии шатранга. Отсюда и близкое к нему название монгольских шахмат — «шатар». Все остальные термины (кроме термина «конь») изменились в полном соответствии с особенностями кочевого быта монголов и сохранились с древних времен до сегодняшнего дня: король — ноён (господин), ферзь — бэрс (по звуковой ассоциации с возникновением нового значения термина — тигр), ладья — тэрэг (повозка), слон — заан, тэмээн (верблюд), конь — морь (лошадь), пешка — хуу (сын, дитя, щенок). И сейчас еще можно увидеть в московском Музее восточных культур шахматы монголов, где все фигуры изображены в соответствии с этими названиями.

¹² М. С. Коган. Очерки по истории шахмат в СССР. М., 1938, стр. 11—13.

После завоевания в середине XIII в. юго-восточной Европы на огромной территории степей и Поволжья образовалось государство, именовавшееся Золотой Ордой. В жизни и культуре осевших татар (так в летописях именовались монгольские пришельцы) стало преобладать влияние тюркских элементов, и менее чем за столетие произошло отюречивание завоевателей. На развитие культуры и искусства Золотой Орды, особенно главных городов — Сарай Баты, Сарай Берке в Нижнем Поволжье, — большое влияние оказал Хорезм со столицей Ургенчем. Вот почему и в шахматах у татар возобладали новые традиции, к ним пришли новые термины — среднеазиатские. Произошло это не раньше конца XIII — начала XIV в., в то время как первое упоминание шахмат в русской литературе относится к середине XIII в. Так отпадает главный довод сторонников гипотезы о татаро-монгольском заимствовании.

Мало состоятелен аргумент и о первоначальном знакомстве русских с шахматами во время приезда князей в ставку Золотой Орды. Ведь это были не увеселительные путешествия, а унизительные поездки ради получения ярлыка на княжение. Если бы князья только здесь узнали о шахматах, то до выработки терминологии и распространения шахмат на Руси среди различных слоев населения могло пройти много десятилетий, а то и столетия. А это не вяжется даже с теми немногочисленными письменными свидетельствами, которые дошли до нас.

Но, может быть, приведенные выше аргументы правильны для доказательства более позднего влияния татар на шахматы в России? Ведь продолжал же Меррей, уже после того как согласился с Савенковым о домонгольском проникновении шахмат в Россию, утверждать: «Но вполне вероятно, и я полагаю, что наверняка, шахматы этих народов (татаро-монголов. — И. Л.) оказали влияние на русские шахматы»¹³.

Однако ни в русской литературе XIII—XV вв., ни в раскопках мы не находим следов такого влияния. Можно лишь предположить, что было какое-то, пусть незначительное, влияние на шахматную игру в районах, нахо-

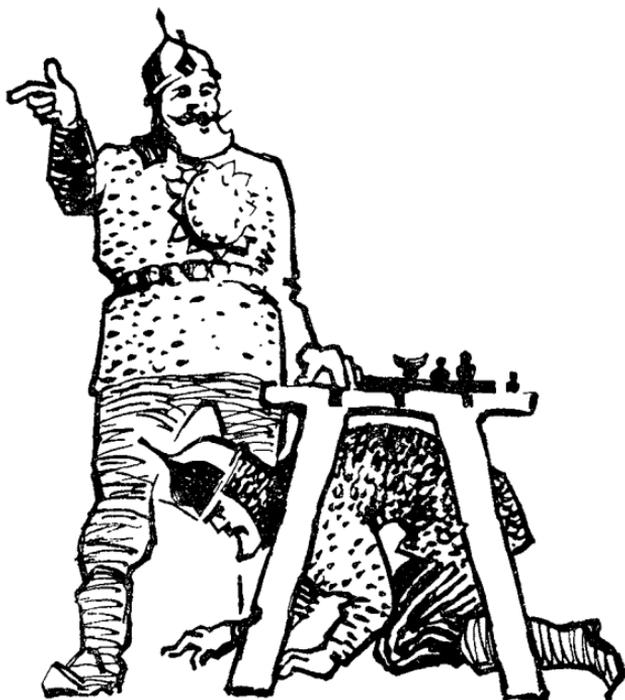
¹³ Н. Меррей. *A history of chess*, p. 379.

дившихся вблизи Золотой Орды. Вряд ли в других русских землях, где, подобно лютой саранче, пронеслись, сея огонь и смерть, татарские полчища и где потом хозяйничали ненавистные народу сборщики дани — баскаки, происходили частые состязания с врагом за шахматной доской. «О, злее зла честь татарская!» — вот настроение народа, переданное в возгласе русского летописца.

Какой же вывод можно сделать о развитии шахматной культуры на Руси в XIII—XV вв.?

Огромной важности исторические события и новые явления в жизни русского общества в той или иной степени, прямо или косвенно наложили отпечаток и на развитие шахматной культуры.

Как татаро-монгольское нашествие, так и гонения со стороны церкви, происходившие первоначально под влиянием аскетических учений византийских монахов, послужили тормозом для развития шахматной культуры. Если в этих неблагоприятных условиях игра продолжала распространяться среди различных слоев народа, то это можно объяснить лишь тем, что она глубоко укоренилась на Руси еще в период существования Киевского государства, когда шахматы стали одним из элементов национальной культуры. И хотя от периода XIII—XV вв. дошло крайне мало письменных памятников, упоминающих о шахматах, зато с каждым годом увеличивается число археологических находок, убедительно свидетельствующих о дальнейшем развитии древнерусской шахматной культуры.

Сквозь призму БЫЛИН

Археологические находки и терминология шахмат, как бы интересны они ни были, бессильны раскрыть все своеобразие шахматной культуры древней Руси. Какими бытовыми особенностями отличалась шахматная игра? Играли ли в тот период в шахматы женщины? Насколько популярной была игра среди русских воинов?

Долгое время полагали, что на такие вопросы в связи с отсутствием шахматных письменных источников мы никогда не получим ответа, что все это навсегда останется тайной минувших столетий. Правда, еще в прошлом веке историки шахмат обратили внимание на былинное народное творчество, где неоднократно упоминались шахматы и местом игры называлась Киевская

Русь. Тем не менее поздние записи народных сказаний, сделанные преимущественно в XIX столетии, а также заметные наслоения других эпох заставили исследователей усомниться, что сцены шахматной борьбы в былинах относятся по происхождению к тому времени, о котором в них говорится. Потому С. А. Сорокин, собрав ряд высказываний о шахматах в былинах и поместив их в журнале («Шахматное обозрение», 1892, № 11), не пытался даже определить, к какому периоду они могут относиться.

Позднее историк М. С. Коган, изложив известные эпизоды в былинах и старинных песнях, писал, что на основании этого обзора можно получить представление о широком распространении шахматной игры в XVI—XVII вв.

Так ли это? Детальный анализ былин, сравнение вариантов одного и того же сюжета, сопоставление приведенных шахматных сведений с уже известными фактами, филологическими и археологическими шахматными материалами и особенно последние достижения советской фольклористики позволяют, на наш взгляд, использовать былины для историко-шахматного исследования гораздо более ранней эпохи. Былины в своей образной, художественной форме отразили жизнь, весьма далекую от нашего времени. Специалисты в области фольклора доказали, что хотя большинство текстов было записано лишь в последние два века, русский эпос возник за тысячу с лишним лет до этих записей, еще во времена разложения родового строя. Создание же первых произведений исторического эпоса — былин — относится ко времени расцвета Киевской Руси — к X—XII столетиям. Идеализация этого периода жизни народа оказалась настолько сильной, что и в последующее время, когда наиболее опасными врагами Руси были не печенеги и половцы, а татаро-монгольские завоеватели (XIII—XV вв.), действия в былинах вполне естественно продолжают связываться с Владимиром Красное Солнышко и разворачиваться в Киевском государстве. А богатыри Киевской Руси — Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович и их сподвижники — выступают воинами-патриотами, защитниками русской земли и в период татарского ига.

Происходившее при этом смещение времени, перенесение действия героев-богатырей из одной эпохи в другую приводили к тому, что новые варианты былин использовали прежние сюжетные линии и продолжали, как правило, отражать быт и обстановку домонгольской Руси. Однако вскрыть этот «глубинный» исторический пласт, установить те черты быта, художественные образы, традиционные приемы изложения и т. д., которые составляли первооснову былин Киевской Руси,— задача исключительно сложная, возможная во многих случаях лишь с привлечением других исторических материалов. Благодаря своеобразному сочетанию в былинах нового с традицией появляется возможность привлечения фольклора для изучения далекого прошлого в истории народа. В тех же случаях, когда нет других письменных свидетельств, обращение к фольклору как к источнику для разработки историко-этнографических проблем становится не только оправданным, но и необходимым.

Вопросы историзма русских былин разрабатывались в нашей стране еще в прошлом столетии. Но более глубоко обоснование и свое дальнейшее развитие они получили в трудах советских историков и литературоведов. Среди них — недавно вышедшая монография академика Б. А. Рыбакова о древней Руси. Автор ее в результате детального сопоставления эпических произведений с летописями и другими источниками приходит к ряду выводов: что время сложения былин IX — начало XIII в.; что в былинном образе князя Владимира слились два выдающихся деятеля Киевской Руси — победитель печенегов Владимир Святославич и его правнук, победитель половцев Владимир Мономах; что былины упоминают около тридцати исторических лиц, известных по письменным источникам с 975 по 1240 г.; что главным содержанием былинной эпической поэзии является героический эпос. Сравнивая былины X—XII вв. с «Повестью временных лет», Б. А. Рыбаков показывает их принципиальное отличие: они сложены не в монашеской келье или дворцовой палате, а в гуще народа и раскрывают отношение народных масс к важнейшим событиям жизни и деятелям Киевской Руси. При этом подчеркивается, что былина представляет собой исторический источник «не для восстановления канвы

событий, а для изучения *народных оценок* тех или иных периодов, отдельных событий и лиц»¹.

Все эти выводы очень важны, в частности, для исследования шахматной культуры древней Руси. Было бы, конечно, рискованно утверждать, что былины могут служить в такой же мере «народным учебником» для изучения прошлого шахмат, в какой они могут быть использованы для изучения героической истории народа. Тем не менее насыщенность былинного эпоса шахматными эпизодами также позволяет, на наш взгляд, выявить отношение народа к игре в Киевской Руси и тем самым помочь в какой-то степени воссоздать обстановку бытования шахмат в тот период.

ИЗ ДАЛИ КИЕВСКИХ ВРЕМЕН

Шахматные эпизоды встречаются в разных по содержанию былинах, но главным образом в героических и социально-бытовых (или новеллистических). Шахматы представлены в былинах на различных этапах их развития: первоначального сложения в период Киевской Руси, в вариантах, бытовавших в народе в эпоху феодальной раздробленности и создания русского централизованного государства.

Рассмотрим прежде всего те богатые шахматными эпизодами былины, которые почти все исследователи относят к ранней феодальной поре. Это былины «Михайло Потык», «Садко», «Ставр Годинович», это героические былины «Илья Муромец и Калин царь», «Добрыня и Василий Казимирович», которые были сложены еще в Киевской Руси и в которых позднее нашли отражение чаяния народа в борьбе с татарским игом.

Здесь нет надобности проследивать сюжетную линию всех былин, содержащих шахматные сцены. Представление о манере художественного отображения шахмат в древнем эпосе дает, например, одна из самых больших по размерам (в некоторых вариантах она занимает более тысячи стихов) и сложных по построению бы-

¹ Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания — былины — летописи. М., 1963, стр. 347.

лин — «Михайло Потык». Сюжет ее разворачивается вокруг женитьбы богатыря Потыка. Князь Владимир стольно-киевский направляет могучих богатырей Илью Муромца, Добрыню Никитича и Михайла Потыка, сына Ивановича, взимать дань в разные земли. Получив дань, Потык пошел стрелять белых лебедушек. Вдруг одна из них оборачивается красной девицей. Потык влюбляется в нее и женится, согласившись на ее условие: если кто раньше умрет, другой заживо будет с ним погребен. Однажды во хмельном пиру Потык расхвастался, что обыграл в шахматы поганого царя Вахрамея и спрятал доставшееся ему несметное богатство. Когда же Вахрамей потребовал с Киева дань за двенадцать лет, Владимир и отправил Михайлу Потыка выручать землю русскую. И вот Потык в царстве Вахрамея. Встретив богатыря, царь спрашивает, что привело его сюда. Последовал ответ и за ним пространный эпизод — «шахматный матч» между Вахрамеем и Михайлой Потыком.

Состязание это весьма интересно и характерно для былинной традиции в изображении шахмат. Вот начало этого «матча».

— Зашол-то я сюда, заезжал к тебе,
 А царь ты Вахрамей Вахрамеевич,
 А я слышал — скажут ты охвочь играть
 Да в доски — ты шахматны,
 А в дóроги тавлеи золочены,
 А я-то ведь еще уж также бы.
 Понграем-ко во доски ты шахматны,
 В дóроги тавлеи золочены.
 Да ах же ты царь Вахрамей Вахрамеевич!
 Насыпь-ко ты да бессчетной золотой казны
 А сорок-то телег да ордынских.
 Как ино тут Михайлушко споговорит:
 — Ах ты царь же Вахрамей Вахрамеевич!
 А было я о головки молодецкии;
 Как я тебе буду служить да слугою верною
 А сорок-то годов тебе с годичком,
 За сорок-то телег да ордынских.
 Как этот-то царь Вахрамей Вахрамеев был
 Охвочь играть во доски — ты шахматны

А в дóроги тавлеи золочены,
 Всякого-то ведь он да пóиграл.
 Как тут-то себе да ведь думает:
 — А надо б мне молодца да повыиграть!
 Как тут они наставили дощечку — ту шахматну,
 Начали они по дощечке ходить — гулять.
 А тут Михайлушка ступень ступил — не дóступил,
 А дрúгой как ступил, сам приза́ступил,
 А третий что ступил, его пóиграл,
 А выиграл бессчётну золоту казну
 А сорок-то телег-тых ордынских.

Этот «прием» игры повторяется несколько раз. Перед нами заключительный эпизод драматического шахматного поединка, обрисованного в характерной для былин художественной манере.

Остатный раз наставили дощечку ту шахматну.
 А й тут Михайлушка ступень ступил — не дóступил,
 А дрúгой-то ступил, сам приза́ступил,
 А третий как ступил, его и пóиграл,
 Выиграл бессчётную золоту казну,
 А дань платить во Киев град великую.
 На ту пору было на то времечко
 А налетел тут голуб на окошечко,
 Садился-то тут голуб со голубкою,
 Начал по окошечку похаживать,
 А начал он затым выговаривать
 А тым а тым языком человеческим:
 — Молодой Михайло Потык сын Иванович!
 Ты играешь, молодец, проклаждаешься,
 А над собой незгодушки не ведаешь.
 Твоя-то есть ведь молода жена,
 А тая-та ведь Марья лебедь белая, преставилась.
 Скочил тут как Михайла на резвы ноги,
 Хватил он эту доску ту шахматну,
 Как бросил эту доску о кирпичной мост
 А во полаты тут да во царский,
 А терема вси тут пошатался,
 Хрустальные оконницы посыпались,
 Да князи тут бояра все мертвы лежат,
 А царь тот Вахрамей Вахрамеевич
 А ходит-то ведь он раскорякою,

Как сам он говорит таково слово:
 — Ах молодой Михайло Потык сын Иванович¹
 Оставь ты мне бояр хоть на семена,
 Не стукай-ко доской ты во кирпичной мост².

И поехал Потык к себе домой, и начались у него новые приключения, связанные с его женитьбой.

Теперь познакомимся еще с двумя сценами из других былин. Одна из них тоже на тему сватовства, но действие происходит не в Киеве, а в Новгороде. То знаменитая былина о Садко, единственная в русском эпосе, где герой, отправляясь из дома, попадает в совсем другой мир — морское царство. Этому предшествуют разные события в жизни Садко. Вот он, простой гуслияр, играет на берегу озера Ильмень, за что водяной царь подсылает золотую рыбку, приносящую ему богатство. Садко становится гостем (купцом). Затем отправляется он на тридцати кораблях продавать товары новгородские, получать барыши великие. На обратном пути корабли настигает буря — то требует к себе Садко сам царь морской. Садко спускается на дно морское, захватив с собой дорогие шахматы и гусли звончатые.

И скоро Садко нарежается,
 Берет он гусли звончатые
 Со хороши струны золоты,
 И берет он шахмотницу дорогу
 Со золоты тавлеями,
 Со темя дороги, вольящеты.
 И спускали сходню ведь серебряну
 Под красным золотом,
 Походил Садко-купец, богатой гость,
 Спускался он на сине море,
 Садился на шахмотницу золоту³.

Не во всех вариантах Садко сражается в шахматы с морским царем, но деталь быта новгородского купца — шахматы — очень важна, и мы на ней еще остановимся.

² Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г., т. I, изд. 4. М., 1949, стр. 468—471.

³ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.—Л., 1958, стр. 231—232.

А теперь приведем отрывки из еще одной распространенной былины «Ставр Годинович». Сюжет ее прост и незатейлив. В Киеве, на пиру «у ласкового князя» Владимира собрались сильные, могучие и разудалые богатыри. «Вполсыта тут все да наедались, вполпьяна все гут да напивались, напивались, наедались, порасхвастались». Похвастался и гость черниговский Ставр Годинович своей молодой женой, которой нет равной по красоте и уму. И делает она все лучше всех, и в шашки-шахматы играет, «удивляет всех да людей добрых, русских могучих богатырей».

Рассердило Владимира это бахвальство и приказал он посадить Ставра в погреб. Об этом от черного ворона узнает его жена Катерина Ивановна (в других вариантах Наталья Владимировна или Василиса дочь Микулична). Она не растерялась, не испугалась, узнав о беде, а собрала дружину в путь-дорогу к Киеву выручать мужа. Здесь отметим интересную деталь: в ее «дружинишку хоробрую» входили «тридцать молодцев да стрельцов», «тридцать молодцов да шахматчиков», «тридцать молодцов да гусельщиков».

Прибыв с дружиною в Киев, жена Ставра выдает себя за чужеземного посла. Тут начинаются его испытания. Обращается к послу князь Владимир:

— Дорогой-то гость да грозен посол,
 А сыграем-ка да в шашки-шахматы.
 А пошел до князя Владимира,
 Садился к столу они дубовому,
 Приносили им доску шахматну.
 Как Владимир князь стольно-киевский,
 Он ступень ступил, да недоступил,
 Он другой ступил, да переступил
 А третий раз да он впросак попал.
 А молодой гость да грозен посол,
 Обыграл он князя Владимира⁴.

Но сочнее и лучше сохранился тот же рассказ о шахматном состязании в тексте былины, приведенном у Кирши Данилова:

⁴ Былины («Библиотека поэта»), Л., 1954, стр. 237.

Плюнул Владимир-князь, сам прочь пошел.
 Говорил себе таково слово:
 — Разве сам Василья-посла проведу.
 Стал с ним в шахматы играть
 Золотыми тавлеями:
 Первую заступь заступовали,
 И ту посол поиграл;
 Другую заступь заступовали,
 И другую заступь посол же поиграл;
 Третью заступь заступовали,
 Шах да и мат да и под доску.
 И стал посол говорить таково слово:
 — Гой еси, стольной Владимир-князь,
 Отдай ты мне дани-выходы за двенадцать лет,
 За всякой год по три тысячи.
 Говорил Владимир-князь:
 — Изволь мене, посол, взять головой с женой⁵.

Наконец, для сравнительного анализа представляет интерес еще один вариант шахматного соревнования жены Ставра с Владимиром, приведенный у Гильфердинга.

Спроговорит Владимир стольне-Киевской:
 Ай же, дородний добрый молодец!
 Не угодно-ль поиграть в шашки в шахматы заморский?
 А спроговорит дородний добрый молодец:
 — У нас об эвтом дело не сведано;
 Игроки у меня с дому не взяты.
 Пожалуй, поиграем в шашки в шахматы заморскии.
 Обыграли царя с царицею,
 Всех игроков придворных.
 Говорит Владимир стольне-Киевской:
 — Ай ты дородний добрый молодец!
 Больше у меня некому с тобой играть
 В шашки-шахматы заморскии.
 А спроговорил добрый молодец:
 — Никто в Расеи не мог меня обыграть,
 Один-то меня и обыгрывал Ставер Гоудинович.
 Когда я бывал во Чернигове,
 Один-то он меня обыгрывал.

⁵ Древние российские стихотворения, собранные Киршено Да-ниловым, стр. 95—96.

Сходил Владимир князь стольне-Киевской,
 Выпустил Ставра из погребов глубоких.
 Сели со Ставром Гоудиновичем
 Они играть в шашки-шахматы заморскии,
 Спроговорил ему дородний добрый молодец:
 — Помнишь ли молодой Ставер сын Гоудинович,
 Как мы с тобой живали во Чернигове?
 Я была чернильницей, а ты пером лебединым...⁶

Итак, прежде всего былины подтверждают то, что теперь доказано археологическими материалами,— сравнительно широкое распространение шахмат в древней Руси. В шахматы играют воины — чудо-богатыри и гости-купцы, князь Владимир и женщины, не уступающие соперникам-мужчинам в искусстве ведения шахматного боя.

Естественным выглядит увлечение шахматами купца Садко. Узнав из раскопок последних лет о любви новгородцев к шахматам (фигуры найдены почти в каждой раскопанной усадьбе), мы могли бы только удивляться, если бы былина не отразила этого исторического факта.

Примечательно также, что в шахматы играют все главные герои эпических произведений и их удалые сподвижники. Мало того, и в самих шахматных состязаниях проявляются черты героизма. Богатыри не боятся опасности, смело идут в бой с врагом и побеждают его. Не случайно, например, в эпизоде с Потыком сцены сражения за шахматами с Вахрамеем Вахрамевичем — самые героические страницы его биографии.

В приведенных извлечениях участниками шахматных поединков являются Михайло Потык, Ставр Гоудинович и Садко. В других былинах приверженцами шахмат выступают Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович. По-видимому, Добрыня Никитич, «крестовый брат» Ильи Муромца, был, пользуясь современной терминологией, наиболее талантливым шахматистом среди русских богатырей. Добрыня не только физически силен, но и разносторонне одарен: точнее всех попадает в цель при стрельбе из лука, очаровывает слу-

⁶ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г., т. II, изд. 4. М.—Л., 1950, стр. 427—428.

шающих игрой на гуслях, побеждает в шахматы короля Ботияна Ботияновича, а в других вариантах — царя Батыя. В былине «Добрыня и Василий Казимирович» в ответ на вопрос царя: «Ты горазд ли со мной играть во шахматы?» — Василий Казимирович выставляет от русских Добрыню Никитича:

Говорит ему царь Батый:

— Ах ты гой еси, Василий сын Казимирович!

— Есть ли у вас таковы умильны игроки:

— Поиграть бы во тавлеи во вальящеты?

— Ах ты гой еси, Батый царь!

Я не знал, право, охоты твоей царской

Не знал охоты твоей боярской:

Не брал из города умильных игроков;

А надеюся на Спаса, на Пречистую,

На Матушку на божию богородицу,

Надеюся на братца на названного,

На молода Добрыню Никитича:

С измалёхонька Добрынюшка тешился,

С малыми ребятами игрывал ⁷.

И далее рассказывается о том, как Добрыня Никитич млад разбил за доской своего хитрого и коварного соперника. Победой в шахматы, как и в других видах состязаний, над «собакой» Батыем народ хотел показать превосходство Добрыни, свою веру в конечный разгром врага. На основании этого отрывка можно также предположить, что шахматы в Киевской Руси становятся уже средством воспитания. К ним с детства приучали будущих воинов.

Былины с несомненностью говорят нам о высокой народной оценке шахмат. Вероятно, шахматы с самого начала воспринимались как военная игра. В представлении народа шахматы поднимаются на один уровень с состязаниями в стрельбе из лука и борьбе. К испытанию ловкости и силы прибавляется испытание ума. А чаще с последнего и начинается соревнование. Это одна из характерных черт народного эпоса в показе шахматной игры. Встречается ли на ратном поле Доб-

⁷ Песни, собранные П. В. Киреевским. вып. 2. М., 1861, стр. 85—86.

рыня Никитич с Батыем или Ботияном Ботияновичем, едут ли богатыри на бой против царя Калина, олицетворяющего собой все ненавистное татаровье, борется ли с поганым царем Михайло Потык — всюду предметом испытания, показателем умственного превосходства богатырей над врагом являются шахматы.

И лишь изредка игра фигурирует как деталь быта, как средство отдыха воинов, их своеобразная тренировка в шахматном сражении перед встречей с врагами Руси.

На том раздольице чистом поле
Собиралось тридцать богатырей без одного,
Сидят молодцы в белом шатре;
В белом шатре белополотняном,
Сидят молодцы, забавляются,
Играют в шашки-шахматы,
Во ты велел золоченыя⁸.

Об отношении эпоса к игре свидетельствуют к тому же постоянно сопровождающие ее эпитеты. Шахматы называются в былинах «славными», предметом высокой ценности — «дорогими тавлеями золочеными». Богатыри играют в «шахматницу дорогу, со золоты тавлеями с темя дороги, вольящеты» (т. е. резными фигурами). Здесь мы встречаемся, по-видимому, не только с желанием изображать вещи большой красоты и высокого качества, как это характерно для употребления эпитетов в былинах, но и с реалистическим описанием шахмат, изготовленных искусными резчиками древней Руси и представлявших собой художественные произведения прикладного искусства.

ИГРА ТРЕХ ЗАСТУПЕЙ

Недоумение у исследователей вызывает обычно само описание шахматного боя в былинах, которое приняло традиционную форму, но нелегко поддается расшифровке. Действительно, что имели в виду сказители, когда они пели в «Михайле Потыке»:

⁸ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, ч. 1, Народные былины, старины и побывальщины. М., 1861, стр. 103.

А тут Михайлушка ступень ступил — не дóступил,
 А другой как ступил, сам призáступил,
 А третий, что ступил, его по́играл.

В других былинах повторяются с вариациями по существу те же мотивы, те же «приемы» игры. Некоторые авторы пробовали искать в этом описании какие-то загадочные ходы и оказывались в затруднительном положении. Так, литературовед Е. Синегуб по поводу вышеприведенного отрывка писал: «Михайло вновь применяет свой „трехступенчатый“ метод игры, и эта неизвестная нам тактика, не укладывающаяся, по-видимому, в рамки современной теории, но дававшая ему несомненное преимущество, вновь увенчивается победой»⁹.

Аналогичным образом расшифровывается былинное описание в оригинальной статье о древнерусских шахматах академика С. Г. Струмилина. Здесь рассуждение касается отрывка, в котором рассказывалось о сражении Добрыни Никитича с Батыем.

Кликнули Добрыню Никитича,
 Подёрнули столы белодубовые,
 Раздёрнули тавлеи вольящеты.
 Первую тавлеюшку царь ступил,
 Другую тавлеюшку Добрыня Никитич млад,
 Третью тавлеюшку царь ступил,
 Четвертую Добрыня Никитич млад:
 Больше царю ступить некуда,
 Та игра была поиграна¹⁰.

По поводу этих строк Струмилин заметил: «Сегодня расшифровать „дебют“ Батыя можно было только так: 1) f2—f4 (f3) e7—e6; 2) g2—g4 Фd8—h4x. Но что имелось в виду в былине, сказать трудно...» И далее: «Как видим, народный эпос не свидетельствует о высоком уровне игры в шахматы царей»¹¹.

По мнению фольклористов, певцы не умели играть в шахматы, а потому что-то напутали в былинах. Так,

⁹ Е. Синегуб. Шахматы в богатырском эпосе.— «64», 10 мая 1939 г.

¹⁰ Песни, собранные П. В. Киреевским, стр. 85—86.

¹¹ С. Г. Струмилин. Шах да и мат да и под доску.— «Наука и жизнь», 1962, № 1, стр. 100—101.

известный исследователь былин профессор В. Я. Пропп по поводу того же отрывка пишет: «Хотя в изображении певцов Добрыня превосходно знает игру в шахматы, сами певцы, как это видно из описания хода игры, с ней совершенно не знакомы ни в одном случае (разрядка моя.—И. Л.). Добрыня выигрывает партию с третьего или четвертого хода»¹².

С этим трудно согласиться. Думаю, что певцы Киевской Руси были людьми наблюдательными, а нередко и много знающими и не пели бессмыслицы, которая им в данном случае приписывается. Начнем с того, что в былине обычно нет описания переживаний действующих лиц, не раскрываются детали событий и жизненных явлений. Слушателям преподносятся бытовые факты и героические эпизоды не в их внутреннем развитии, а в виде обобщений и конечных итогов жизненных процессов¹³. Почему же для шахматной борьбы сказители должны были делать исключение? Ведь эти традиционные приемы выработывались веками и являлись художественными приемами народного эпоса.

А раз так, то, следовательно, нужно искать в излюбленных традиционных формулах не описание действительного хода шахматной борьбы, а совсем другой, более общий смысл. Представим себе реальное состязание двух шахматных бойцов в Киевской Руси. Могла ли решаться спор о силе игры одна партия, как бы долго она ни длилась и какой бы результат она ни имела? Конечно, нет. Противники наверняка уславливались о том, что сыграют несколько партий. Недаром среди старинных русских пословиц бытовали и такие: «одна игра не потеха», «одна игра не выигрыш». Шахматное состязание тем более включало в себя несколько партий, так как игру начинали попеременно то одна сторона, то другая («белые» и «черные»), и противник, открывавший сражение, имел преимущество выступки...

Что же в таком случае подразумевалось в былине под словом «заступь»? Буквально «первая заступь»

¹² В. Я. Пропп. Русский героический эпос, изд. 2. М., 1958, стр. 363.

¹³ Б. Н. Путилов. Русский былинный эпос.— «Былины», Л., 1957, стр. 11—12.

означала первый ход, заход, начало игры; но в былинном обобщении или, что более вероятно, в терминологии шахматистов древней Руси первой заступью, по-видимому, считали первую партию, второй заступью — вторую партию и т. д. Принцип же троичности характерен для былин в описании многих состязаний и событий. Певцы, которые хотели показать испытание героя, давали им возможность сыграть друг с другом несколько партий, не говоря уже о том, что этот прием усиливал напряжение борьбы, делал более эмоциональным, драматически более острым конфликт.

Игра трех «заступей» — трех партий и стала традиционной формулой былины. Но здесь было бы справедливо заметить, что многие позднейшие сказители действительно не играли в шахматы и потому, бессознательно повторяя эту формулу, допускали неточности и нередко применяли такие выражения, которые при буквальной расшифровке могли быть поняты как ходы (ступил тавлеюшкой и т. д.). Сама же формула трех «заступей», приводимая в былине несколько раз подряд (например, в «Михайле Потыке»), превращалась в символ одной партии. И только в тех случаях, когда сказитель знал шахматы, он совершенно правильно понимал старинную «заступь» как партию, как целую «игру». Перед нами, например, отрывок из былины «Добрыня Никитич в отъезде»:

Проходили тут за столички дубовые,
 За тее ли скамеечки окольные,
 Начинают играть во шашки-шахматы,
 Во тее ли во игры во немецкие.
 Так тут король Ботиян Ботиянович
 Залагал свою бесчётну золоту казну.
 Молодой Добрынюшка Микитенец
 Залагал он своево добра коня.
 Тут сыграли они игру первую...¹⁴

За ней следовала «игра другая» и далее «игра третья».

Так вместо «заступи» появилось новое слово «игра». Но с подобным восприятием шахматной партии мы встречаемся не часто. И это хорошо (для истории шах-

¹⁴ Былины Севера, т. II. М.— Л., 1951, № 134, стр. 208—209.

мат, по крайней мере), что сказители позднейшего времени не знали значения «заступи» и потому, пусть бессознательно, пусть иногда с ошибками, передавали из поколения в поколение и донесли до нас один из древнейших игровых шахматных терминов, а с ним и некоторые особенности состязания в Киевской Руси.

Отдельные детали описания шахматной битвы в былинах замечательны по своеобразию быта, по характеру восприятия игры. Что стоит, например, такое выражение в былине «Михайло Потык»:

Как тут они наставили дощечку-ту шахматну,
Начали они по дощечке ходить — гулять...

Ходить — гулять по шахматной доске! Так сочно, ясно, образно мог выразиться только певец, наблюдавший игру, чувствовавший ее поэзию, очарование, певец, которому передавалось настроение играющих и который мог сам вызвать это чувство в слушателях. Шахматы — это не скучные деревяшки, а это жизнь, боевая, увлекательная, живая. Вот что хотел сказать и прекрасно сказал одной строкой народной певец.

Среди древних обычаев шахматистов, берущих начало, по-видимому, тоже в Киевской Руси и дошедших до нас благодаря эпосу, — обыкновение лезть под стол после проигрыша. Отсюда встречающееся в былинах выражение: «Шах да и мат да и под доску».

«...В ШАШКИ-ШАХМАТЫ, ВО ТЫИ ВЕЛЕИ ЗОЛОЧЕНЬЯ»

О многом заставляет задуматься историка и шахматная терминология былин. Начать с того, что в народных песнях часто употребляется выражение «играть в шашки-шахматы». По всему ясно, что речь идет о шахматной игре. Но тогда причем тут шашки? Эта загадка хотя и с одним неизвестным, но зато со многими возможными ответами. С одинаковым успехом можно предположить и то, что шашки предшествовали шахматам и потому былина лишь отражает развитие игр на 64-клеточной доске; и то, что певцы не знали хорошо ни той, ни

другой игры и потому это — результат путаницы в терминах, обозначающих две различные игры.

Но скорее всего ни то, ни другое. Еще в конце XVIII — начале XIX в. шахматы назывались нередко в нашей стране шашечной игрой на основании того, что все фигуры в совокупности и каждая в отдельности, кроме своего специфического обозначения, именовались просто шашками¹⁵. Не исключено, что это идет еще со времен древней Руси. А раз все фигуры вместе назывались шашками, сама игра — шахматами, то «играть в шашки-шахматы» могло означать в прямом смысле «играть фигурами в шахматы». Но позже термин «шашки» перешел в другую игру — и отсюда смещение понятий, особенно в представлении последующих поколений.

Так или иначе, несомненно древнее употребление того и другого термина, раз они упоминаются во многих былинах, относящихся по времени сложения к периоду Киевской Руси.

Еще более трудную задачу перед исследователями ставит другое выражение, встречающееся в былинах, хотя, правда, и редко: «Играть в пешки, шахматы». Так, в одной из записей былины о Ставре Годиновиче сказитель упорно следовал этой терминологии:

Говорит на то-де солнышко Владимир-князь:

— Я накину на тебя службу тяжелую:

— С моими с игроками поиграть сперва,

— Как во ти еще во пешецьки, во шахматы;

Как обыграешь ты моих-ле игроков еще,

Я отдам тогда тебе Ставра, отдам безденежно.

Говорит на то Василей-от Иванович:

— Я бы знал-ле ваши замысли княженецкия,

— Я бы брал с собой людей ноньде уценьих,

— Как маленько с измалешка я, Васька, игрывал.

Принесли ноньци-де пешецьки точёныя,

Принесли-де ка дощецьку да подзолочену,

Ой как стали они играть в пешки-ле, шахматы,

¹⁵ Интересно в связи с этим отметить, что первая в России шахматная книга, вышедшая в 1791 г. в Петербурге, была названа «Правила для шашечной игры». И даже Петров в 1824 г. в своем шахматном учебнике, перечисляя фигуры, отмечал, «что у каждого игрока 16 шашек».

Говорят они игроки нонь княженецкия:
 — Ты ходи же нонь юдалой доброй молодец,
 — Ищэ ты-ле Василей сын Ивановиць.
 — Как которой накликал, тот наперед ступат.
 А как идут нонь игроки нонь княженецкия,
 Как ступили они во пешецьки, во шахматы,
 Как ступил ноньце Василей сын Ивановиць,
 А другой-де раз ступил, да им ходу не дал,
 А во третей раз ступил, дак их с доски сгонил¹⁶.

То же выражение встречается в народной поэме о Садко, когда морской царь говорит ему:

— Юж ты здравствуешь, Садко, купец богатя!
 — Я прошу-то тебя да поиграть со мной,
 — Да во те — же, во пешки, нонь во шахматы¹⁷.

Хотя из последней фразы и явствует, что игра вначале называлась «пешками», а затем «шахматами», но подходить к такому толкованию певцом смены названий надо очень осторожно. Это могла быть ошибка позднейшего восприятия. Характерно, однако, что здесь фигурирует игра не в «пешки-шахматы» (подобно выражению «игра в шашки-шахматы»), а «во пешки, во шахматы». Отсюда можно сделать вывод, что где-то игра именовалась и «пешками». Думается, что связано это со сложными путями проникновения шахмат на Русь. Возможно, что игра, распространяясь одним путем, воспринималась под названием «шахматы», другим — под названием «пешки», точнее «пешьци», по большинству фигур.

Когда же эти названия столкнулись в Киевской Руси, то первоначально еще кое-где бытовали оба термина, пока «пешьци» не уступили окончательно дорогу «шахматам».

Наконец, обращает на себя внимание в шахматных эпизодах употребление слова «тавлеи», или, что то же самое, «велеи».

¹⁶ Н. Е. О н ч у к о в. Печорские былины. СПб., 1904, стр. 119.

¹⁷ Там же, стр. 303.

Сидят молодцы, забавляются,
Играют в шашки-шахматы,
Во тьи велеи золоченяя.

В XVI—XVII вв. тавлеями на Руси называлась пришедшая с Востока игра в кости. Отсюда некоторые исследователи сделали опрометчивый вывод, что налицо путаница, в которой повинны певцы, не знавшие шахмат. Например, по мнению профессора В. Я. Проппа, высказанному в монографии о русском героическом эпосе, первоначально в былинах фигурировала особая игра в кости, требующая большой ловкости,— тавлеи, которая «впоследствии была вытеснена шахматами, известными лишь понаслышке».

Так ли это на самом деле? Ведь тем самым лишаются всякого и художественно-обобщающего, и историко-бытового смысла десятки шахматных эпизодов, встречающихся в эпосе, вплоть до некоторых бытовых деталей («Шах да и мат да и под доску!») и древней шахматной терминологии. Прежде чем ответить на этот вопрос, напомним кратко историю тавлей, до сих пор известных на Востоке и пользующихся популярностью, в частности в Средней Азии и на Кавказе, где они бытуют под названием «нарды». Возникла игра тоже на Востоке примерно тысячу лет назад и некоторое время спустя получила популярность в странах Западной Европы, где стала называться трик-траком, и на Руси, где ее именовали тавлеями.

Когда же появились тавлеи на Руси? Не раньше XII—XIII вв., судя по игральным костям, которые отличаются от плоских костей, применявшихся для древних игр. Впервые такие кости были найдены при раскопках древнего Новгорода в слоях тех же веков. Но более известной становится эта игра в России в XVI—XVII вв. Именно тогда она, вероятно, и стала называться тавлеями, так как раньше, судя по церковной литературе, запрещавшей игру в кости, последняя называлась «леки», «зернь». А в XVI в. в сборнике «Пчела», содержащем морально-религиозные наставления, с упреком обращаются к тем, кто увлекается играми: «Тавлеи и шахи у многих из вас обретаемы суть, книг же ни у кого, разве у малых».

Возникает вопрос: что же в таком случае обозначал термин «тавлеи», появившийся на Руси гораздо раньше, чем одноименная игра. Ларчик открывается просто. Само слово «тавляя» — древнеславянское и происходит от латинского *tabula* — «доска». По-видимому, в обобщенном смысле — игры с досками — термин и употреблялся в древнейшие времена у славян. Когда же певцы говорили: «во тьи тавлеи золоченыя», то имели в виду игру с шахматной доской, к тому же золоченой. Последнее не для красного словца — тогда бы говорилось: «тавлеи золотыя». Но это была бы несурязица, ибо никто доски золотыми не делал. Золоченые же доски имели обыкновение делать на Руси с давних пор и примерно до XVIII в. включительно.

Таким образом, былинное выражение, которое с точки зрения сегодняшнего языка выглядит бессмыслицей, имело в эпосе Киевской Руси совершенно конкретный смысл: фигуры («шашки»), игра с доской («тавлеи», «велеи») и самое название игры («шахматы»). А в поэтическом обрамлении народных сказаний мы читаем:

Играют в шашки-шахматы,
Во тьи велеи золоченыя.

Кстати, тавлеями (велеями) назывались игры не только с шахматными, но и с любыми игровыми досками. Естественно поэтому, что игра, в которой доска является главным и наиболее характерным атрибутом, а именно такой оказались нарды, стала называться тавлеями. И произошло это гораздо позже того, как появились и распространились шахматы.

Следовательно, певцы, слагавшие былины о подвигах богатырей, были большей частью хорошо осведомлены о шахматах. Если же иногда они сами не играли, то были достаточно наблюдательны, чтобы исторически реально, в бытовом плане правдиво передать и характер шахматных битв, и обычаи первых шахматистов, и терминологию шахматной игры. Все это нашло в эпических произведениях художественно обобщенное и предельно лаконичное отражение, что, как известно, вообще характерно для стиля былинного эпоса.

Пройдя сквозь века, былины не могли не иметь наслоений. Там, где сказители из поколения в поколение

более точно передавали ставшие традиционными выражения и обобщенные «формулы» состязаний, там до нас дошло все своеобразие шахмат Киевской Руси. Там же, где сказители, не имея достаточного представления о шахматах, вносили свои толкования «заступей» и «тавлей», там мы встречаемся с незарубцевавшимися ранами... В частности, там ничего не стоило «заступовать» заступь, превратить шахматы в тавлеи или даже «в шахматы играть золотыми тавлеями». Поэтому предстоит еще много труда, чтобы тонким скальпелем исследователя снять напластования времен и показать, как выглядела жизнь и культура Киевской Руси в художественном отображении народного эпоса.

Но уже и те картины шахматной жизни древней Руси, которые открываются перед нашим взором сегодня благодаря народным былинам, интересны, разносторонни и выразительны. Они значительно дополняют наши знания о древнерусских шахматах, полученные в результате изучения общей истории, археологических находок и терминологии.

В Московском государстве

XVI и XVII вв. ознаменованы стремительным ростом Руси, ее экономическим и политическим подъемом. Образование Московского централизованного государства и расширение границ на востоке, реформы Ивана IV, борьба с польской, литовской и шведской интервенцией, крестьянская война под предводительством Степана Разина и другие события до основания потрясли древнюю Русь и способствовали превращению ее в обширную Российскую империю.

Все это наложило отпечаток и на развитие культуры. Возводятся новые строения Московского Кремля, начинается книгопечатание, принимаются новые законы

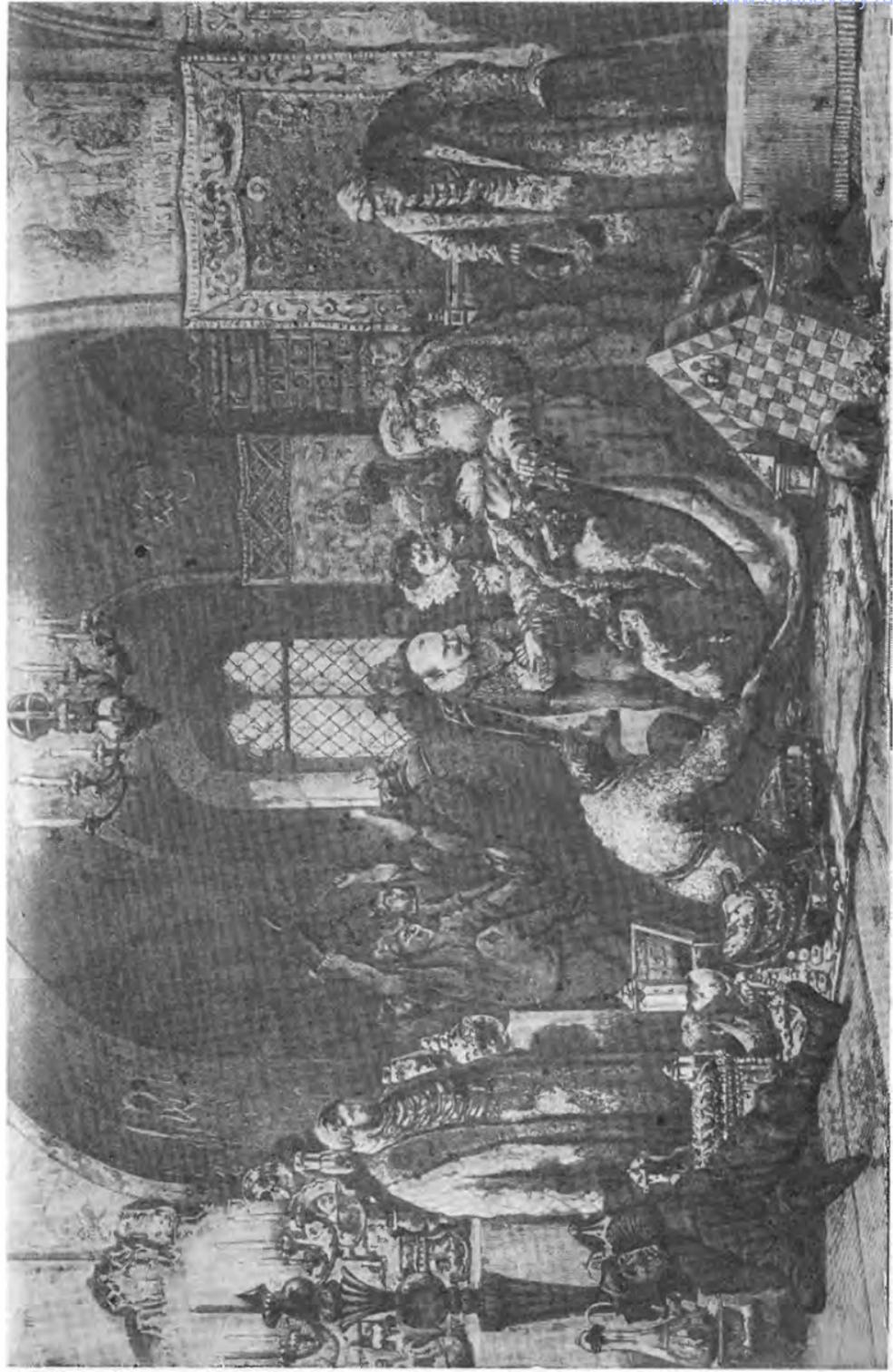
и церковные установления. В XVII в. растет грамотность населения, заметно ослабевает влияние церкви, расширяются политические и культурные связи с Западом, развиваются историческая и публицистическая литература, народное прикладное искусство и эпос.

Новые веяния в жизни и культуре нашли своеобразное отражение и в шахматном искусстве. Если еще в XVI в. шахматы должны были пробивать себе дорогу сквозь все препоны, которые ставили на пути их распространения церковь и государство, то уже в следующем столетии под влиянием новых идей, просвещения, крепнущих связей с Западом появляются возможности для дальнейшего прогресса шахмат в России. От этого времени до нас дошло уже гораздо больше свидетельств о шахматной игре. И главное, они становятся более разнообразными. К упоминаниям о шахматах в русских рукописных источниках и первых книгах прибавляются показания иностранцев, побывавших в России. По-прежнему сохраняют свое значение археологические находки, которые свидетельствуют о популярности игры и о дальнейшей эволюции шахматных фигур на Руси.

ПЕРЕЧИТЫВАЯ «СТОЛБЦЫ» ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ

В XVI столетии шахматы продолжали оставаться в немилости у церкви. Во многих дошедших до нас церковных посланиях и поучениях эта игра осуждается наряду с пением, танцами, музыкой. «И биричьем играют, и шахы, и леки, и тавлеи, и через огонь скачють», — с возмущением констатирует «Слово св. Григория» падение нравов в обществе. Дело дошло даже до того, что в «Требнике» (вторая половина XVI в.) среди вопросов на исповедь священнику прибавлялись и такие: «Не играл ли еси шахматы или лейки или в гусли играл?».

Даже священники были подвержены «грехопадению» и потому служили предметом особой заботы церкви. В «Правилах» о церковном устройстве (XV—XVI вв.)

записано: «Аще поп звери ловить или птиц, или ястребы носить, или играет леки и шахы и на беседе сидит, аще же не останется, да извержется».

Особенно рьяно выступил против тех, кто играл в шахматы, митрополит Даниил (ум. в 1539 г.). В его проповедях шахматы ставились не только в один ряд с азартными играми в кости, но и с пьянством. В послании Даниила духовенству, составленном в 1522 г., содержатся призывы воздержаться от мирских соблазнов: «Ныне же суть неции от священных, яже суть сии пресвитеры и диаконы, и иподиаконы, и четцы, и певцы, глумяся, играют в гусли, в домры, в смыки, к сему жь и зернию, и шахматы, и тавлесьми, и в песнях бесовских, и в безмерном и премногом пьянстве и всякое плотское мудрование и наслаждение паче духовных любяше, и тако себе и иным великий вред бывающе...»¹

В таком же духе высказался о шахматах и составленный в конце первой половины XVI в. «Домострой» протопопа Сильвестра (ум. в 1566 г.), пронизанный заботой о нравах состоятельных слоев общества. В «Домострое» давались советы о том, как хозяйину и хозяйке экономно вести хозяйство в доме, как хранить платье, готовить блюда, как жить в полном соответствии с требованиями церкви. Всем тем, кто нарушает эти предписания, угрожали проклятием: «А кто не по бозе живет, не по христианскому житию, корчмит, всегда ест и пьет без воздержания, в объедение и пьянство, и праздников и поста не хранит... и всякое дьявольское угодие творит, и скоморохи и их дела, плясание и сопели, песни бесовские любя, и зернию и шахматы и тавлеи сам, государь, или государыня творят, или дети их, или люди их, или крестьяне их, а они, государи, о том не возражают и не обороняют, и управы не дают: прямо все вкупе будут во аде, а зде прокляты»².

После этого не приходится удивляться, что и созданный в Москве из крупных духовных лиц и бояр Стоглавый собор 1551 г. (назван так по сборнику решений,

¹ Памятники старинной русской литературы, изд. А. Пыпиным и Н. Костомаровым, т. IV. М., 1847, стр. 201—202.

² А. Орлов. Домострой по Коншинскому списку. М., 1908. стр. 10 (вторая нумерация).

сформулированных в виде ста глав) включил в число запрещенных игр шахматы. Интересна мотивировка 92-й главы: «Еще же мнози от неразумия простая чадь православных христиан во градах и в селах творят еллинское бесование, разные игры и плясания... Сего ради отрицают вся божественные писания и священные правила, всякое игранье и зернь, и шахматы, и тавлеи, и гусли, и сопели, и всякое гудение, и глумление, и позорище (зрелище) и плясание...»³.

Конечно, ссылка на священное писание была в те годы серьезным доводом. Однако шахматы уже столько времени бытовали в народе, что трудно было доказать их вред даже с помощью столь авторитетной ссылки. К тому же не было секретом, что сам царь Иван IV, собравший Стоглавый собор, продолжал затем как ни в чем не бывало проводить за шахматами многие часы со своими приближенными. Сохранились воспоминания о том, что Иван Грозный умер за игрой в шахматы.

По примеру царя продолжали играть в шахматы многие бояре. От них не отставали дворяне и посадские люди. Так сама жизнь постепенно отменила постановление «Стоглава» о шахматах. В «Соборном уложении» 1649 г. о них не говорится ни слова.

В некоторых семьях крупных феодалов шахматы культивировались с детских лет. Во всяком случае «мастерам грамоты», как тогда называли преподавателей, уже не возбранялось учить игре в шахматы. В «Гражданстве обычаев детских», где в вопросо-ответной форме давались наставления, шахматы не входили в «игры заповедани суть», как, например, «всякое костырство, кости, карты, купание в воде» и т. д.

Детей обычно обучали писать, читать и считать при монастырях. Теперь здесь стали открыто учить и шахматам. Одним из таких приверженцев шахматной игры был монах московского Чудова монастыря Карион Истомин (ум. после 1717 г.). Он получил известность как пропагандист научных знаний, составитель «лицевых» букварей и автор стихотворных наставлений по воспитанию детей. Каждая буква алфавита была проиллюстрирована рисунками и изображением людей —

³ «Стоглав», изд. Д. Е. Кожанчикова, СПб., 1863, стр. 263.

«лицами» (отсюда и название — лицевой букварь). Над рисунками имелись надписи, а под ними несколько полезных сведений.

Открываем страницу с буквой «Ш». Здесь среди разных предметов шахматная доска с надписью «шахматы», а под рисунками довольно любопытная подпись:

В славеноросском
Имеет дело
Шапка потребна
Ширинка всяку
Шило в домовстве
Юношей бывай
Яко шар везде
В игре шахматов
Без того мощно
Токмо все твори⁴.

Так, с детских лет ученикам внушалась мысль о пользе шахматной игры. А ведь книга выходила не только в виде роскошных рукописных изданий, предназначенных для царского двора и бояр, но дважды печаталась сравнительно большим тиражом (в 1694 и 1696 гг.). О занятиях шахматами в детском возрасте в те времена нам известно немного, главным образом о царской семье, да и то благодаря сохранившимся документам — столбцам Оружейной палаты. На эти рукописные материалы еще в прошлом веке обратил внимание историк И. Е. Забелин, автор многотомного исследования быта русских царей XVI и XVII вв. Однако, судя по приведенным отрывкам, в поле его зрения оказались далеко не все интересные письменные свидетельства о шахматах. Некоторые были обнаружены позднейшими исследователями, а некоторые приводятся впервые в настоящей работе.

Еще маленьким царевичам прививали вкус к шахматной игре. Для них покупали и доставляли в хоромы комплекты шахматных фигур. По сохранившимся документам можно, например, узнать о том, что Алексею Михайловичу (ему шел тогда седьмой год) 4 января

⁴ Лицевой букварь Карюна Истомина, изд. И. Тарабрина М., 1916, стр. 43—44.

1636 г. купили в Овощном ряду деревянные шахматы и доски за три алтына две деньги, а 13 января — три набора костяных шахмат за 24 алтына и 6 денег; что в 1676 г. для четырехлетнего царевича Петра Алексеевича живописец Ив. Салтанов расписывал красками, серебром и золотом маленькие шахматцы⁵.

Вначале шахматные фигуры были игрушками царевичей, которые в юные годы становились страстными шахматистами и сохраняли любовь к игре на всю жизнь.

Интересно отметить, что за шахматами нередко проводили время и в женских хоромах царского дворца. Вот характерное распоряжение.

«194 (1686) году генваря в 18 день по указу великих государей думной дворянин Михайло Тимофеевич Лихачев приказал купить в хоромы великие государыни благоверные царевны и великие княжны Марфа Алексеевна шахматные доски с шахматы рыбей или слоновой кости доброго мастерства.

Того ж числа после пометы дьяка Кирила Тиханова куплено в Оружейную Полату доски шахматные писаны по золоту баканом и ярью виницейскими репыи шахматы слоновой кости точеные Овощного ряду у торгового человека у Аврама Астафьева, а по договору за те доски и шахматы довелось ему дать денег по цене за доски двадцать шесть алтын четыре деньги, за шахматы пятнадцать алтын, всего рубль восемь алтын две деньги.

Генваря в 20 день те доски шахматные из Оружейные Полаты в хоромы великие государыни и благоверные царевны и великие княжны Марфы Алексеевны поданы. Приняла боярыня Анна Андреевна Измайлова»⁶.

С тех пор как московского князя стали величать царем, отношение к шахматам, где главной фигурой был «царь», не могло быть иным, как к «игре царской». В какой-то мере, может быть, и этим объясняется тот культ игры, который был создан при дворе еще во времена Ивана Грозного, но особенно ярко проявился при царе Алексее Михайловиче (1645—1676), когда во дворце каждый день играли в шахматы.

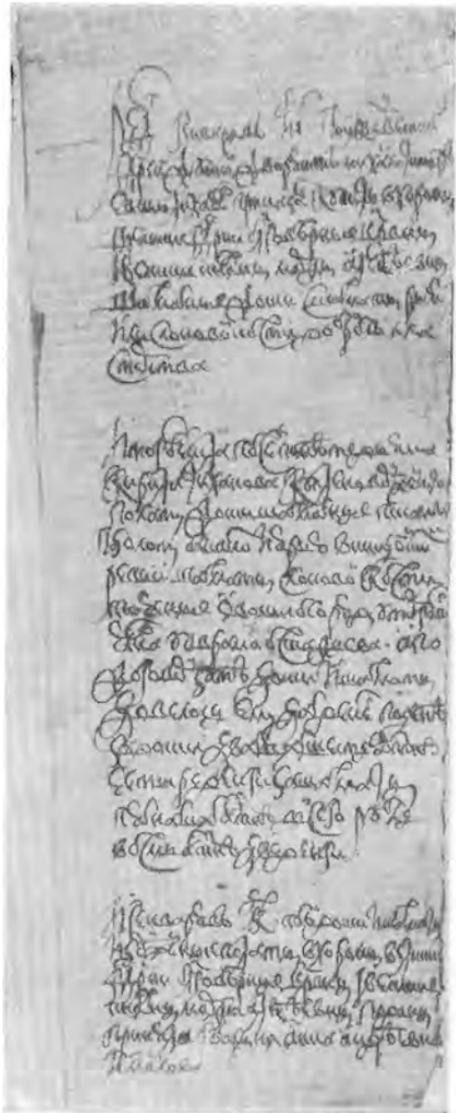
⁵ И. Забелин. Домашний быт русских царей, т. I, ч. II. М., 1915, стр. 88.

⁶ Центральный государственный архив древних актов в Москве (ЦГАДА), ф. 396, ст. 24020.

Фотокопия дела об изготовлении шахмат для царевны Марфы Алексеевны, 1686 г.

Под впечатлением виденного Яков Рейтенфельс, побывавший в России в 1670—1676 гг., писал о системе воспитания царских детей: «...Ганцы, кулачные бои и другие распространенные у нас благородные упражнения у русских не допускаются вовсе. В так называемые шахматы, знаменитую персидскую игру, по названию и ходу своему поистине царскую, они играют ежедневно, развивая ею свой ум до удивительной степени»⁷.

О том, что шахматы были любимым в р е мяпрепровождением Алексея Михайловича, хорошо знали всюду — и на Руси, и за рубежом. Не случайно поэтому bran-

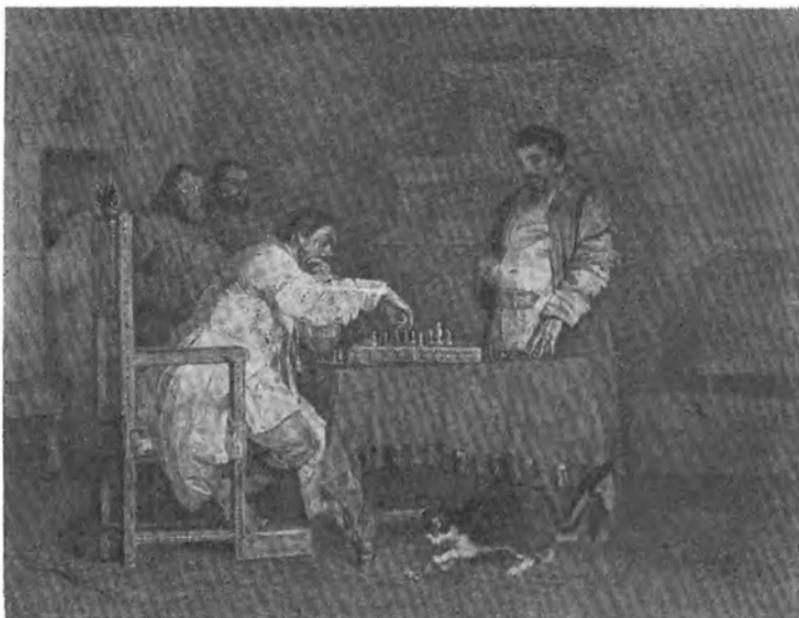

⁷ Яков Рейтенфельс. Сказания свтлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. Падуа, 1680. Перев. с лат. М., 1905, стр. 149.

денбургский посол Иоахим Скультет во время своего вторичного путешествия в Москву, куда он прибыл 16 августа 1675 г., включил в подарки драгоценные шахматы. То были художественно отделанные шахматный столик и фигуры из серебра, которые несли четыре человека, и они больше других подарков понравились царю. Шахматы эти хорошо сохранились до сих пор и выставлены в Патриаршей палате (экспозиция Собора Двенадцати апостолов) Московского Кремля. Перед нами образец тонкой ювелирной работы. Все фигуры изображены в динамике — офицер, бегущий с палицей (слон), галопирующий всадник, слон с восседающим воином (ладья), король в кольчуге и королева и, наконец, солдаты с ружьями (пешки). Конечно, такие изобразительные металлические фигуры могли быть сделаны лишь по специальному заказу. В той же манере были изготовлены, по-видимому тем же мастером, 28 фигур, выставленных в музее Цюриха и датированных 1680 г. Они также сделаны из серебра и изображают воинов двух армий — римлян и карфагенян.

В совсем иной манере и из другого материала изготавливались драгоценные шахматы на Руси. Они делались, как правило, из кости — слоновой, моржовой («рыбных зубов») и рогов. Различались шахматы резные (обычно изобразительные в соответствии с русскими названиями фигур) и точеные. Те и другие можно было приобрести в городах на крупных торгах или заказать ремесленникам-косторезам.

В Москве костяные шахматы для царского двора приобретались обычно в Овощном ряду. Торговые ряды, а их только в Китай-городе насчитывалось до двадцати, были разбросаны по всему городу. Они проходили даже вблизи Кремля на Красной площади. Торговля в рядах строго регламентировалась: каждый знал, где какой товар продавать, что в Холщевом, а что в Охотном, что в Самопальном, а что в Овощном ряду и т. п. Так уже повелось, что шахматы продавались в Овощном ряду. Известны даже имена торговых людей, которые во второй половине XVII в. выставляли здесь на продажу шахматные фигуры: Федор Дмитриев, Марк Леонтьев, Петр Алексеев, Корнила Андреев, Авраам Астафьев, Федор Константинов и другие. Вот своеоб-

В. Шварц. Царь, играющий в шахматы.
Государственный русский музей в Ленинграде

разная купчая с подробным описанием двух комплектов шахмат — точеных и изобразительных («с личиками»), которые были куплены в Москве 29 декабря 1685 г.

«193 г. декабря в 29 день.

По указу великого государя и по приказу боярина оружейничего Петра Васильевича Большого Шереметьева куплено в Оружейную Полату Овошного ряду у торгового человека Дмитровские сотни у тяглеца у Петра Алексеева двой доски шахматные: одни писаны по серебру репьи, к ним шахматы слоновья кости, резные, золоченые, с личиками; другие доски писаны золотом и краски по бакану и по яри виницейской репьи ж, к ним шахматы точеные слоновой кости. А по договору денег ему дать по цене: за первые доски с шахматы резными — рубль три алтына две деньги; за другие доски с шахматы точеными — двадцать один алтын четыре деньги; всего рубль двадцать пять алтын.

И того ж числа боярин и оружейничей Петр Васильевич Большой Шереметьев доски шахмотные с шахмоты, которые даны рубль три алтына две деньги, подал в хоромы к благоверной государыне царевне и великой княгине Марфе Алексеевне, а другие доски с шахмоты ж по ево ж приказу боярина и оружейничего Петра Васильевича оставлены в запас в Оружейной Палате для того, что досок писаных шахмотных в запасе нет»⁸.

Не всегда, правда, с «запасами» шахматных фигур и досок обстояло так плохо. При Алексее Михайловиче были взяты на службу в Оружейную палату специальные мастера для изготовления шахмат и потому именовавшиеся шахматчиками. По «Приходным и расходным книгам олова, слоновой и рыбьей кости, сусальному и волоченому, золоту и серебру, талку и проч.» XVII столетия видно, как много драгоценного материала отпускалось на изготовление шахмат. Здесь же упоминаются и мастера, которые делали костяные фигуры и золоченые доски, и даже иконописцы, разрисовывавшие доски разными красками. Некоторые из них были «иноземцами», т. е. выписывались из Белоруссии, Польши, северных областей Руси. Мастерами костяного и янтарного дела были Иван Дракула, Данило Григорьев, Самойло Богданов, Иван Никитин, Яган Ган, Федька Семенов, Кирила Толкачев и другие. Вот два столбца — «отчет» о работе мастеров Кремля:

«188 (1680) г. апреля 8-й день по указу великого государя и по приказу боярина и дворецкого и оружейничего Богдана Матвеевича Хитрово да стольника Ивана Степановича Телепнева велено костяного дела такарю Самойлу Богданову зделать в запас двои шахматы из слоновой кости: одни с бердыши и с ружьем резные, другие — гладкие, точеные. А к тому делу ему Самойлу дать из Оружейные Палаты по его скаске слоновой кости восемнадцать фунтов шестьдесят семь золотников.

И мая в пятый день костяного дела такарь Самойло Богданов из той кости двои шахмат против указу великого государя зделаны принес. Обрезков от той кости ничего не принес. Сказал, что та кость к тому делу вся пошла.

⁸ ЦГАДА, ф. 396, ст. 22983.

И мая в 7-й день по указу великого государя те шахматы из Оружейной Полаты к нему великий государь в хоромы подал стольник Иван Степанович Телепнев»⁹.

«Того ж числа Оружейные Полаты иконописцу Тимофею Рязанцу на пятьдесят листов золота одиннадцать алтын четыре деньги, на пятьдесят листов серебра шесть алтын четыре деньги, да на яйца два алтына; всего двадцать алтын две деньги.

А по указу великого государя тем золотом и серебром велено ему написать доски шахматные великому государю в поднос к неделе святые пасхи нынешняго 185 (1677) году»¹⁰.

ШАХМАТЫ ДОБРОГО МАСТЕРСТВА

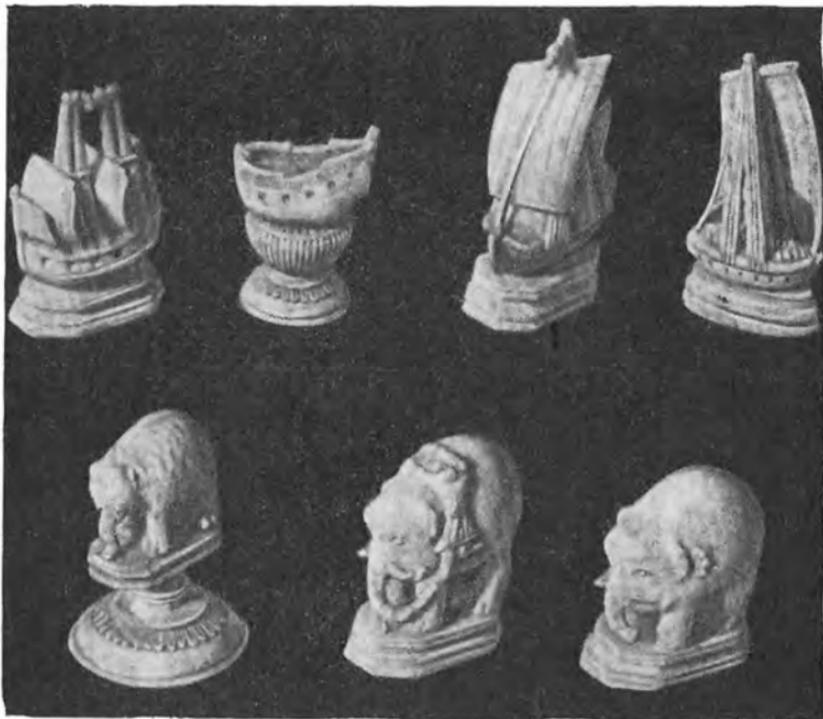
Но особым искусством изготовления шахмат славились мастера из села Холмогоры, которое находилось на севере Руси, недалеко от Архангельска. Из слоновой и моржовой кости холмогорцы вырезали изобразительные фигуры в соответствии с шахматной терминологией. До нашего времени дошли несколько десятков фигур и даже целые комплекты, сделанные холмогорцами.

На реалистическую манеру в изображении шахматных ладей и слонов обратил внимание еще историк И. Т. Савенков, но он преувеличил их древность, отнес некоторые лады к XVI столетию. Однако те шахматы, о которых писал Савенков, сохранились и из собрания П. И. Щукина попали в Государственный Исторический музей в Москве. По мнению специалистов, эти шахматы холмогорской работы относятся лишь к концу XVII — началу XVIII в. Но вполне возможно, что реалистическая традиция изображения шахматных фигур возникла у холмогорцев раньше, а потому лады, например, могут отражать и более древнее устройство русского судна.

Известно, что холмогорцы работали в московской Оружейной палате еще в середине XVII в. С 1656 г. в

⁹ ЦГАДА, ф. 396, ст. 19215

¹⁰ Там же, ст. 16456.

Лады и слоны. Кость. Холмогоры, XVII—XVIII в.
Государственный Исторический музей в Москве

Оружейном приказе числились два замечательных мастера, насильно вывезенные из Холмогор,— братья Семен и Евдоким Шешенины. Особенно искусен был в резьбе по кости и дереву Евдоким (ум. в 1667 г.). Такого же талантливого резчика никак не удавалось найти, поэтому царь Алексей Михайлович в 1670 г. предложил на месте, в Холмогорах, изготовить десять комплектов шахмат и такое же количество гребней. Об этом нарочном заказе упоминал еще И. Забелин (правда, допустив неточность в датировке события). Однако нам представляется документ столь интересным и живо отражающим нравы того времени, традиции холмогорцев в работе над костяными шахматами, что мы решаемся опубликовать его:

«Государю-царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа великия и малыя и белыя России самодержцу холопи твои Ивашко Чаадаев, Тимошка Савлуков челом бьют.

В прошлом 178(1670) году июня в 27 день в твоей великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа великия и малыя и белыя России самодержца грамоте по приказу Новгородские четверти за приписью дьяка Ефима Юрьева писано к нам, холопом твоим, по твоему великого государя указу велено зделать на Колмогорах мастеровым людям слоновой кости десять статей шахмат да десять гребней прорезных добрым мастерством, а врезь были у гребней травы, и в травах птицы. И как те шахматы и гребни зделают и нам бы холопом твоим о том к тебе великому государю отписать к Москве во Оружейную Полату, с кем пригожа.

И по твоему великого государя-царя великого князя Алексея Михайловича всеа великия и малыя России самодержца указу мы, холопи твои, у Архангельского города и на Колмогорах, собрав мастеровых людей — всех гребенщиков и которые шахматы делают — велели им зделать в слоновой кости десять статей шахмат, да десять гребней прорезных, добрым мастерством, с травами и с птицы. И колмогорцы посацки мастеровые люди гребенщики Дениско Зубков с товарищи 22 человека в с'езжей избе подал нам, холопом твоим, скаску за своими руками. А в скаске их написано, что у них гребенщиков про твой великого государя обиход десяти гребней прорезных в слоновой кости добрым мастерством, чтоб в рези были у гребней травы и в травах птицы, зделать некому... А шахматы де из них, гребенщиков, трое человек — Дениско Зубков, да Ивашко Катеринин, да Кирилко Саламатов дельвали.

И мы, холопи твои, велели им, Дениске с товарищи, зделать десять статей шахмат добрым мастерством розными статьями и на те, государь, шахматы, на десять статей, велели им купить кости слоновой у торговых людей. И те мастеровые люди, Дениско Зубков с товарищи, зделав, принесли к нам, холопим твоим, в с'езжую избу шахматов семь статей, а трех де статей шахмат, сказали нам, что им ныне делать не в чем.

В пожарное де время в лавках у них кость вся сгорела, а купить де им после ярмонки было не у ково. А дано, государь, за те шахматы за семь статей, за кость и от мастерства шесть рублей девятнадцать алтын з деньгою. И те шахматы семь статей послали к тебе, великому государю-царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа великия и малыя и белыя Руси самодержцу, к Москве мы, холопи твои, запечатав. Я, холоп твой Ивашко, своею печатью с двинскими целовальники с Ваською Малаховым, да с Ваською второю в отписку велели подать и шахматы объявить во Оружейной Палате твоему государеву боярину и оружейничему Богдану Матвеевичу Хитрову да дьяком»¹¹.

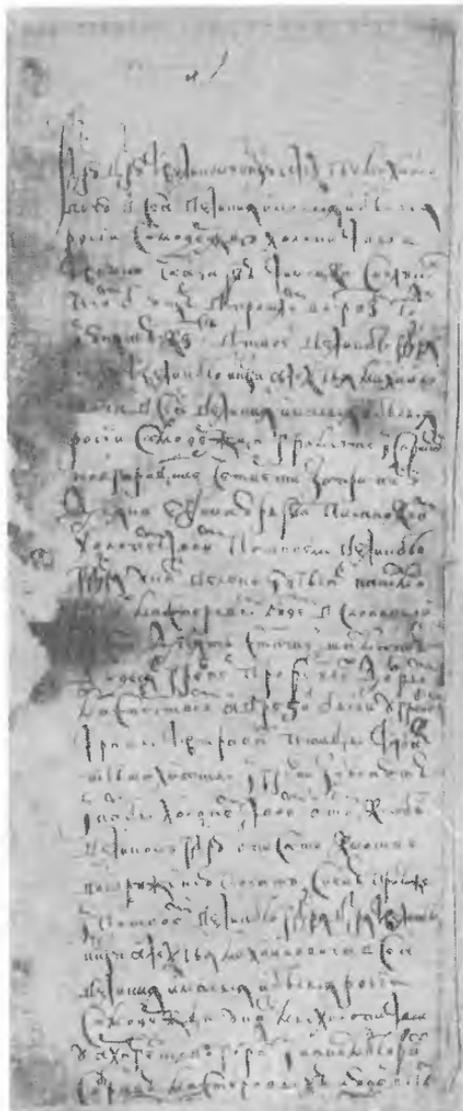
В конце XVII в. мастерские Оружейной палаты прекратили свою деятельность и холмогорские косторезы вернулись домой, где продолжали работу. Большое место в их прикладном искусстве занимали и шахматы, которые пользовались спросом как в Москве, так и в Петербурге. В дальнейшем при изучении истории шахматных фигур многие зарубежные авторы приводили обычно холмогорские произведения как образцы древнейших русских шахмат. И только теперь благодаря археологическим находкам стало ясно, что холмогорские произведения представляли лишь один из позднейших этапов в истории шахматных фигур древней Руси. Являя собой образцы косторезного искусства XVII—XVIII вв., они вместе с самобытными чертами (изображения ладей и слонов) отразили и веяния с Запада — модные в то время восточные и античные мотивы в трактовке шахматных фигур.

Массивность холмогорских шахмат (их высота от 3 до 8 см), изобразительный характер фигур, наконец, сам материал — слоновая или моржовая кость — все это придавало комплекту своеобразную величавость, богатство. Подобные наборы могли позволить себе заказывать, конечно, лишь цари, бояре да богатые купцы. Гораздо ббльшим спросом пользовались шахматные комплекты небольшого размера с символическими фигурами. Для них и кости требовалось в несколько раз меньше, и

¹¹ ЦГАДА, ф. 396, ст. 12580, лл. 1—4 (приведен в сокращении).

времени расходовалось не так много, ибо фигуры можно было точить на токарном станке. Но здесь и традиции были иными, чем в изобразительных наборах. Если в шахматах «с личиками» изображения фигур соответствовали русской шахматной терминологии, то в точеных скульптурках кони, ладьи, короли, пешки, слоны носили условный характер. По сравнению с новгородскими фигурками, относящимися к XII—XV вв., они имели, однако, значительно более сложные конфигурацию и орнамент.

Такое заключение можно сделать на основании интереснейшей находки на острове Фаддея (к востоку от Таймырского полуострова), обнаруженной во время археологических раскопок в 1940 г. Здесь было найдено 28 целых и поломанных костяных фигурок высотой не более 3,6 см. Позднее опубликовал подробное описание и результаты исследова-

Фотокопия дела об изготовлении 10 комплектов шахмат холмогорцами по приказу царя Алексея Михайловича, 1670 г.

ния этих шахмат ленинградский археолог С. Н. Замятнин. Найденные фигуры относятся к первой четверти XVII в. и являются частью разрозненных (трех-четырёх) комплектов. Из них от одного набора сохранилось 13 фигур, от другого — 12. Последние отличаются более тонкой отделкой и орнаментировкой.

В находке представлены все рода шахматного войска. Фигуры не окрашивались, а размеры их строго повторялись, уменьшаясь с рангом: король — 3,6 см; ферзь — 3,2 см; слон — 2,8 см; пешки — 2,4 см; ладьи — 1,8—2 см.

По мнению Замятнина, форма этих фигур была типичной для того времени (XVI—XVII вв.). Вывод верный, хотя следовало бы добавить, что это была не единственная типичная форма. Правда, такое заключение легче сделать теперь, когда известны массовые находки шахмат древнего Новгорода, многочисленных шахматных фигур московского Зарядья, относящихся к тому же историческому периоду. Те и другие находки, а также результаты многих археологических раскопок позволяют видеть в шахматах с острова Фаддея определенное звено в эволюции шахматных фигур на Руси.

Если сравнить фаддеевский набор с новгородскими шахматами, то обращает на себя внимание унификация нижней части фигур, которая имеет у всех (кроме ладьи) форму сферического туловища. Далее, слон лишился двух передних выступов, характерных для мусульманской символики и, конечно, потерявших смысл в условиях русской действительности. Зато на Руси никак не могли примириться с отсутствием головы у коня и потому продолжали упорно сохранять верхний выступ. Что же касается ладьи, то, судя по внешним очертаниям, мастера, изготавливая даже символические шахматы, ассоциировали ее с реальной ладьей, и потому боковые выступы здесь отличаются от тех, которые были обычно у аналогичных фигур восточного типа. Иначе говоря, найденные шахматы по своей конфигурации находились еще одной ногой в древней Руси, а другой уверенно шагнули в новое время. Интересно также отметить, что закономерности развития фигур, в частности их унификация, были в целом примерно такими, что и на Западе. Большую самобытность можно наблюдать в

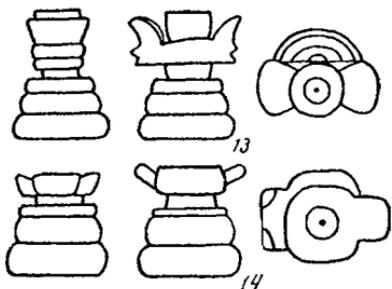
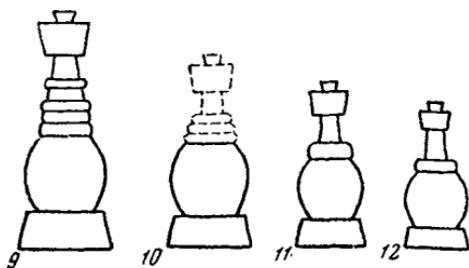
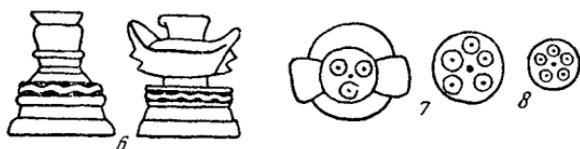
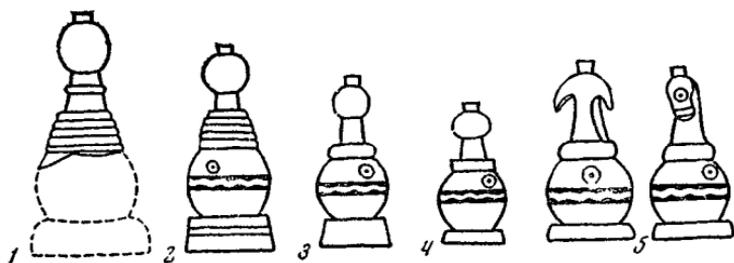
трактовке ладьи, которая лишь в конце XVII—XVIII в. под влиянием Запада сменяется «башней» (при сохранении русского термина).

Но если для этих выводов у С. Н. Замятина еще не было материалов, то в распоряжении исследователя были другие архаичные шахматы, обнаруженные в разное время среди народностей Северной Азии — долган, эвенков, ненцев, якутов, сойот, тувинцев, бурят, юкагиров и камчадалов. Сравнивая эти находки с шахматами острова Фаддея, особенно изображение ладьи, археолог пришел к заключению, что русские способствовали распространению шахмат среди народов Севера и Сибири.

И все-таки фаддеевская находка, необычайно интересная для характеристики эволюции древнерусских фигур и бытования игры на севере Руси, для исследования проблемы взаимоотношения русской культуры и культуры народов Северной Азии, не решает, однако, главного вопроса — как широко были распространены шахматы в XVI—XVII вв. в Московском государстве? Ведь шахматы из моржовой или мамонтовой кости с острова Фаддея были довольно тонкой работы и стоили дорого. Поэтому следовало ожидать более простых форм фигур из доступных для различных слоев населения материалов.

Ответить на эти вопросы помогли археологические раскопки в московском Зарядье. По сравнению со многими другими городами Руси Москва до последнего времени была менее исследована археологически. Специальные раскопки здесь начались в 1946 г., а первые фигуры были найдены во время археологических работ 1949—1951 гг.

Раскопки проводились в районе Зарядья, в Китай-городе. В древности на этом месте был Великий посад, населенный ремесленниками и купцами. В XV—XVI вв. в связи с присоединением к Москве удельных княжеств район застраивался крупными усадьбами — домами бояр и служилых людей. Но тут оставались еще отдельные искусные мастера резьбы по дереву и кости, чьи изделия, в том числе шахматы, предназначались для состоятельного населения посада. В слоях XIV—XV вв. и главным образом в развалинах зданий XVI—XVII вв. были найдены вместе со множеством других

Шахматы. Остров Фаддея, XVII в. Рисунки С. Н. Замятнина:

1 — король; 2 — ферзь; 3 — слон; 4 — пешка; 5 — конь; 6—8 — ладья; 9 — король; 10 — ферзь; 11 — слон; 12 — пешка; 13—14 — ладьи.

бытовых предметов одиннадцать шахматных фигур из нескольких комплектов.

При раскопках одной усадьбы XVI столетия обнаружены три деревянные фигуры, вырезанные без применения токарного станка. Остальные находки были сделаны в разных местах и большей частью напоминают современные пешки. Три из них выточены из кости, четыре из дерева. Костяные фигурки украшены орнаментом в виде линий и кружочков. В числе этих находок оказалась также костяная пешка из дорогого изобразительного набора XVII в., по-видимому иностранного происхождения. Такое предположение сделано в связи с тем, что пешка изображала человека, одетого в камзол и круглую шляпу с полями, какие носили в то время в Западной Европе.

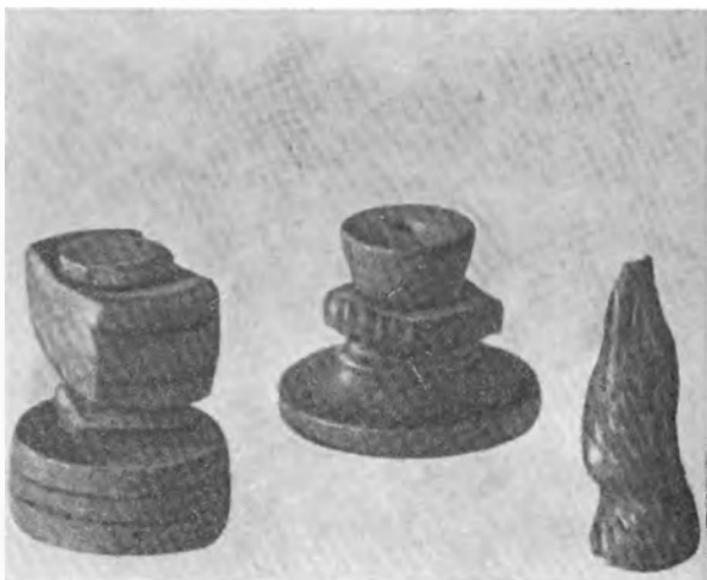
Уже эти находки дали возможность сделать вывод о распространении шахмат среди разных слоев населения древней Москвы. Еще более основательным выглядит такое утверждение после многочисленных новых находок в 1953—1960 гг. Во время этих раскопок Зарядья найдено около двух десятков разрозненных шахматных фигур XV—XVII вв. (снимки двух из них были опубликованы)¹².

В новой археологической коллекции шахмат древней Москвы необычайно большой процент (большой, чем в Новгороде) деревянных фигур: 15 из 18. Объясняется это не только тем, что Зарядье находилось у Москвы-реки и здесь, как и в Новгороде, влажная почва хорошо сохраняла деревянные предметы. По всей вероятности, дерево было уже тогда основным материалом, из которого московские ремесленники делали шахматы для местного сбыта. Многие деревянные фигуры оказались искусно выточенными на станке, и лишь отдельные экземпляры были сделаны любителями шахмат вручную. Эти самоделки, находившиеся в употреблении у неимущих слоев, служат лучшей иллюстрацией широкого распространения шахмат в Москве в XVI—XVII вв.

¹² А. Ф. Дубынин. Археологические исследования в Зарядье (Москва).— «Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР», 1956, вып. 65, стр. 122, рис 41/5; 1959, вып. 77, стр. 95, рис. 41/7.

Другая особенность коллекции состоит в том, что все фигуры найдены порознь и представляют, следовательно, разные комплекты. А так как они успели уже утратить многие черты, характерные для традиционной восточной символики, то становится ясным, какие большие, порой непреодолимые трудности возникают при попытке определения их принадлежности к той или иной фигуре. Размеры шахмат невелики — от 2 до 4,3 см. На основании этого формального признака почти все фигуры, достигающие 4 см, можно признать королями, а близкие к ним по высоте — ферзями. Таких находок оказалось пять. Одна из них имеет характерное для московских фигур шаровидное туловище, увенчанное конусовидным острием. Другие фигуры также покоятся на круглом основании, но туловище их состоит из нескольких «ярусов».

Любопытная форма одной из фигур высотой 3,2 см: туловище тоже шаровидное, но на нем, подобно шпилью, возвышается цилиндрический стержень. Что хотел выразить этим мастер? К какому виду шахматных фигур принадлежала находка? Отсутствие хотя бы нескольких

Шахматные фигуры — короли, ферзи, ладьи и другие.

фигур одного комплекта не дает пока возможности определенно ответить на эти вопросы, так как по размерам и форме она с одинаковым успехом могла служить и ферзем, и слоном.

Интересна точеная костяная фигурка, найденная в слое XVI в. и напоминающая по форме ферзей и королей современных шахмат. Она состоит из высокого круглого основания, шаровидного туловища, длинной шейки, перехваченной кольцевидным утолщением и увенчанной «шапкой» с неглубоким отверстием в центре. Последнее служило, по-видимому, для вставки атрибута, который мог бы превратить фигуру в короля или ферзя. Характерен орнамент — несколько утолщенных параллельных линий, выточенных как на основании, так и на туловище. Это придает шахматам нарядность и вместе с тем заменяет нагромождение разнообразных утолщений и перехватов, которые можно встретить на некоторых деревянных фигурах Зарядья.

В раскопках Зарядья найдены четыре шахматные ладьи, датируемые XVI — началом XVII в. Размеры их строго выдержаны и высота не превышает 2,7 см. Осно-

Дерево. Москва, Зарядье. XVI—XVII вв.

вания у ладей такие же, как и у королей и ферзей,— высокие, цилиндрические. Среди 18 фигур лишь одна легко определяется как пешка и представляет собой маленький, немногим более сантиметра высотой цилиндр с насаженным в центре шариком.

Наконец, в 1958 г. в слое XVII в. найдена костяная шахматная фигурка, изображающая всадника с саблей в руке. Размеры скульптурки (высота 5 см, длина 3,6 см) и форма основания аналогичны тем, какие мы встречаем в холмогорских наборах «с личиками».

Московская коллекция ярко отображает наиболее распространенную на Руси в XVI—XVII столетиях форму шахматных фигур. Об этом свидетельствуют, в частности, раскопки 1959—1960 гг. одного из северных центров древней Руси — Великого Устюга. Здесь в слоях XVI—XVII вв. была найдена костяная шахматная фигурка (по-видимому, короля), близкая по своим очертаниям к находкам Зарядья¹³.

Главная ценность московских находок состоит в том, что это в большинстве своем шахматы простых людей — ремесленников, мелкого торгового люда. Теперь уже со всей определенностью можно утверждать, что в шахматы в XVI и XVII столетиях играли в Москве все слои общества. Тем самым подтверждаются высказывания иностранных путешественников, отмечавших популярность шахмат в стране. А таких высказываний сохранилось немало. Англичанин Турбервиль, побывавший в Москве вместе с послом Рандольфом в 1568 г. и написавший в Лондон ряд писем в стихах, которые были объединены позднее в книге «Сказание о России», утверждал: «Очень распространена игра в шахматы, чуть ли не каждый сумеет дать вам шах и добавить мат; их искусство проистекает из большой практики».

Не изменились и впечатления зарубежных путешественников, посетивших Русь век спустя. «За этой игрой..., — пишет Я. Рейтенфельс о шахматах, — в настоящее время проводят все время и старики и дети на всех улицах и площадях Москвы». Ему вторит курляндский посол Александр Таубе (1675): «Карт здесь не

¹³ А. В. Никитин. Раскопки в Великом Устюге. — «Краткие сообщения Института археологии», 1963, вып. 96, стр. 82.

знают, шахматы известны издавна и пользуются большой любовью».

Находившийся в свите польского посольства уроженец Праги Бернгард Леопольд Таннер отмечает бытование игры среди торговых людей (1678): «...русские купцы увлекаются шахматами».

Ясно, что не могут ошибаться в своих описаниях иностранцы, если они одновременно «трубят в одну трубу». На это уже указывали исследователи (Саргин и другие), вынужденные опровергать истолкования некоторых западных историков, сомневавшихся в истинности всех этих сообщений иностранных путешественников. Сейчас, после того как в Зарядье найдено около двух десятков шахматных фигур, приведенные высказывания перестают быть голословными и приобретают еще большую весомость и документальность.

ФЕРЗЬ ВСЯЧЕСКАЯ

Письменные источники, археологические находки и свидетельства иностранных путешественников не оставляют сомнений в том, что шахматы имели широкое распространение на Руси в XVI—XVII вв. Но при всем том до нас дошло ничтожно мало сведений о характере игры, о правилах борьбы и другой специфике шахматного творчества. Что же касается практической силы русских шахматистов, то она была, по-видимому, большой. Об этом говорят показания иностранных очевидцев. Несколько отзывов об игре на Руси сохранилось, например, от XVII в. «Умелыми игроками» назвал русских Адам Олеарий, трижды посетивший Москву в 30-х годах.

Особенно интересны два сообщения иностранцев о шахматных увлечениях русских, приехавших в составе посольства в Италию и Францию. А. Серристоры доносит правительству республики Венеции, что приехавшие в 1656 г. из Москвы посол и сопровождающие его лица во время праздничных дней к обеду не ездят, а остаются дома и играют целый день в шахматы, «что и составляет лучшую их доблесть; и действительно, они играют

в эту игру, как слышно, в совершенстве»¹⁴. Это сообщение тем более интересно, что у итальянцев в эпоху Возрождения было немало сильных шахматистов и они считались тогда лучшими в Европе.

В таком же духе высказалась французская хроника о времяпрепровождении членов московского посольства, прибывшего в Париж к Людовику XIV в 1685 г.:

«...Маршал Помьер, забрав в Сен-Дени московских посланников, привез их сегодня на аудиенцию в придворных каретах; их два, а свита состоит человек из пятидесяти. Его величество принял их в полдень, сидя на троне; они не видели принцев. Эти русские превосходно играют в шахматы; наши лучшие игроки перед ними школьники»¹⁵.

Эта протокольная запись событий может скрывать за собой какое-то состязание членов русского посольства с парижскими шахматистами или свидетельствовать о хорошем знании шахмат хроникером, наблюдавшим игру русских. Во всяком случае автором этих строк был француз, и нет никаких оснований обвинять его в пристрастии к московскому посольству.

Интересно и другое. Ни в одном из отзывов не общается о каких-либо существенных различиях между правилами игры русских шахматистов и принятыми тогда правилами во Франции, Италии и других западноевропейских странах. Если бы были резкие отличия, то это, наверное, произвело бы впечатление и получило бы отзыв даже в хроникальных отчетах. Значит, на Руси к тому времени были уже хорошо известны нововведения западноевропейских шахмат. По всей вероятности, эти правила были в ходу наряду с местными. Ибо, судя даже по более поздним источникам, тогда в игре применялись на Руси некоторые специфичные ходы, явившиеся, по-видимому, результатом многовекового самобытного развития шатранга.

В шатранге борьба развертывалась крайне медленно. Поэтому европейские шахматисты, стремясь сделать

¹⁴ Бумаги Флорентинского центрального архива, касающиеся до России. М., 1871, стр. 12—13, 187.

¹⁵ Летописи круглого окна (хроника частных апартаментов двора и гостиных Парижа) Тушара-Лэфосса, т. II. СПб., 1873, стр. 125.

игру более живой, придали дополнительную силу фигурам, позволив им двигаться на большом пространстве доски. Особенно важным было превращение в дальнобойную фигуру ферзя (XV в.). Соединив силу двух фигур — ладьи и слона, ферзь внес в игру вихрь комбинаций и новых идей. Недаром итальянцы стали называть после этого шахматы «бурной игрой».

Прошло, однако, немало времени, прежде чем эти нововведения распространились и получили признание в Италии и Франции, а затем в Германии, Польше, России и других странах. Меррей отмечает, что еще на рубеже XVI и XVII столетий наблюдается неустойчивость в европейских правилах. В частности, здесь под влиянием русских начали применять в этот период одновременные (без очереди) ходы двумя пешками в дебюте, стали объявлять шах ферзю, засчитывать противнику вечный шах как выигрыш.

Отсюда можно заключить, что на рубеже XVI и XVII столетий, когда началось более тесное соприкосновение шахматной культуры Руси и стран Центральной Европы, влияние было не односторонним, а взаимным.

Меррей, правда, оговаривается, что сами русские еще раньше переняли эти правила у монголов. и даже называет раздел, где говорится о проблеме заимствования, — «Возможные следы монгольских шахмат в Центральной Европе». Но он, по-видимому, ошибается, когда предполагает сильное воздействие монголов на русские шахматы. В частности, такое правило, как одновременное движение двух пешек в начале партии, могло появиться на Руси вполне самостоятельно. Этого, кстати, могло и не быть у татаро-монгольских пришельцев, перенявших среднеазиатские правила шатранга. Описанное нововведение представляло собой одну из первых на Руси попыток вырваться из тисков медленного шатранга. В отличие от восточных табий, представлявших собой готовые дебютные построения, русские начинали игру с обычной расстановки фигур, за которой следовало решительное (хотя и значительно более короткое, чем в табии) начало. Правило это надолго задержалось в России: оно рассматривалось в Петербурге даже при составлении первого шахматного устава в 50-х годах прошлого века. В устав была включена статья IV —

«Об открытии игры несколькими ходами», где было принято компромиссное решение: «Без особого соглашения с противником не дозволено начинать партию двумя ходами вместо одного. Если же будет, по условию, предоставлено одной стороне или обоим открыть игру несколькими ходами без очереди, то за всем тем каждый игрок обязан будет совершить эти начальные ходы в пределах ближайшей к нему половины шахматницы»¹⁶. Убедительным свидетельством оригинального развития шатранга на Руси явилось правило движения ферзя. Если на Западе ферзь было открыто свободное движение по диагоналям, вертикалям и горизонталям; то русские шахматисты наделили его еще возможностью двигаться ходом коня. Тем самым он стал в шахматах еще более могучей фигурой, соединив силу ладьи, слона и коня. Когда появился такой ход? Пока что нет материалов, которые помогли бы раскрыть истоки возникновения «ферзи всяческой», как стали называть на Руси сильнейшую фигуру после введения нового правила. В литературе она впервые упоминается в академическом словаре: «В шашечной большой игре (т. е. в шахматах.— И. Л.) шашка по царе первенствующая, имеющая право ходить всеми образами других шашек и в сем случае называется *ферзь всяческая*»¹⁷.

Ход этот долго еще удерживался в практике русских шахматистов. Ибо даже в 20-х годах о нем упоминали Бутримов и Петров. Но, развивая теорию игры применительно к международным правилам, оба шахматиста, естественно, не придерживались его. Бутримов еще склонен был в виде исключения допускать ход в практике и в своем учебнике в примечании к пункту о движении ферзя ходом ладьи и слона добавил: «Некоторые сверх сих ходов позволяют ей скакать еще и по конскому, но таковой ход законодателями игры ей запрещен и может зависеть от условий. Здесь же предполагается только с упомянутыми двумя ходами». Зато Петров категорически отверг даже возможность такого движения, когда писал: «Ферзь имеет все ходы, кроме коневьяго». Эти примеры говорят о том, что на Руси,

¹⁶ «Новый устав шахматной игры, принятый в 1857 г. Обществом любителей сей игры в С.-Петербурге». СПб., 1858, стр. 30.

¹⁷ Словарь Академии Российской, ч. VI. СПб., 1794, стр. 483.

как и в Италии, во Франции и других западноевропейских странах, примерно в то же время наблюдался процесс изменения правил, превращения шахмат в более стремительную игру. Первоначально развитие это протекало самобытным путем. На рубеже XVI—XVII вв. становится заметным перекрестное влияние западных и русских шахмат.

Между прочим, прогресс шахматной игры в ту эпоху нашел своеобразное отражение в народном эпосе. Во времена Киевской Руси, да и в XIII—XIV вв., когда игра еще носила на себе печать медленной стратегии шатранга, важно было скорее приступить к сражению и редко удавалось довести дело до мата. Теперь же, когда игра велась более быстро, мат стал той манящей далью битвы, которая пленяла своей идеей и красотой любителей шахмат. Вот почему народные певцы, изображая шахматный поединок, стали теперь делать упор не на начало игры — заступь (получившей в древности терминологическое значение шахматной партии), а на конец борьбы, заключительный финал — мат. Появление этого элемента в народном творчестве может тем самым помочь фольклористам в определении времени создания эпического произведения, того или иного напластования на древнем сюжете.

В связи с этим представляют особый интерес известные эпические поэмы о Чуриле Пленковиче. Одни исследователи сравнивают их с народными балладами, а на основании некоторых бытовых деталей относят к позднейшим творениям эпоса (XVI—XVII вв.). Другие находят сходство с отдельными былинами Киевской Руси и путем сопоставления с летописями ищут соответствующие упоминания главных действующих лиц. По мнению Б. А. Рыбакова, произведения эти возникли еще в период Киевского государства как боярские новеллы и главным действующим лицом в них был прототип Чурилы — сын Олега Тмутараканского, князь Черниговский Кирилл-Всеволод Ольгович, упоминаемый в летописи в начале XII в.¹⁸

Вполне возможно, что и в данном случае историческая первооснова была такой же далекой, как и в дру-

¹⁸ Б. А. Рыбаков. Древняя Русь, стр. 135—138, 354—356.

гих былинах. Однако в XVI—XVII вв. сюжет эпического произведения оказался, вероятно, столь близким в бытовом плане к жизни феодальной знати, что от конкретной реальности киевских времен, кроме имени героя, да общей сюжетной линии, мало что осталось. На такую мысль наводит, в частности, рассказ о шахматной игре. Здесь сохранились традиционные приемы описания шахматного поединка, но многое в содержании, прежде всего упор на матовый финал, было результатом веяний нового времени.

— Да брала Катерина та доску хрустальную,
Шахматы брала серебряные,
Да начали играть а с им во шахматы,
Говорила Катерина та Микулична:
«Да премладыи Чурило ты сын Плёнкович!
Да я тя поиграю — тебя бог простит,
А ты меня поиграешь — тебе сто рублей».
Да первой раз играл Чурило, ею мат давал,
Да взял с Катерины денег сто рублей;
Да другой-де раз играл, да ей другой-де мат давал,
Да взял с Катерины денег двести рублей;
Да третей-де раз играл, да ей третей-де мат давал,
Да взял с Катерины денег триста рублей.
Да бросала-де Катерина доску хрустальную,
Да шахматы бросила-де серебряные,
Да брала-де Чурила за руки за белые,
Да сама говорила таково слово:
«Да ты, премладыи Чурилушко сын Плёнкович!
Да я не знаю,— играть с тобою во шахматы,
Да я не знаю,— глядеть на твою красоту,
Да на твои ты на кудри желтые,
На твои ты на перстни злаченые.
Да помешался у мя разум во буйной голове,
Да помутились у меня-де очи ясные,
Смотрячись-де, Чурило, на твою на красоту»¹⁹.

Дальнейшие события известны: Чурило сходится с женой купца Бермяты Катериной Микуличной, Бермята узнает об измене жены и наступает трагическая для Чу-

¹⁹ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом..., т. III, стр. 181.

рилы развязка. Но в данном случае нас интересует не столько сюжет, сколько характер изображения шахматной битвы. Кроме игры на мат, следует отметить и другую новизну. На этот раз исчезают героические моменты шахматного сражения и игра предстает как чисто бытовой элемент, как азартное состязание на деньги. Этого мы не встречаем в более ранних произведениях народного эпоса древней Руси, здесь налицо дыхание новой эпохи.

Заметим также, что вместо механически повторяющихся сказителями «заступей» появляются (при сохранении традиционного принципа троичности) всем понятные игровые термины — «первый раз», «второй раз», «третий раз». И даже в том случае, когда певцы оказывались незнакомыми с игрой и начинали дополнять рассказ «своей» терминологией и пояснениями, то возникали «нелепости», характерные уже для XVI—XVII вв. Тут мы встречаем, в частности, смешение шахматных терминов с карточными (играть в шахматы «на кон») и т. д.

Для народного эпоса XVI—XVII вв. характерно развитие песенного жанра, индивидуализация образов. Действующими лицами в песнях были не богатыри, а простые люди. Значительно короче стали сюжеты. И конечно, лишь популярностью шахмат можно объяснить, что даже в коротких песнях певцы упоминали о шахматной игре. Здесь тоже складывались свои традиционные приемы. Так, характерна для песен была игра «красной девицы» с «добрым молодцом», причем победу одерживала обычно «красна девица».

Вот начало одной из них, интересной еще тем, что она была сложена в Архангельской губернии, где работали холмогорские умельцы.

Под славным крепким городом Архангельском,
 На Васильевском славном острове,
 На прибежище на Лодейном,
 Что на пристани корабельной,
 Тут построена изба новая,
 Изба новая караульная.
 Что во той избе новой,
 Восемьсот удалых молодцов сидит;

Меж ими-то красна девица;
Она гораздна была играть в шахматы,
Обыграла удалого добра молодца²⁰.

В песнях того времени шахматы появляются как элемент быта для характеристики качеств героя или героини. В этом отношении показательна песня «Худая жена, жена умная». В ней рассказывается о том, как добрый молодец женился да уехал вскоре из деревни искать счастье по белу свету, пробыл 12 лет в Литве, а затем вернулся. И встретив «худую жену, жену умную», вспоминает с ней:

— А ведь жили мы с тобой да близко поблизку,
Вместе грамоте с тобой училися,
А играли мы с тобою в шашки-шахматы,
Да во тее ли во илеи во немецкие²¹.

Здесь уже веяние XVII в., когда под влиянием некоторых западных областей Руси изменяются представления об игре: вместо «заморской» она становится немецкой, польской, литовской и т. п.

К этому времени, а возможно и более раннему, относятся возникновение и бытование в народе нескольких характерных пословиц, связанных с шахматной игрой: «Шахнет, да махнет, ан и вся игра», «Шахнул ему — с поля долой», «Шаханья много, да мат один», «В шахматы играть — своих оберегать». Две пословицы обыгрывают шахматный термин «мат» и полны социального смысла: «Дожили до мату, что ни вина, ни табáку», «Дожили до мату: ни хлеба про голод, ни дров про хату».

Проникновение шахматных мотивов в усиленно развивавшийся жанр народных песен, в пословицы — еще одно яркое свидетельство популярности шахмат на Руси в XVI—XVII столетиях.

²⁰ Великорусские народные песни, собранные А. И. Соболевским, т. 1. СПб., 1895, стр. 413—414.

²¹ Былины Севера, т. II. М.—Л., 1951, стр. 256—257.

Шахматы и просвещение века

В XVIII в. шахматы в России постепенно превратились в привилегию ограниченного круга людей — дворян и чиновников. В чем причина сужения «базы» популярности шахмат в стране? Для решения этой сложной проблемы нужно рассмотреть целый комплекс явлений и вопросов, многие из которых недостаточно изучены и ясны. Но решающую причину в данном случае следует, по-видимому, искать в изменениях условий жизни людей, в огромных социально-экономических переменах, которые произошли в стране менее чем за столетие. В начале века петровские преобразования поставили Россию вровень с крупнейшими государствами мира. Многое способствовало этому возвышению —

реформы государственного аппарата и системы просвещения, стимулирование роста торговли и промышленности, создание регулярной армии и дальновидная внешняя политика. Но успехи эти имели и оборотную сторону — укрепление помещичьего класса, рост феодально-крепостнического гнета, усиление царской тирании. Неимоверно тяжелой стала жизнь народных масс в результате гнета крепостного права.

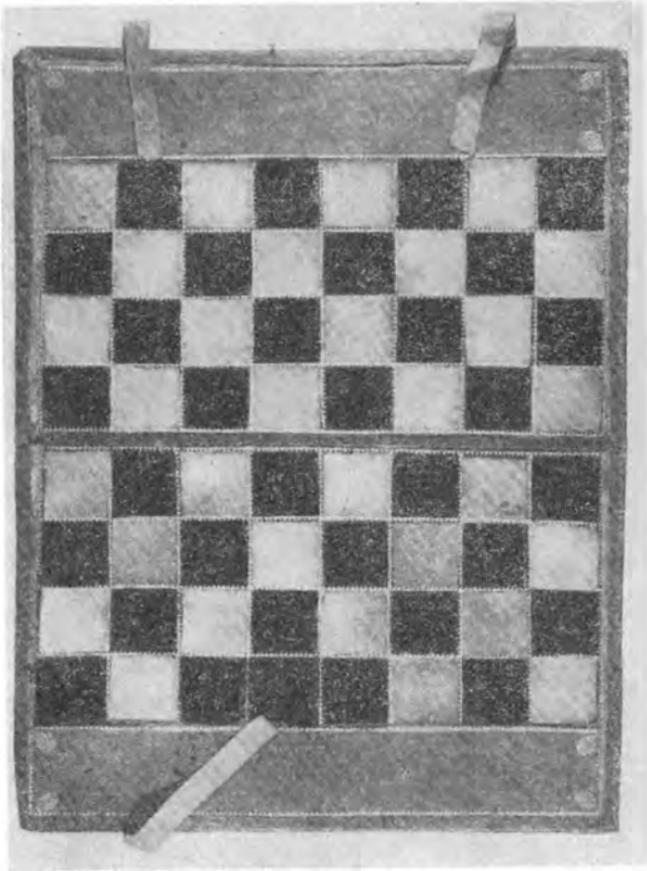
Новыми условиями общественно-исторического развития, по всей вероятности, и следует в первую очередь объяснить уменьшение популярности шахмат в России. Недосуг стало заниматься шахматами крепостному крестьянину. Изменилось положение городских ремесленников и мелких торговых людей, ощущавших на себе гнет нарождавшихся капиталистических отношений. Наконец, и праздные помещики стали предпочитать шахматам карты. Падение интереса к шахматам явилось, таким образом, закономерным следствием перемен в общественных отношениях, а не результатом каких-то субъективных причин (как это могло иметь место, например, в XIII—XIV вв., когда против шахмат выступила церковь). На этот раз, наоборот, в начале XVIII в. Петр I все делал для того, чтобы шахматы получили распространение в стране, по крайней мере среди дворянства.

НА ПЕТРОВСКИХ АССАМБЛЕЯХ

С юношеских лет пристрастился к шахматам Петр I. Сохранилось несколько документов тех лет, свидетельствующих об интересе Петра к шахматам. Вот один из них.

«191 (1683) г. апреля в 11 день по указу великих государей боярин и оружейничей Петр Васильевич Большой Шереметьев с товарищи приказали купить в Оружейную Полату к подносным шахмотным доскам шахматы точеные, рыбей кости, с шадрою, самые добрые, которые доски писаны в поднос перед святыя пасхи нынешнего 191 года.

По наряду из Оружейные Полаты великому государю-царю и великому князю Петру Алексеевичу всеа

Кожаная шахматница Петра Первого.
Государственный Эрмитаж в Ленинграде

великия и малыя белыя России самодержцу для того, что к тем шахматным доскам готовых шахмат в казне великих государей нет и зделать было не из чего, купить тотчас.

И того же числа по сей помете куплены шахматы точеные, рыбей кости, с шадрою и местами позолочены, овошного ряду у торгового человека у Федора Дмитриева, а по договору за те за шахматы довелось

ему дати денег по цене рубль пять алтын с распискою. Запись в расход»²².

Шахматы в течение всей жизни Петра I были его любимым времяпрепровождением. Он играл в шахматы даже во время военных походов, для чего у него были специальные мягкие кожаные шахматницы, или, как тогда чаще говорили, шашечницы. Одна из них сохранилась и выставлена сейчас вместе с другими вещами Петра I в ленинградском Эрмитаже.

Известны и партнеры Петра I по шахматам — придворный священник Иван Хрисанфович (поп Битка) да Степан Вытащи. Оба нередко упоминаются в походном журнале Петра I.

Петр не только сам играл в шахматы, но и обучал игре сына, считая шахматы непременным элементом детского воспитания. По его приказу 28 октября 1697 г семилетнему сыну Алексею были расписаны золотом шахматные доски «в аршин шириною по размеру, добрым мастерством».

Содействовал Петр I и распространению шахмат в придворных кругах. На зимних ассамблеях — дворянских собраниях, устраиваемых поочередно у вельмож, шахматы заняли прочные позиции. Петр сам бывал на петербургских ассамблеях. Об одном из его визитов писал в своем дневнике живший в то время в Петербурге голштинский дворянин Ф. В. Берхгольц: «Его величество император, когда мы приехали, сидел с одним старым русским за шахматами, в которые, говорят, играет превосходно, как и большая часть русских вельмож»²³.

Сохранилось любопытное сообщение об одной из ассамблей в Москве, устраивавшейся бывшим вице-президентом синода и новгородским архиепископом Феодосием Яновским. О ней с возмущением писал казанский митрополит Сильвестр Холмский:

«Он же, Францышка, будучи в Москве, оставя церковныя службы и монашеское преданное правило, уставил у себя самлен с музыкою и тешится в карты, шах-

²² ЦГАДА, ф. 396, ст. 21334.

²³ Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца, 1721—1725, ч. II. Перев. с нем. М., 1902, стр. 109.

маты, и в том ненасытно забавлялся, якобы вместо все-нощного пения себе вменял и других к тому понуждал... Да он же, Францышка, на московском подворье велел послушнику своему Тарасу с колокольни старинные колокола продать, чтобы не мешали ему во всю ночь в шахматы играть, потом довольно спать»²⁴.

После смерти Петра I шахматы на ассамблеях нередко вытеснялись азартной карточной игрой. Во всяком случае в середине XVIII в. и позднее шахматы становятся уже не столь популярными на ассамблеях.

Тем не менее в придворных кругах и тогда были отдельные страстные почитатели шахмат, в их числе князь А. Д. Меншиков при Екатерине I, граф К. Г. Разумовский при Елизавете Петровне. Но не они определяли уровень шахматной культуры. Были в России шахматисты, которые, не имея громких титулов и крупных чинов, проявляли глубокий интерес к игре и играли сильно. Встречались и такие энтузиасты, как начальник уральских и сибирских заводов В. Н. Татищев. Летописные своды рассказывают, что, приехав в 1734 г. проверять Егошихинский медеплавильный завод (позднее на месте его возник город Пермь), он стал обучать служащих шахматной игре.

Немного сведений сохранилось и о том, насколько распространены были тогда шахматы. Иностранцы продолжают еще отмечать бытование игры среди «простых русских». Однако популярность эта шла на убыль. И уже в начале XIX столетия А. Д. Петров с горечью писал о том, что «игра сия у нас не в большом еще употреблении».

СКАЗ ОБ УМЕЛЬЦАХ ТУЛЫ И ПЕТЕРБУРГА

О XVIII в., естественно, не могут рассказать такие бесспорные свидетели, как археологические находки. Те же шахматные фигуры и комплекты, которые до нас дошли от того времени, представляют большей частью прекрасно выполненные русскими ремесленниками дорогие наборы, изготовленные для людей состоятельных.

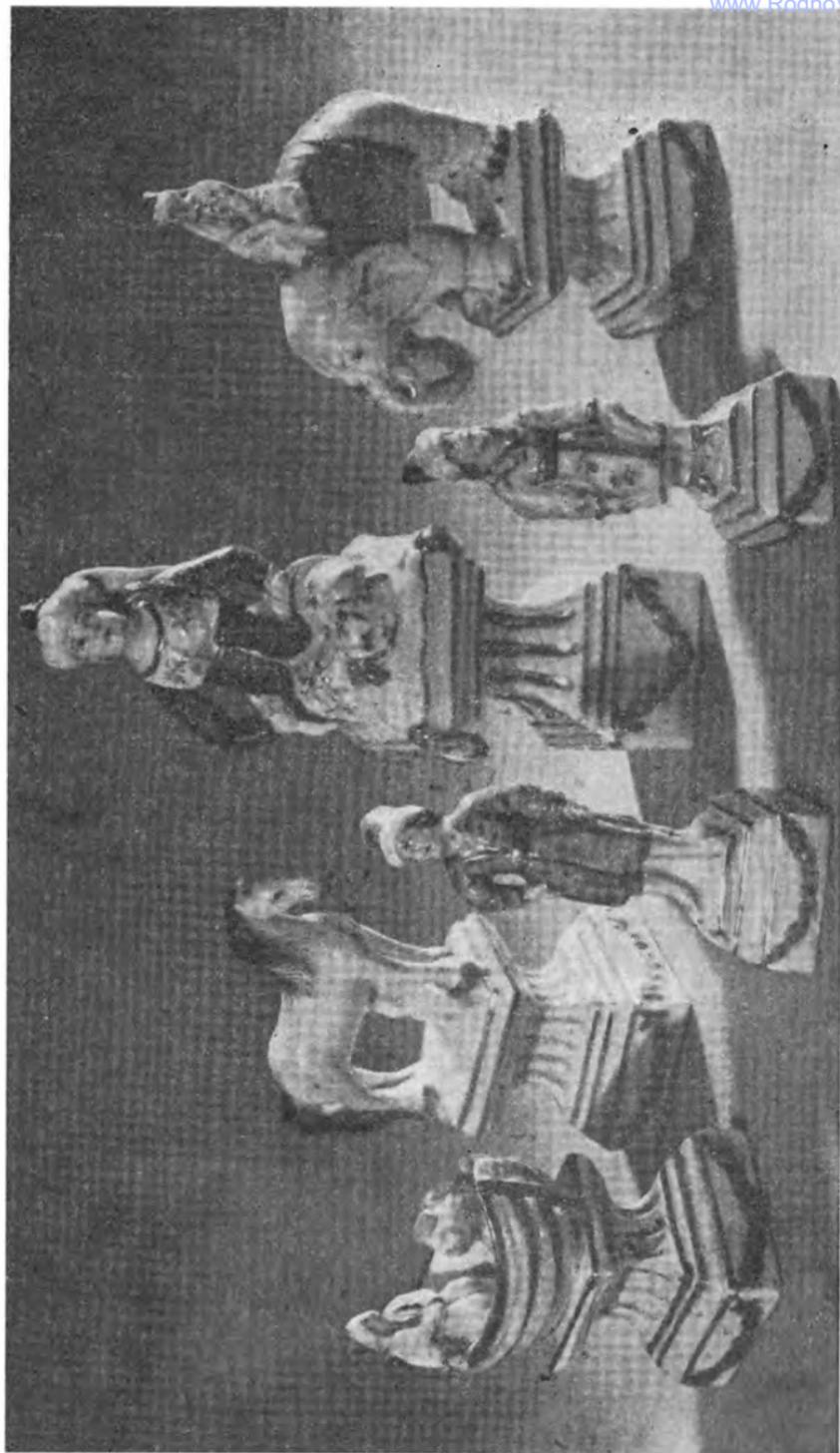
²⁴ «Шахматное обозрение», 1892, № 7, стр. 4.

Продолжала греметь по России слава косторезов Архангельской губернии, делавших тончайшей работы изобразительные шахматы. Насколько высоко ценились их произведения, свидетельствуют, например, записки воспитателя Павла I Семена Порошина, купившего в 1764 г. для царских хором за сто рублей резные шахматы у «архангелогородца Дудина».

Нововведением в производстве шахмат явились комплекты из фарфора. Их начал изготавливать в середине XVIII в. казенный фарфоровый завод в Петербурге, основанный известным ученым Д. И. Виноградовым. Шахматы, сохранившиеся в ряде музеев — Эрмитаже и Русском музее в Ленинграде, Музее керамики и усадьбе Кусково XVIII в. и других, — представляют интерес не только для исследования прикладного искусства, но и для изучения истории шахмат. Фигуры выполнены совсем в другой манере, чем у холмогорцев. Шахматы потеряли свой «воинственный дух», они изображают людей в восточных костюмах, но полностью соответствуют русской шахматной терминологии. Слон изображен с проводником, восседающим на спине животного, а конь (без всадника) вот-вот готов «сорваться» с основания и умчаться в далекие степи... Характерно также изображение ладьи — в лодке без весел в свободной позе сидят мужчина и женщина. В реалистически бытовой манере изображены и пешки, и центральные персонажи — король и ферзь. Интересно, что ферзь не мужчина, не главнокомандующий, как принято в восточных шахматах, а женщина, ибо, как уже отмечалось, слово «ферзь» употреблялось в то время в женском роде.

Свободное композиционное построение, непосредственность поз придают фарфоровым шахматам еще большее изящество и легкость, характерные для произведений народного искусства. Неодинаковый размер пьедесталов, а также индивидуальная роспись шахматных фигур показывают, что каждая из них изготавливалась мастером отдельно. Поэтому изделия эти были трудо-

Шахматные фигуры. 60-е годы XVIII в. Петербургский завод. Государственный Эрмитаж в Ленинграде

емкими и дорогими. Миниатюрные размеры скульптурок и формы устойчивых оснований свидетельствуют о том, что фигурки служили не для украшения, а были игровыми.

Неповторимым по художественному мастерству и отделке является набор шахматных фигур, изготовленный в 80-х годах XVIII в. тульскими оружейниками.

Еще в XV в. были известны «самопальные» мастера из Тулы, а два века спустя они уже селились в государственной слободе, где поставка оружия стала для них обязательной. В 1705—1712 гг. был построен оружейный завод, мастерам которого Петр I вменил в обязанность «делать ружей в год драгунских и солдатских по 15 000 фузей с ножами...» Туляки имели ряд привилегий. Они могли по казенной цене покупать железо, а продавать изделия беспошлинно. Поэтому сверх казенного жалования они делали художественное оружие, которое затем отвозили на ярмарки.

Могли они делать и другие художественные изделия. Об этом говорят шахматы из стали, украшенные воронением, золоченой бронзой, алмазной огранкой и рельефной насечкой золотом и серебром. Инкрустация деталей этими драгоценными металлами путем насечки на готовом предмете (с вколачиванием украшений) — прием туляков. В данном случае он применялся для отличия фигур двух лагерей — серебром отделялись черные фигуры, золотом белые. В то время штамповка стали еще не применялась, поэтому все фигурки сделаны вручную из нескольких (до десяти) кованых деталей, искусно насаженных на штырь.

Тульские фигуры интересны и в чисто шахматном отношении, представляя собой соединение в комплекте двух форм: символической и изобразительной. Король, ферзь, слоны и пешки имеют вид башен, укрепленных на прочных основаниях и увенчанных сверху своеобразным шпилем. Здесь ясно видны классические удлиненные пропорции, характерные для европейских символических шахматных фигур XVIII в. И только две металлические скульптуры носят изобразительный характер. Это ладьи, имеющие вид лодок, и кони, сделанные в форме античных гиппокампов, так назывались мифологические кони с рыбьими хвостами.

Перед нами — изумительное произведение прикладного искусства XVIII в. Невольно вспоминается сказ Лескова о косом Левше и стальной блохе, рисующий жизнь и талант тульских умельцев того времени. А кто же был мастером, изготовившим эти шахматы? Ведь по манере художественной отделки и здесь чувствуется рука одного человека. По предположению научной сотрудницы Эрмитажа М. Д. Малченко, эти фигуры сделаны тульским мастером и художником Адрианом Сухановым.

Наконец, возникает еще один вопрос — для кого были сделаны эти фигуры? Ведь работали над ними долго и стоили они очень дорого. Сделаны они были, оказывается, в подарок императрице Екатерине II. В 1779—1782 гг. специальная комиссия разработала план строительства ансамбля сооружений нового Тульского оружейного завода. Екатерина подписала проект, но денег не отпустила. Тогда-то в 1782 г. и получила она в подарок от тульских оружейников стальную шкатулку, декорированную золоченой бронзой. На ней — рельефное изображение неосуществленного проекта. Но чтобы намек на несдержанное слово императрицы был не очень явным, в шкатулку были вложены любимые ею шахматы: два с половиной комплекта. Четыре года спустя, в 1786 г., шкатулка с шахматными фигурами попала в комнату редких вещей Эрмитажа и была занесена в опись как «коробочка четырехугольная стальная с крышкою, местами золоченая... Внутри оной,— говорится далее,— оклеено бархатом малинового цвету и сделаны места для вороненых шашек, коих числом восемьдесят штук»²⁵.

Екатерина II действительно играла в шахматы. По ее указанию в Царском Селе и подмосковном Покровском дворце были установлены столики с шахматами. Но особенно часто играла Екатерина в так называемые четверные шахматы с крепостями, которые получили распространение в XVIII в. среди некоторых любителей. Игра эта ведется на доске, разделенной на 192 клетки. В ней принимают участие четыре партнера (соответ-

²⁵ Архив Государственного Эрмитажа, оп. 6, лит. К, № 1, стр. 411.

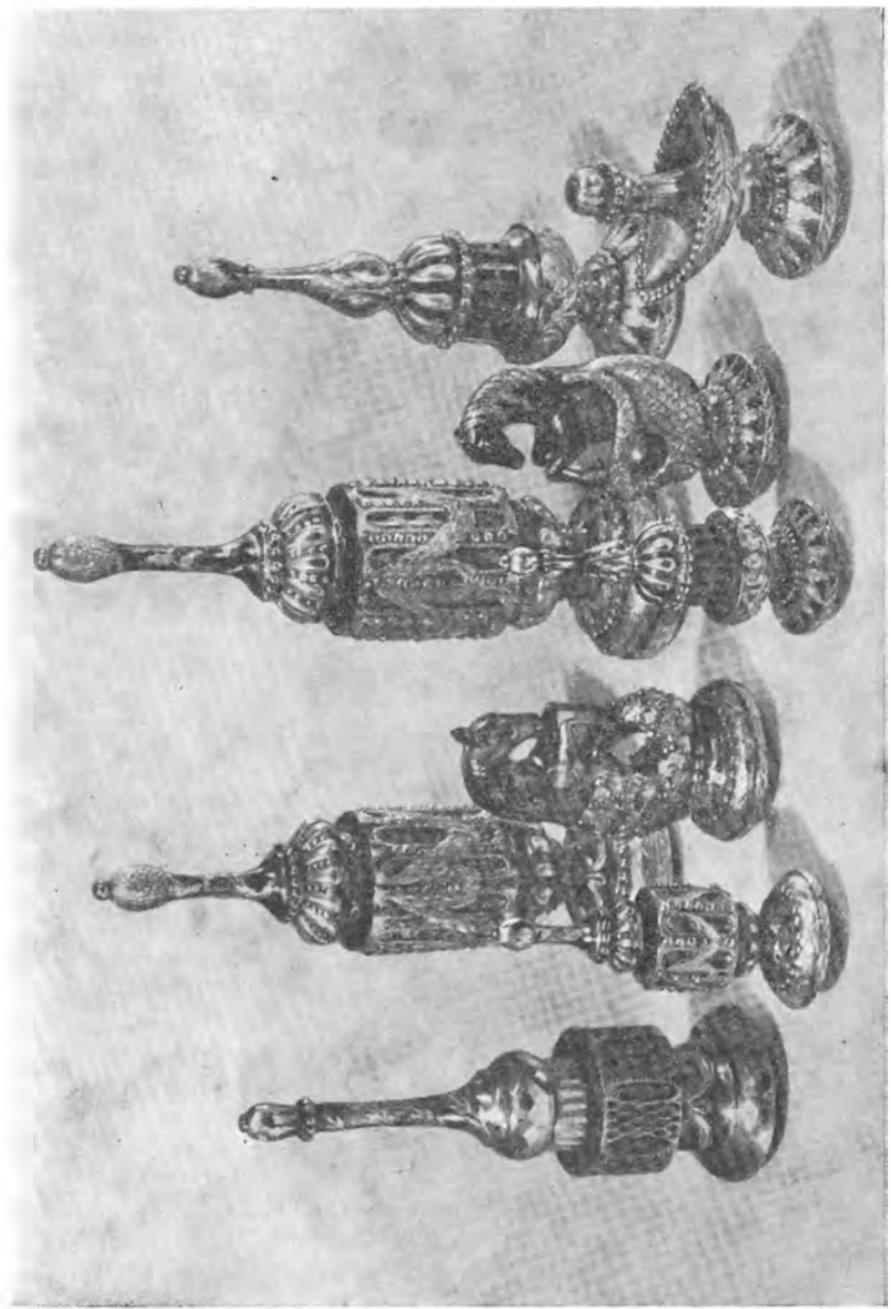
ственно каждой стороне доски), разбитые на две группы союзников, которые играют, не консультируясь. У каждой стороны, кроме обычного числа шахматных фигур, имеются в так называемых крепостях еще по три резервные фигуры (жонь, слон и ладья). Крепости находятся на доске же, справа от играющего. Одно из важных стратегических правил — скорее рокировать, увести короля в крепость, где ему труднее дать мат. Сторона, получившая мат, выбывает из игры. Поэтому одним из главных моментов этой игры являлось взаимодействие союзников.

Четверная игра встречалась в XVIII в. и в других странах, но с несколько иными правилами. А. Д. Петров, описывая, как играли в эту игру в Петербурге, отмечал, в частности, ее преимущества по сравнению с немецкой. В последней, например, когда одному из королей сделан мат, фигура не снимается с доски и союзнику предоставляется право освободить его от мата. «Это,— писал Петров,— совершенно противно духу шахматной игры, где жертвуешь иногда несколькими офицерами и даже ферзем, чтобы сделать мат,— а тут, смотришь, и освободят от данного уже мата! Немецкая игра не так занимательна, как наша, и представляет еще то неудобство, что партии длятся чрезвычайно долго».

Игра на 192 полях хотя и остроумна, но лишена того творческого и спортивного интереса, какой имеют обыкновенные шахматы, ибо в случае поражения можно все свалить на оплошность союзника. Приверженность Екатерины II к этой игре была вполне понятной: в шахматы, как и в жизнь, она вносила элементы пышности, парадности. Это хорошо знали придворные вельможи. В 1796 г. граф А. С. Строганов устроил для прибывших в его загородный дворец Екатерины II и шведского короля Густава IV партию живых шахмат. На лугу, где зеленым и желтым дерном выложили «шахматную доску», слуги, переодетые в средневековую одежду, передвигались в соответствии с ходами шахматной партии.

Шахматные фигуры — король, ферзь, слоны, кони, ладья, пешки.
Сталь. 1782 г. Тульский оружейный завод.

Государственный Эрмитаж в Ленинграде

Стремясь прослыть покровительницей шахмат, Екатерина II не прочь была купить у венского изобретателя Кемпелена автомат, секрет которого в то время еще не был разгадан. В 1787 г. Кемпелен гастролировал с машиной в России. Лишь много позже узнал мир, что внутри механического игрока, сделанного в виде огромного турка, был искусно спрятан сильный шахматист. А пока газеты всех стран были полны сообщений о чуде века, о «магнетической силе, приводящей в движение машину», и т. д.

Сохранилось также много сведений об увлечении шахматами екатерининского фаворита князя Г. А. Потемкина. К нему приезжал известный прибалтийский шахматист К. Ф. Амелунг. По свидетельству современников, в приемной Потемкина стояло несколько столиков с шахматами. Поэт Державин в оде «Росс в Измаиле», посвященной Потемкину, писал:

Одной рукой он в шахматы играет,
Другой рукой народы покоряет.

К сожалению, отрывочны сведения о шахматных увлечениях ряда известных деятелей той эпохи — президента Академии художеств И. И. Бецкого, художницы Н. В. Головиной, флотоводца И. Ф. Крузенштерна, великого полководца А. В. Суворова. Один из современников Суворова рассказывает следующий эпизод в подтверждение необыкновенного самообладания полководца. Это было при взятии Очакова летом 1788 г. Во время штурма крепости Суворова ранили. К нему вызвали хирурга француза Массо. Вбежав в палату, врач нашел его в крови, но играющим в шахматы со своим адъютантом. И только после настойчивых уговоров полководец позволил перевязать себе рану.

БОЛЬШИЕ ИСКУСНИКИ В ШАХМАТАХ

Английский историк Уильям Кокс, побывавший в России (1772), отметил шахматное мастерство: «Русские славут большими искусниками в шахматах». Эти слова сказаны в такое время, когда в ряде стран Европы были

уже известные шахматисты, когда в Италии и Франции вышли в свет теоретические трактаты, с интересом воспринятые на европейском континенте. Прав ли был Кокс? Были ли сильнее русские шахматисты осведомлены об успехах шахмат в других странах, о достижениях теоретической мысли в области шахматного искусства? Оказали ли они влияние на уровень шахматной игры в России?

Прежде чем решить эти вопросы, важные для всего дальнейшего прогресса шахмат в стране, кратко остановимся на характеристике особенностей шахматной жизни таких государств, как Франция и Италия, на шахматных сочинениях лучших мастеров этих стран.

В то время как в древней Руси шахматы с самого начала получили широкое распространение среди различных слоев общества и лишь в XVIII столетии они в силу ряда условий стали бытовать преимущественно в дворянских и придворных кругах, в некоторых странах Европы наблюдалась противоположная картина. В XVIII столетии шахматы перестали быть здесь привилегией феодалов и получили распространение среди «третьего сословия». В первую очередь это можно было наблюдать во Франции, где рост буржуазии оказал заметное влияние на общественную и культурную жизнь страны. Если раньше шахматные поединки устраивались преимущественно при дворах королей, то теперь местом собрания шахматистов стали служить кафе и клубы. В Париже громкую известность приобрело кафе «Режанс». Сюда приходили играть Вольтер, Дидро, Руссо, Робеспьер и другие общественные деятели, писатели, философы.

Здесь начал свою шахматную карьеру выдающийся французский шахматист Андре Даникан Филидор (1726—1795), по профессии певец и музыкант. Он одержал победы над многими шахматистами Парижа и Лондона, выиграл матч у сирийца Филиппа Стаммы, автора известного сборника ста концов партий, а в 1749 г. сам издал книгу «Анализ шахматной игры». Она включала в себя девять партий с подробно прокомментированными ходами и анализ эндшпиля (ладья и слон против ладьи). В следующем издании (1777) Филидор сохранил этот материал, добавив к нему несколько дебютов и

ряд превосходных анализов пешечных, ладейных, ферзевых и других окончаний.

Как глубокий мыслитель предстает перед нами французский шахматист и в своих комментариях к партиям; в них он стремился показать решающее влияние на весь ход партии пешечной цепи и пешечного центра. Учение о пешках и центре имело для своего времени положительное значение и явилось в дальнейшем одной из основ позиционного учения. Однако Филидор преувеличивал значение пешечной структуры: «Пешки — душа шахмат. От их правильного или плохого расположения зависит успех атаки или защиты; искусство игры ими решает участь партии». Такое прямолинейное решение сложнейших проблем шахматной теории и практики, естественно, привело Филидора к пренебрежению фигурной игрой, обедняло шахматное искусство, сковывало творческие возможности шахматиста, его вдохновение и фантазию.

Взгляды Филидора разделялись не всеми теоретиками и мастерами. В 50—60-х годах XVIII в. против пешечной теории, в защиту комбинации выступили его современники — моденцы дель Рио, Лолли и Понциани. Книги этих авторов, в их числе «Ни с чем не сравнимая игра в шахматы» (1769) Понциани, продолжая романтические традиции итальянских мастеров эпохи Возрождения — Полерно, Сальвио, Греко и других, творчески обосновали принципы фигурной игры и основной из них — быстрое развитие фигур. Пешки, утверждали они, мешают фигурной игре, выигрывает тот, кто лучше комбинирует. В защите творческих, комбинационных возможностей шахматной игры и состояла заслуга итальянской школы. Однако, отрицая позиционные основы игры, итальянские шахматисты впали в другую крайность, в другую односторонность.

Так, в середине XVIII в. возникли во Франции и Италии первые шахматные школы: комбинационная и позиционная. Шахматные трактаты Филидора и итальянских мастеров получили распространение во многих странах Европы, оказали значительное влияние на развитие шахматного искусства. Хорошо известны были эти работы и в России. Уже тогда в стране имелись любители шахмат, которые серьезно подходили к изу-

чению игры и были знакомы со многими иностранными шахматными сочинениями.

В библиотеках сильнейших шахматистов Петербурга конца XVIII — начала XIX в. — чиновника-юриста И. А. Соколова, писателя и чиновника Н. П. Брусилова, поэта и сенатора Д. О. Баранова, писателя-драматурга А. Д. Копьева — можно было встретить книги разных иностранных авторов. Об этом рассказывает в своих воспоминаниях А. Д. Петров. О Н. П. Брусилове Петров писал: «У него много было книг о шахматной игре, которыми я пользовался...» О другом шахматисте, А. Д. Копьеве, мы узнаем, что он, «начиная, играл всегда гамбитом». Об И. А. Соколове, деде А. Д. Петрова, говорится еще определеннее: «У него были рукописи и заметки из разных шахматных книг»²⁶.

Какие книги больше всего привлекали внимание русских шахматистов? Об этом можно судить благодаря воспоминаниям Петрова о Соколове — одном из сильнейших шахматистов Петербурга конца XVIII столетия. В своих рассказах «Сцены из жизни шахматных игроков» он подробно описывает шахматные занятия Соколова, сообщает о его любимых зарубежных шахматных авторах. И. А. Соколов, пишет Петров, имел обыкновение разбирать партии и окончания в книгах калабрийца Греко, Стаммы и Филidora. Представляет интерес любимое изречение Соколова, которое Петрову еще в детские годы не раз доводилось от него слышать и которое содержало как бы теоретическое кредо петербургского шахматиста: «Играй, да смотри в оба! Пешки в центр утверждай, выводил офицеров, шаха и ферзя не ставь на росшах» (т. е. под вилку коня)²⁷. Эти слова говорят о том, что уже в XVIII в. русские шахматисты, по-видимому, обращали внимание на положение пешек в центре и на развитие фигур.

Не было почти ни одного более или менее значительного шахматного трактата, который оказался бы вне поля зрения русских шахматистов. Об этом свидетель-

²⁶ А. Петров. Краткий очерк моей шахматной жизни. — «Шахматный листок», 1860, № 22, стр. 267—272.

²⁷ А. Петров. Сцены из жизни шахматных игроков. — «Отечественные записки», СПб., 1844, т. XXXVI, № 1С стр. 81—86.

ствуется, в частности, список литературы, с которой ознакомился А. Д. Петров, когда он работал над своим шахматным руководством. Тут названы издание Густава Селенуса (1616) и итальянский трактат Джоакино Греко (1741), два издания Стаммы (1741 и 1777) и сочинения моденцев, первые издания «Анализа» Филлидора, руководство австрийского мастера Альгайера и другие, всего 12 иностранных сочинений.

Следовательно, русские шахматисты конца XVIII в. были не только практически сильными игроками, но и теоретически образованными. Они имели свои взгляды на различные проблемы шахмат, свои мнения о достоинствах того или иного сочинения, того или иного направления в шахматном искусстве. Все известные нам шахматисты — И. А. Соколов, Н. П. Брусилов, А. Д. Копьев, Д. О. Баранов и другие — были всесторонне образованными людьми, владели многими языками и потому вполне удовлетворяли свои шахматные запросы в иностранных сочинениях.

Этим прежде всего и объясняется, почему в XVIII в. в России не вышло ни одного крупного шахматного руководства. В нем не было тогда необходимости, так как круг лиц, нуждавшихся в шахматных книгах, был сравнительно узким. Правда, передовые шахматисты уже в то время мечтали о более широком распространении игры, пропагандировали серьезное отношение к шахматной игре. Именно этим следует объяснить появление в 1791 г. в Петербурге в виде отдельного издания перевода небольшой работы американского общественного деятеля Вениамина Франклина «Нравственность игры в шахматы». Произведение это, насчитывавшее всего 12 страниц, было напечатано на русском языке под названием «Правила для шашечной игры, сочиненные Франклином».

Книга Франклина была первой на русском языке, специально посвященной шахматам. Она представляла собой, однако, не «правила игры», как вольно перевел название переводчик, а своеобразное пропагандистское произведение, рассказывающее о достоинствах шахмат. Шахматную игру, отмечалось в этой книге, «не должно почитать бесполезным препровождением праздного времени; в ней можно почерпнуть многие душевные каче-

ства, которые, будучи полезными в течение жизни человеческой, почтение заслуживают... Жизнь человеческая есть род шашечной игры, в которой мы стараемся что-нибудь выиграть; в которой мы имеем против себя соперников, с коими должно нам сражаться; и где встречается множество различных случаев, как счастливых, так и несчастливых, которые некоторым образом можно приписать или благоразумию нашему, или неосторожности».

Работа Франклина была также включена в собрание сочинений ученого, вышедшее в Москве в 1803 г., и способствовала распространению шахмат в России.

История шахмат в XVIII в. представляет собой, таким образом, важное звено в эволюции игры в России, в достижении высот шахматного мастерства лучшими шахматистами начала XIX столетия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Большой и сложный путь развития прошла шахматная культура в древней Руси. Проникнув с Востока около тысячи лет назад, шахматы получили затем распространение на огромных пространствах Киевского государства. Такой вывод можно сделать уже сейчас, исследуя шахматную терминологию и археологические находки. По всей вероятности, первоначально русские названия фигур и игры выглядели так: «цъсарь», «ферзь», «ладья», «слон», «конь», «пешьци» и «шахматы». Все они возникли благодаря непосредственному соприкосновению с народами восточных стран и образовались одновременно не позже X в., так как уже в слоях начала XI—XII вв. археологами найдены изобразительные фигуры, соответствовавшие русским названиям.

О конкретных путях проникновения шахмат на Русь накопилось еще сравнительно немного материалов. Но если учесть, что в период между VIII и X вв. на пути восточных славян в страны Средней Азии, Ирана и арабского Востока лежал Хазарский каганат, что первые находки фрагментарных шахмат и фигуры шахматного слона относятся к X—XI вв. и что они были обнаружены при раскопках хазарской крепости Саркел и возникшего на ее месте русского поселения Белая Вежа, то гипотеза историков шахмат М. К. Гоняева и И. Т. Савенкова о роли хазар в «транзитной передаче» шахмат-

ной игры предстанет ныне в новом освещении. При этом, конечно, следует предположить длительность и сложность процесса заимствования игры, в котором нельзя недооценивать и непосредственных контактов славян со многими другими народами Востока.

В последние годы при раскопках древнерусских городов советские археологи находят все больше фигур, относящихся к XI—XII вв. и бесспорно свидетельствующих о том, что задолго до татаро-монгольского нашествия игра получила на Руси заметное распространение. С самого начала среди восточных славян были в употреблении два вида фигур — изобразительные и символические. Первые реалистически отображали различные рода древнерусского войска, вторые носили условный характер и изготавливались на манер восточных образцов.

Археологические находки шахмат уже сейчас охватывают многие земли древней Руси — Киевскую, Полоцкую, Новгородскую, Ростово-Суздальскую и др. Особого внимания заслуживает крупнейшая в мире археологическая коллекция шахмат, добытая в последнее десятилетие Новгородской экспедицией Института археологии Академии наук СССР. Это уникальное собрание находок шахматных фигур в слоях XII—XV вв. необычайно расширяет наши представления о старинных шахматах, их распространении в разных слоях населения, их роли в культурной жизни Руси.

Изучению древнейшего периода в истории шахмат может во многом помочь критический анализ шахматных эпизодов и мотивов в народном эпосе. По-видимому, не случайно народные певцы, создавая героические былины, включали шахматы в число традиционных средств испытаний силы и ума любимых героев-богатырей.

В полной мере учитывая художественные особенности эпических произведений, символический характер обобщений, мы все же можем использовать былины и как исторический источник. В них нашли отражение некоторые особенности быта Киевской Руси, в частности в области шахматной игры. Благодаря былинам мы узнаем и о популярности шахмат среди русских воинов (ею увлечены все главные герои эпоса — богатыри

Илья Муромец, Алеша Попович, Добрыня Никитич, Михайло Потык и другие), купцов (Садко), женщин (Катерина Микулична и другие), о некоторых обычаях старины («Шах да и мат да и под доску»), о древнейших русских терминах («заступь», «шахматы», «шашки», «тавлеи», «пешцы»).

Так, благодаря комплексному исследованию становится очевидным, что уже в Киевской Руси XI—XIII вв. шахматы стали неотъемлемой частью культуры и приобрели много черт самобытности. Этим игра в какой-то мере обязана и своеобразию русской шахматной терминологии, и мастерству косторезов, чьи шахматные изделия представляли собой образцы прикладного искусства той эпохи, и, наконец, былинному эпосу, поставившему шахматы на высокий пьедестал народной культуры.

Татаро-монгольское нашествие в XIII в., принеся с собой огромные разрушения и двухвековой гнет, явилось тормозом в развитии многих областей культуры, в том числе шахмат. Непримирым врагом шахматной игры под непосредственным византийским влиянием становится церковь. Однако проклятия и запреты религиозных поучений не смогли вытравить любви к шахматам, успевшим уже пустить глубокие корни в народе.

В XVI—XVII вв. наступает новый расцвет шахматной культуры. Проникнув во все слои населения, игра становится особенно популярной в среде ремесленников, торговых и служилых людей, у бояр и московских самодержцев. Особенно большое распространение шахматы получают в Москве и на севере Руси. Здесь высокое искусство в изготовлении изобразительных костяных шахмат демонстрируют холмогорцы. Появляются даже профессиональные мастера по выделке фигур, так называемые шахматчики. Сохранившиеся в Центральном государственном архиве древних актов документы второй половины XVII — начал XVIII в. свидетельствуют о своеобразном культе шахмат при царском дворе, о том, что игра эта стала одним из элементов царского воспитания.

Увлечение шахматами в Московском государстве обратило на себя внимание иностранных путешественников, неизменно отмечавших это в своих записках и

письмах. В то же время наблюдается соприкосновение и взаимовлияние русской и западноевропейской шахматной культуры. Воздействие шахмат ряда других стран Европы выразилось в усвоении новых правил игры и шахматной терминологии, которые начинают бытовать параллельно с русскими правилами и терминами, а позднее — в знакомстве с иностранными шахматными сочинениями.

Окидывая единым взглядом картину развития шахмат в России в XVIII в., можно заметить новые явления, вызванные целым рядом причин, и прежде всего огромными переменами в жизни русского общества. Наблюдается сужение круга людей, среди которых шахматы имели распространение. Ремесленники специализируются на изготовлении дорогих шахматных наборов из кости, фарфора и т. д., которые были предназначены для состоятельных слоев общества. Этим же объясняется почти полное отсутствие специальной шахматной литературы на русском языке: шахматисты из дворян и чиновников вполне могли удовлетворить запросы в иностранных шахматных книгах. Им были хорошо известны все крупные сочинения — Филидора, Стаммы, итальянских мастеров, Альгайера и других авторов.

Следовательно, по уровню теоретической подготовки, по широте шахматного мышления русские шахматисты не отставали от века, а по практической силе, судя по отзывам иностранных современников, считались одними из лучших в Европе. Только тем, что уже в конце XVIII в. в России были овладевшие теоретическими знаниями и сильные для своего времени шахматисты, можно объяснить выдвижение в начале следующего столетия таких выдающихся мастеров и шахматных теоретиков, как А. Д. Петров и К. А. Яниш, появление целой плеяды замечательных мастеров в середине XIX в.

Так выглядит в предельно кратком изложении тысячелетняя история шахмат на Руси. Изучение ее показывает, как древняя восточная игра в процессе многовекового развития превратилась в одну из ветвей национальной культуры, тесно связанную со многими другими областями деятельности и культуры — ремеслом,

прикладным искусством, литературой, народным эпосом, просвещением и т. д. Вместе с тем становится ясной взаимосвязь шахматно-исторического исследования со многими областями науки — историей, археологией, этнографией, языкознанием и литературой. Нет сомнения в том, что новые достижения всех этих областей науки дадут возможность в ближайшее время более полно и всесторонне представить картину десятивекового развития шахмат на Руси.

ЛИТЕРАТУРА

1. ОБЩИЕ РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ ШАХМАТ

- М. К. Гоняев. Шахматы в России. (Приложение к книге А. Геллера «Правила шахматной игры», Елисаветград). 1875.
- М. К. Гоняев. Из истории шахматной игры.— «Шахматное обозрение», 1893, № 26—29.
- Е. А. Эносско-Боровский. Шахматы в России.— В кн.: «IV Всероссийский шахматный турнир», СПб., 1907.
- А. А. Смирнов. Очерк развития шахматного искусства в России (СССР).— В кн.: Л. Бахман. Шахматная игра в ее историческом развитии. Л., 1925.
- Л. Бахман. Шахматная игра в ее историческом развитии. Перев. с нем. Л., 1925.
- М. С. Коган. История шахматной игры в России. Л., 1927.
- В. И. Нейштадт. Женщины в шахматной истории.— «Шахматный листок», 1930, № 1.
- М. С. Коган. Краткий очерк истории шахмат. М.— Л., 1931.
- Н. И. Греков. История шахматных состязаний. М., 1935; изд. 2. М., 1937.
- М. С. Коган. Очерки по истории шахмат в СССР. М.— Л., 1938.
- Г. Меррей. Насколько стара шахматная игра. Перев. с англ.— «Шахматы в СССР», 1938, № 12.
- П. А. Романовский. Итальянская шахматная школа.— «Шахматы за 1954 г.», М., 1955.
- И. М. Линдер. Наука о шахматах.— «Наука и жизнь», 1955, № 9.
- Е. Гиждикий. С шахматами через века и страны. Варшава, 1958.
- П. А. Романовский. Романтизм в шахматном искусстве. М., 1959.
- И. Л. Майзелис. Развитие шахматного стиля. Краткий исторический очерк.— В кн.: «Шахматы», М., 1960.
- Я. И. Нейштадт. Шахматы до Стейница. М., 1961.

- Th. Hyde. Mandragorias seu Historia Shahludii.— «De ludis orientalibus libri duo», Oxonii, 1694, vol. 1.
- W. Jones. On the Indian game of chess. London, 1799.
- D. Forbes. The history of chess. London, 1860.
- A. Linde. Geschichte und Literatur des Schachspiels. Berlin, 1874.
- A. Linde. Quellenstudien zur Geschichte des Schachspiels. Berlin, 1881.
- H. Lasa. Zur Geschichte und Literatur des Schachspiels. Leipzig, 1897.
- J. Kohtz. Das Schachspiel im Mittelalter.— «Handbuch des Schachspiels», 8 Auflage, Leipzig, 1912.
- H. J. R. Murray. A history of chess. Oxford, 1913.
- H. A. Davidson. A short history of chess. New York, 1949.
- H. und S. Wichmann. Schach. Ursprung und Wandlung der Spielfigur im zwölf Jahrhunderten. München, 1960.
- H. J. R. Murray. A short history of chess. Oxford, 1963.

II. КНИГИ, СТАТЬИ, МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ШАХМАТ ДРЕВНЕЙ РУСИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ СТРАН

- А. К. Леонтьев. Описание китайской шахматной игры. СПб., 1775.
Правила для шашечной игры, сочиненные Франклином. СПб., 1791.
- И. Г. Бутримов. О шахматной игре. СПб., 1821.
- А. Д. Петров. Шахматная игра, приведенная в систематический порядок с присовокуплением игор Филидора и примечаний на оныя. СПб., 1824.
- К. А. Яниш. Русская шахматная терминология (Linguistique de l'echiquier, russe. «Le Palamede», 1842, II). См. перев. статьи в «Шахматном обозрении», М., 1892, № 13—14.
- А. В. Терещенко. Шахматы.— В кн.: «Быт русского народа», ч. IV, СПб., 1848, стр. 78—79.
- А. Д. Петров. Краткое описание четверной шахматной игры с крепостями.— «Шахматный листок», 1862, № 44.
- И. Чарин. История шахматной игры в связи с историей цивилизации народов.— «Шахматный листок», 1876, № 4; 1877, № 2—3.
- А. Н. Грачевский. Очерки из истории шахматной игры.— «Шахматный листок», 1879, № 11—12.
- С. А. Сорокин. Об игре «таблей».— «Радуга», М., 1884, № 8.
- С. А. Сорокин. Исторические справки о шахматах в России.— «Шахматное обозрение», 1892, № 13—15.
- С. А. Сорокин. Шахматы в русской народной словесности.— «Шахматное обозрение», 1892, № 16.
- Фарфоровые шахматы XVIII века.— «Шахматное обозрение», 1892, № 11.
- М. К. Гоняев. Письмо Д. И. Саргину (о времени и путях проникновения шахмат в древнюю Русь).— «Шахматное обозрение», 1892, № 10.
- И. Т. Савенков. К вопросу об эволюции шахматной игры. М., 1905.

- В. Бублик. История шахматной игры.— «Нива», 1909, № 12.
- Д. И. Саргин. Древность игр в шашки и шахматы. М., 1915.
- Д. И. Саргин. Немцы о шахматах в России.— «Шахматный вестник». 1916, № 2, 3.
- В. Нейштадт. Сказания иностранцев о шахматах в России.— «Шахматный листок», 1930, № 13, 14.
- С. Кондратьев. Шахматная игра у монголов.— «Шахматы в СССР», 1931, № 13, 14.
- И. Орбели и К. Тревер. Шатранг. Книга о шахматах. Л., 1936.
- Е. Синегуб. Шахматы в богатырском эпосе.— «64», 10 мая 1939.
- Я. Рохлин. О древности русских шахмат.— Бюлл. «Международный шахматный турнир памяти Чигорина», 1947, № 8.
- П. Рождественский. К истории шахмат в России.— «Шахматы в СССР», 1949, № 12.
- С. Н. Замятин. О старинных русских шахматах.— В сб.: «Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симла», М.— Л., 1951.
- З. Ходжаев, Ф. Дюммель. Новые данные по истории шахмат.— «Шахматы в СССР», 1951, № 10, 11.
- И. Майзелис. К вопросу о происхождении и развитии шахмат.— «Шахматы в СССР», 1952, № 10, 12.
- Я. Рохлин. К вопросу о древности русских шахмат.— «Советский спорт», 28 февраля 1952.
- З. Ходжаев, Ф. Дюммель. Еще о древности и самобытности отечественных шахмат.— «Шахматы в СССР», 1952, № 5.
- Ф. Дюммель, З. Ходжаев. К итогам изучения рукописи Абульфатха.— «Шахматы в СССР», 1955, № 10.
- М. Матвеев. К истории шахмат на Урале.— «Шахматы в СССР», 1955, № 6.
- М. Рабинович. К истории шахмат в России.— «Шахматы в СССР», 1955, № 11.
- Т. Гиоргадзе. Из истории шахмат в Грузии (1. Зарождение шахмат. 2. Шахматы в народе).— Бюлл. «Полуфинал XXIV чемпионата СССР», Тбилиси, 1956, № 3.
- М. Вадбольский. Шахматы как элемент астрологических культов в древности.— Бюлл. «Полуфинал XXIV чемпионата СССР», Тбилиси, 1956, № 4.
- И. Майзелис. К истории шахмат на Руси.— В сб.: «Шахматы за 1957 г.». М., 1959.
- О. Обельченко. Находка старины.— «Правда Востока», Ташкент, 8 февраля 1959.
- Э. Гулямова. Шахматные фигуры с городища Хульбук.— «Иzv. отд. обществ. наук АН Таджикской ССР», 1960, вып. 1.
- Б. Колчин, И. Линдер. Шахматы в древнем Новгороде.— «Шахматы в СССР», 1961, № 8.
- Б. Колчин, И. Линдер. В такие шахматы играл Садко.— «Наука и жизнь», 1961, № 8.
- М. Рабинович, Г. Латышева. Партия шахматы.— В кн.: «Из жизни древней Москвы». М., 1961, стр. 157.

- Т. Абрам. Первые сведения о шахматах в Прибалтике и старейшая шахматная книга Стефана.— «Шахс», Рига, 1961, № 21.
- С. Г. Струмилин. Шах да и мат да и под доску.— «Наука и жизнь», 1962, № 1.
- В. П. Даркевич. Древнерусские шахматы.— «Наука и жизнь», 1962, № 8.
- Г. Шовкопляс. Шахи й шашки в давнину.— «Україна», Киев, 1962, № 15 (318).
- С. Ратгауз. Необыкновенные шахматы.— «Шахматы», Рига, 1963, № 7.
- И. Линдер. Шахматы древней Руси (новые археологические находки).— «Шахматы в СССР», 1963, № 4, 5.
- Г. Ф. Корзухина. Из истории игр на Руси.— «Советская археология», 1963, № 4.
- И. Линдер. Шахматы древней Москвы.— «Шахматная Москва», 25 января 1964.
- Н. J. R. Murray. On the history of chess in Russian Empire.— «British chess Magazine». London, 1907.
- Ph. Koukoulès. To zatrikion.— «Vie et civilisation Bysantines» vol. 1, Athènes, 1948.
- G. Porreca. Gli scacchi nell'antica Novgorod.— «L'Italia scacchistica», Milano, 1962, № 4.
- J. Gizycki. Najstarsza szachy polskie. Rewelacyjne odkrycie archeologiczne w Sandomierzu.— «Szachy», Warszawa, 1963, № 5

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Откуда пришли шахматы	11
Происхождение шахмат	11
Термины и века	21
О путях и времени проникновения	43
Русь шахматная	54
История, рассказанная фигурами	54
Шахматы Господина Великого Новгорода	65
По канонам византийской церкви	75
Сквозь призму былин	87
Из дали киевских времен	87
Игра трех заступей	95
«...В шашки-шахматы, во тыи велеи золоченыя»	99
В Московском государстве	105
Перечитывая «столбцы» Оружейной палаты	106
Шахматы доброго мастерства	117
Ферзь всяческая	129
Шахматы и просвещение века	137
На петровских ассамблеях	138
Сказ об умельцах Тулы и Петербурга	141
Большие искусники в шахматах	148
Заключение	154
Литература	159

Исаак Максович Линдер
Шахматы на Руси

*Утверждено редколлегией
научно-популярной литературы
Академии наук СССР*

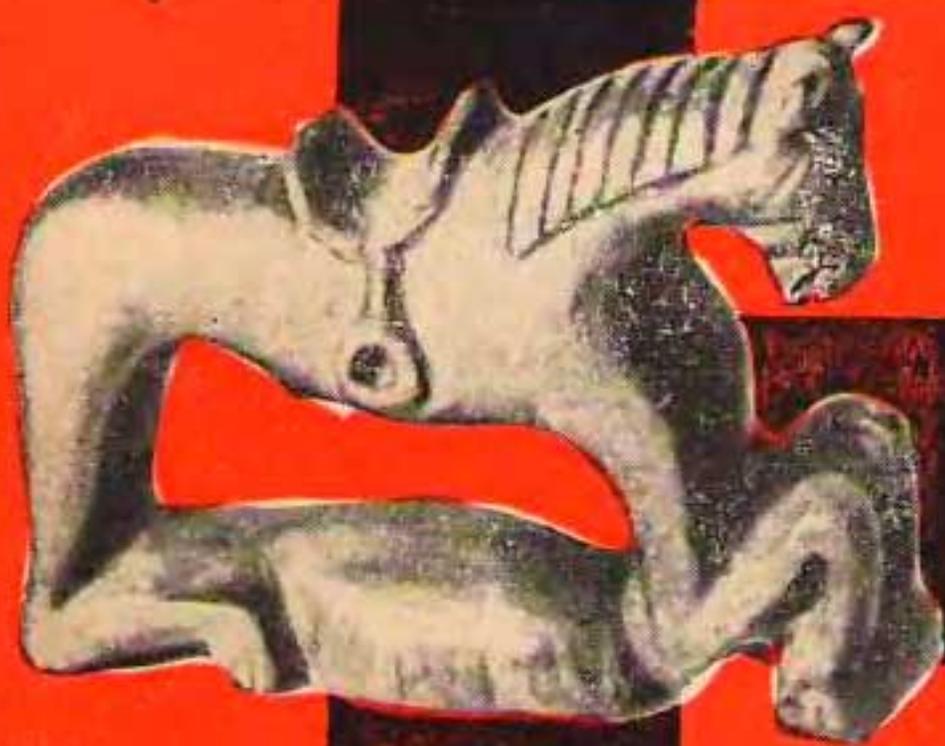
Редактор издательства *Л. В. Лукашевич*
Художник *Г. В. Дмитриев*
Технический редактор *А. П. Ефимова*

Темплан 1964 г. № 22 Сдано в набор 8/V 1964 г.
Подписано к печати 29/VII 1964 г.
Формат 84×108¹/₃₂ Печ. л. 5,12 8,39 усл. л.
Уч.-изд. л. 7,7 Тираж 20 000 экз
Т-12213. Изд. № 5010/64. Тип. зак. № 677.
Цена 46 коп.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подосенский пер., 21

2 я типография издательства «Наука»
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

46 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»